Алексей Козлов

Lichtenwald

Лихтенвальд из Сан-Репы

Том 2

Алексей Козлов

Лихтенвальд из Сан-Репы. Роман. Том 2

«Издательские решения»

Козлов А.

Лихтенвальд из Сан-Репы. Роман. Том 2 / А. Козлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830189-6

«Лихтенвальд из Сан-Репы» — роман о доблестном Алексе Лихтенвальде, которому помогают высшие силы. Возвращение на родину и новые похождения в компании с Гитболаном и Кропоткиным.

ISBN 978-5-44-830189-6

© Козлов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Новое явление страшного незнакомца народу 6
Глава 2. Страшный случай на дороге 10
Глава 3. Город Сблызнов в утреннем свете 14
Глава 4. Снова с Гитболаном 23
Глава 5. Имени Кирилла и Мефодия 60
Глава 6. Ресторан «Прага» 62
Глава 7. Короткая 67
Глава 8. В нумерах 68
Глава 9. Походы и триумфы Божественного Цезаря 69
Глава 10. Коронка, но не та! 83
Глава 11. Армейские помещики 85
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Лихтенвальд из Сан-Репы
Роман. Том 2
Алексей Козлов

© Алексей Козлов, 2017
© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-0189-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Новое явление страшного незнакомца народу

Ранним утром обещавшего быть прекрасным дня июля одна тысяча девятьсот, не будем говорить какого года, на старой Нусековской дороге, у развилки, обозначенной только поваленным ржавым столбом, остановилась роскошная машина – массивный чёрный масляно-никелево – лакированный закрытый лимузин невиданной модели, с золотыми дворниками и затемнёнными окнами. Потом несколько любителей-автомобилистов, напрягая извилины, припомнили, что модель эта точно была «Мерседесом» образца 1934 года, ручного исполнения, сильная штучка! Несколько старых пердунов увидев такое диво, облизались. Машина эта довольно долго стояла у края дороги в ожидании чего-то, и её никто не покидал. Потом дверь треснула, и из неё первым делом выскочил шустрый длинноволосый и длинноносый угреватый шофёр в оранжевой кепке и услужливым движением распахнул широкую переднюю дверь. Через несколько секунд из машины, запахивая чёрный кожаный плащ нервными интеллигентными руками, вылез высокий, плотный мужчина, с очень эксцентричным и завораживающим лицом, как автору показалось – весьма знакомым по каким-то древним публикациям и документальным фильмам, с чёлкой и импозантными венскими усиками под носом по моде начала прошлого века. Вслед за ним появился совершенно разухабистый, явно страдающий одышкой толстяк в тоге. В руках толстяк бережно сжимал круглую гнутую красную баранку от детского велосипедика «Росток». Присутствовавшие при появлении толстяка женщины без всяких оснований могли сделать скороспелый вывод, что толстяк в тоге очень любит детей, сделать – и ошибиться, он их терпеть не мог! Все, все старые девы заявляют, что любят детей, но так ли на самом деле, никто не знает.

Завершал появление странной компании болезненный бомжеватого вида субъект в нищенской, всюду залатанной робе, похожей на толстовку. Милиционер, заметивший странную гоп-компанию из стеклянной будки, сначала решил проверить документы у странных персон, для чего уже и привстал, но потом, увидев нечто вообще несообразное, побелел, сел обратно на карман с дневной выручкой и из будки не пошёл. Велик был контраст между ухоженным нагловатым денди в машине и его странным попутчиком и вызывал вопросы.

«Что общего может быть между этим нищим плохо одетым бастардом и пижоном в шляпе, явным иностранцем? Ничего не может быть! Персоны из разных опер! Весьма подозрительная парочка! – напрашивался сам собой ответ, – Что общего между этим сомнительным аристократом и клоуном в тоге? Для рождественских утренников время явно не подходящее, далеко ещё до новогодних ёлок, не до них сейчас! Ну и троица! Не взорвали бы тут чего! Надо бы проверить, не иностранцы ли? – думал милиционер и не находил ответа, что делать. Думал милиционер проверить подозрительную троицу, думал, да так и не проверил. Испугался он совсем другого, о чём даже мы не будем говорить и испугавшись, к машине не пошёл вовсе… не потому, что заметил странное. Каждый день тут, на его дороге было столько странного, что он уже ко всему привык, но тут… На самом деле пригвоздил, пришпилил его взгляд странного субъекта, очень тяжёлый, странный взгляд, от которого не приходилось ждать ничего хорошего. Как только мент оторвал зад от коленкорового сиденья, чтобы встать, иностранец посмотрел на милицейскую будку таким спокойным взглядом, так снял удобную лайковую перчатку и что-то произнёс глуховатым голосом так, что даже муравьи у обочины дороги замерли. Да-с, мы с прискорбием вынуждены констатировать, милиционеру совсем вдруг расхотелось идти исполнять свой долг.

– Ну, вот тут и будет! Подождём, наши друзья уже грузятся. А мент – умный! Знает, с кем надо дело иметь! Глаз намётан! – пробурчал клоун в тоге.

Совершив вместе с толстяком короткую прогулку к лесу, о чём-то заинтересованно беседуя, потирая руки и постоянно жестикулируя, высокий господин, видимо слегка размявшись, вернулся в машину и резко захлопнул дверь. Как раз в это время те, кого ждали на дороге уже, и правда, грузились в автобус.

– Шеф! А, шеф! Повеселите чем-нибудь исключительным, я знаю, как велика ваша коллекция человеческого материала. Мистер Гитболан! Давайте посмотрим, как живут здесь люди, самые обычные люди, я полагаю это не менее поучительное и интересное зрелище, чем забавы королев! Да и иногда можно повеселиться при этом так, как не повеселишься ни на одном эстрадном номере! Что там Букингемские забавы и Луврские причуды! Правда – здесь! – крикнул Кропоткин, заранее потирая ручки.

– Да! Идейка неплоха! – подтвердил Нерон, сморкаясь в подол хитона и зажав неудобную тиару между ног.

– Итак, вы, друзья мои, предлагаете мне посмотреть обычную бытовую сценку, какую можно часто видеть в их тесных жилищах? – засмеялся маг и одним движением развернул вращающийся шар.

«Эрец! Перец! Гармонайль! Вереск! Пенис! Харль! Манайль!»

В магическом стекле Гитболана было уж совсем что-то интересное. У входной двери стоял один был здоровенный парень с улыбкой на лице и длинными волосами до плеч, другой – дёрганый интеллигент с высохшим от постоянных запоров лицом встречал его по другую сторону, недоверчиво заглядывая в глаза. Через миг два персонажа находились в коридоре довольно новой квартиры и проходили один за другим в дверь. Кристалл даже читал мысли двух коренных сблызновчан, показавшихся мне почему-то поразительно знакомыми.

Элтон плюхнулся в новенькое кресло.

«Никакого уважения к моим трудам. Даже не заметил моей покупки, гнидёныш! Даже не заметил! Я всю спину порвал, гоняя тележку с майками по рынку! Столько башмаков прохудил! Ящики с майонезом «Лурд» – это вам не подарок! Труженик тыла! Иван Сивый!

Славика передёрнуло.

«Прорвёт, прорвёт, прорвёт своей утлой задницей тончайшую шёлковую китайскую обшивку. Шелковичные черви сейчас в гробу ворочаются, вспоминая свои заслуги! Пропадёт весь их труд и дум высокое стремленье! Китайские горшки лопаются от горя! Мать моя, зачем, зачем ты назвала меня Славиком? Я родился только затем, чтобы увидеть, как негодяй рвёт своей задницей шёлковую обшивку моих кресел? О, какая это насмешка судьбы! Такое впечатление, что у него из задницы растут железные шипы! Жлобьё! О, какие они все жлобы! Пилой прошёлся помоей обивке! Боже!»

Как не пожалеть о том, что впустил в свою жизнь чужих! Про себя он уже давал страшную клятву никогда больше не звать старых фронтовых друзей в своё новое жилище, не подвергнув их предварительно дезактивации или лучше вивисекции, но поддался в очередной раз добрым чувствам, и на тебе, получил по самые помидоры, всё поели, всё снесли, чуть дедовых кресел не лишился. Надо наблюдать за ними, чтобы мельхиоровые ложки не с… здили. Дай палец пососать – лапу откусят! Друзья! Мать предупреждала, хлебнёшь ты с ними амброзии! Где был мой ум? А-а? Где честь? Где совесть? Ампутирована!

Однако, похоже у Элтона запоздалая совесть всё же заговорила и он, аппетитно зевнув, покинул насиженное гнездо и стал рассматривать поддельные офсетные олеографии на стенах. Глядя на такую дрянь, правый глаз его смотрел налево, а левый направо. Стоял, как Командор, заложив руки за спину и приподнимаясь на носки трёхкопеечных штиблет. «Я любил такие носить в детстве. Сейчас такие уже не делают, секрет их изготовления утрачен. У меня сегодня во сне выпал зуб! Плохой знак, знак страданий и грядущей болезни!» Рассматривал расплывающиеся пейзажи, дрянь, обретающуюся в хоромах массового чело-

века. Целующиеся дети в лентах. Рождественский ангел голубой с позолоченной трубой. Кастрюльное золото самарской выделки. А это что?

Очки иногда снимал и протирал рваным кусочком дырявого носка. Нет, в нём всё же есть порода, не отнимешь, чёрт подери, не отнимешь! Аристократ в третьем поколении. Глыба! Матёра и прощание с ней. Протуберанец! Девятнадцатый век! Викторианский человек!

– Славик, я надеялся, что у тебя сохранились мои старые порно-карты? Помнишь, я подарил их тебе? Ну, помнишь? Не мог бы ты мне подарить или презентовать их мне на время, знаешь, у меня открылась вторая молодость! Старый солдат вылез из погреба! Настало время влюбляться и бить французов! Я летаю, как бравый орёл-стервятник – говорил дрозд и пытался придать своему голосу жалобу. Ярославна в портках. А тебе они всё равно не нужны! Я знаю!

Славик смешался с грязью и передёрнулся, как корабельный затвор.

– Элтон, я же женат! И женат счастливо! У меня фотографий больше нет! Порнография у меня теперь на кухне! Мне собак не надо! Нам и с женой вдвоём хорошо! Откуда у меня может быть хоть одна карта?

Элтон самоуглубился.

«Конченная душа! Кризис любопытства! Пытается убедить в том, чего нет! Жалкие потуги посредственности пред ликом Твоим, Господи!».

Элтон как бы не огорчился. Чего огорчаться при таком безнадёжном анамнезе. Правда, ё осмотр поддельных раритетов продолжился уже без разговоров.

Как бы прочувствовав полупрезрительное сочувствие друга и помолчав минут пять, Славик внезапно смягчился и рёк:

– Элтон, кстати, я совсем забыл, у меня ведь есть дюжина клубничных журнальчиков, может быть они поднимут твой дух? Только не лапай жирными пальцами! Бумага мелованная! Вот они! Новые!

Он долго лез на полки и рылся в книгах, пока не извлёк самое дорогое.

«Вопрос на засыпку».

Изображение вдруг размазалось и приняло вид вращающейся змеи.

– Вы видели интеллигентных людей средней полосы Европы начала двадцать первого века. Ну, как? Вы удовлетворены этим экскурсом в местные нравы? – спросил Гитболан.

Глубоко тронутый отеческой заботой и тлением, Нерон налился кровью и заблаговествовал:

«В трабант вскочили
И ногой – на газ!
Поганый полицай не словит нас!
Идём по автобану на рогах,
Вселяя в гувернанток дикий страх.
– Надбавь-ка жару! —
Гансик прорычал, —
– Мой «Тробби» выжат, —
Вальтер отвечал,
– Придётся, видно…
– …Вальтер, да ты чо?
– …Лежать в могиле нам к плечу плечо!
– Ты что чмонаешь, обречённый лох!
– Не надо напрягать меня! Я – плох!
Так и случилось. Сторож приволок

На две могилы жестяной венок».

– Нерон! Забыта Страна Детства! Нет надрыва! Нет! Где ломка первых дней творения? Где напор и натиск? Где полёт валькирий в майском небе? Где безумие первой любви? Тебя подводит европеидная бесхребетность! А то всё «приволок-заволок»… Шеф! Куда мы попали? – дуплетом прокричал Кропоткин и разбежался в разные стороны.

– Бди, каналья! – промолвил Нерон, – Довольно разговоров! Пустых Скоро промоушен будет! Едут!

Глава 2. Страшный случай на дороге

А тем же днём случилось вот что, описанное потом газетами: «Рано утром седьмого июля одна тысяча девятьсот… года» от от главного входа чрезвычайно презентабельного здания закрытого пансионата «Черепшина», где обычно отдыхали в тишине и столовались в покое высшие чины городской администрации славного и быть может известного вам по уголовной хронике центрального телевидения древнего города Сблызнова, в направлении к шоссе отбыл новенький, сверкающий никелем и тонированным стеклом автобус с игривой рекламой и группой депутатов Сблызновского Народного Сейма на борту, публике весьма разношёрстной, если не сказать более. Точнее, новенький «Мерседес» перевозил весь только что избранный в «народном» голосовании Сейм в полном его составе, если это можно так назвать. Отдых прошёл на ура, сами знаете, как располагает к весёлому и беззаботному времяпровождению чудная природа с рекой, вековым лесом, лугом, чистый сосновый воздух, просторные светлые номера кемпинга и наличие обширного бара. Прощальный вечер прошёл с трогательным пионерским костром и довольно тихо, если не считать разбитых холодильников в номерах, облёванных занавесок в столовой, полдюжины поломанных стульев в холле и груды мусора повсюду, о причинах возникновения которой никто не мог сообщить ничего толкового. Вечер завершился помпезным гимном Сан Репы, буйными плясками, быстрыми, но эффективными романами-случками с обслуживающим персоналом-девушками, поэтому утром его участники вставали тяжело. Да, тридцать три богатыря и две богатырские женщины, которые несмотря на свою половую принадлежность тоже, как оказалось, были депутатами, времени зря не теряли и рта зазря не разевали.

Когда уютный автобус мягко выруливал по извилистой дороге меж огромными вязами, на сотовом телефоне начальника фракции Народно – Сексуального блока Сан Репы Ли Ивановича Моппса раздался звонок его секретаря Антона Хрипукбзднжанского. Звонок этот, разумеется, удивил маститого политика. Тот нёс какую-то несусветную чушь, про Армагеддон, пожары, что-то блеял про беспорядки, повторял визгливым голосом «Сблызнов! Сблызнов!», а в конце зарыдал тонкой фистулой и бросил трубку. Ли Иванович Моппс недаром был знатоком Сблызновской политической кухни, чтобы поверить в эту сбивчивую речугу, скорее похожую на бред буйно помешанного, чем на речи здравого половозрелого мужчины. Но он слишком хорошо помнил свои Нусековские матырства и встречи с сатанинской компанией карликов и великанов, чтобы не понять – дело серьёзное. Поэтому, заложив свой портативный телефон в широкий карман твидового, слегка залитого вином костюма, он только буркнул: «Что за чертовщина? Зачем я держу этого дурака при себе? Давно уже пора указать этой помеси Ноздрёва с Хлестаковым на его место или выгнать к чёртовой матери, что ещё правильнее! Почему он прямо не позвонил в компетентные органы? То, что он ненормальный, хорошо известно, да пойди, найди среди местных кретинов исполнительного человека! Этот хоть и ненормальный, да очень всё же старается! Они не могли попасть в Сблызнов. Куча городов в Сан Репе! Нечего им тут делать! Чепуха какая-то!» И хотя про себя он и говорил это, лёгкое, ни на чём не основанное облачко тревоги и замешательства уже закопошилось в его маленьком сердце и ему даже пришлось встряхнуть головой, чтобы отогнать неизвестно откуда появившееся грозовое облако.

Между тем автобус выбрался из затенённых джунглей заповедника на шоссе, ведущее в Сблызнов, и взяв скорость, весело бежал между широко расстилавшихся полей, обмелевших и пришедших в запустение речек, ветхих избушек на горизонте и гигантских замков Карабаса Барабаса, которые представляют ныне самую интересную и причудливую черту окрестного пейзажа нынешнего Сблызнова.

«Ты лети, наша песня, лети, сердцу хочется ласковой песни и хорошей большой любви» – пели туристы. Кто ездил по Сан Реповской провинции, тот хорошо знает, что Шкуры, Мрази, Дряни, Хряки, Ошкуряевки – самые распространённые названия деревень и посёлков, какие можно здесь встретить на пути. Название – немое свидетельство доисторических нравов, господствовавших здесь столетиями. Дикие помещики былых времён имели к несчастью столько досуга, что им хватало его на изумительные эксперименты над крестьянами, топографией и словообразованием, но не хватало порой на самые простые и практичные вещи, например на еду для своих рабов. Ковровое бомбометание не могло бы так преобразить местность, как смогли преобразить административный восторг и созидательная, неугомонная деятельность. «Название, – как сказал в своей последней речи наш великий вождь, друг народов Тути-Фрути – это засохшая музыка, свидетельство нравов и дела народного…» Попугай-юморист перефразировал засохшую музыку в заглохшую, что тоже верно. С этим определением не поспоришь, музыка так музыка, вектор так вектор, восторг так восторг, в конце концов, не живём же мы там, где живут эти бедные люди, покинутые временем и забытые пространством. Тяжёлые на руку и малообразованные хозяева человеческих душ явно полагали и не без оснований: «Вот проедем рядом с неизвестно каким блудливым языком обозванными Мразями и тю-тю, поминай, как звали. Не жить нам здесь вечно. Точнее, не жить никогда. Лучше жить в Патарстоуне или на худой конец, в Нусекве, а не в ваших Мразях». Мрази, конечно писатели любят иногда описывать в своих слезливых повестушках с этими бесконечными «стягами» «супонями» «рындами», желая предстать в роли народных радетелей, но сами обитатели Мразей такой литературы не читают в принципе и не без оснований: жить тяжёлую и скучную жизнь вдали от цивилизации. Да ещё и читать о ней, извините – это извращение! И там я был, мёд-пиво пил, у моря видел дуб мочёный, под ним сидел и кот учёный свои мне сказки говорил. Скажу вам по секрету, нет пейзажа грустнее Сан Реповского придорожья. Вековое молчание раба висит над ним, ожидание новой беды, и только ветры проносятся в широком поле колышащейся кое-где пшеницы, гуляют над бритыми берегами умирающих рек и гонят лёгкие распутные облака в несусветную даль. Боже, как грустно мне, как грустно! Как грустна моя страна, моя милая Сан Репа, Боже мой, Боже! Как я любил всё это когда-то и до какой степени не могу это видеть сейчас. Безнадёжно, с пустыми и холодными глазами смотрю я на всё это однообразие, в эту минуту преображённое появлением долгожданного трогательного автобуса с уткнувшимся в стекло удивительным пассажиром.

Глядя в широкое окно рассеянным взглядом, Ли Иванович внезапно обратил внимание на несколько чёрных густых столбов дыма прямо по пути следования.

У деревни «Синие Котьхи» диким пламенем горела буйная степь. Огонь рвался на другую сторону шоссе и было понятно, что это ему удастся.

«Наверно лес горит. Какие-то негодяи всё время жгут лес. Несколько прямых поджогов за два последних месяца – это много, очень много! А впрочем, и чёрт с ним, новый вырастет, не в пустыне живём!» – сказал Ли Иванович сам себе брезгливо, рассмотрев в своём мутном отражении надёжную фамильную бородавку у носа. Потом втянул ноздрями воздух и снова поморщился. К далёкому и крайне неприятному запаху гари стал примешиваться ещё более омерзительный запах. Впереди автобуса ехала такая замызганная гом… овозка, что её становилось жалко любому, кто видел это чудо техники прошлых веков. Хобот механического золотаря волочился по асфальту и извергал потоки радужной жижи. Туристы в автобусе заткнули платками обуховидные носы, вдавили животы и стали поочерёдно шутить.

«Все в го… не, зато разгружать не надо! Ли Иванович, ваши архаровцы едут?» «Приеду – снесу голову!» – решил в гневе не по годкам деловитый Ли Иванович.

Водитель угрюмо посмотрел на четырёхколёсного разбойника. Хотя скорость механизированного золотаря была весьма приличной, опытный седовласый водитель «Мерса» стал

набирать скорость. Возможность до самого Сблызнова обонять народный дух, не привлекала и патриотичного Ли Ивановича. Когда до окончания этого нехитрого и знакомого, как пять пальцев, маневра оставалось всего несколько метров, гом… овозка вдруг резко затормозила, а почему, водитель злополучного автобуса так и не успел понять толком. Гом… овозку понесло юзом, и на мгновение она закрыла своим беременным боком всю проезжую часть.

«А-а-а» – возопил водитель и диким движением вывернул руль. Автобус в мгновение ока вынесло на другую полосу, и в последнее мгновение побелевший водитель увидел растущий покатый и безобразный лоб другой говновозки.

«А-а-а! Чтоб вам… Проклятье! Каждый день – День Го… на!..» – только и успел пропеть водитель, бешено нажимая на тормоз и похолодевшими висками чувствуя, что мощный и всегда безотказный механизм совершенно не подчиняется его приказам, а даже совсем наоборот, ещё быстрее несет многотонную махину к неизбежному столкновению на бешеной скорости. Водитель ещё сильнее вдавил тормоз в пол.

«О, чёрт! Что происходит? О, чёрт! Наваждение! О-о! Только не это!» Почти уже ничего не соображая, водитель бил ногой по тормозу, но не судьба!..

Ресь! Тресь! Бенц! Вау! Тяжкий удар, звон битого стекла, дружный вопль слились в протяжный вой, и тишина, воцарившаяся через несколько секунд, была противоестественна.

Когда смолкли заливистые полицейские свистки милиционеров, невесть откуда набежавшим зрителям бросилась в глаза жуткая, но живописная картина: сплочённые в крепком объятии, догорали гом… овозка и «Мерседес» – конь и трепетная лань, Лейла и Мейджнун, Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, дон Кихот Ламанческий и Дульцинея Тобосская. Все слились теперь в едином порыве, а на измятом борту догорающего автобуса красовалась бодрая размашистая рекламная надпись жёлтой краской по чёрной полосе: «Роллтон. Лапша быстрого приготовления. Съешь нас – сэкономишь час!».

Незаметно набралась толпа. Она стояла беззвучно и неподвижно и взирала на импортную лапшу, обильно орошённую пеной из огнетушителей. Среди праздных посетителей автомобильного шоу выделялась странная группа, те, кто потом пытались вычленить события приснопамятного дня, сразу отмечали, что выделили странных зрителей из толпы праздношатающихся. Потом некоторые вспомнили, что же особенно их поразило и пришли к выводу, совершенно правильному, что поразило их то, что в жаркий летний день эти товарищи были одеты как-то поразительно, немотивировано тепло, одеты не по сезону короче. В центре троицы стоял чрезвычайно высокий и удивительно ладно скроенный смугловатый человек с утиным римским носом, гордой головой, в длиннющем блестящем плаще невиданного фасона и в тирольской шляпе, надвинутой на глаза. На губах у него застыла полупрезрительная улыбка и глаза были расширены. Один глаз, сильно увеличенный стеклом монокля, был зелен, другой аспидно чёрен. Под носом его чернели усики щёточкой по моде начала прошлого века, золотого времени оперного искусства. Один рукав его утопал в бездонном кармане, а другой рукой он сжимал белую явно импортную трость и постукивал ею то и дело о свой немыслимо дорогой коричневый ботинок. Ни у кого из толпы не было никаких сомнений, что один такой башмак мог потянуть на зарплату целого завода честных санреповских тружеников, которые теперь тусовались около роллтоновской лапши. Рядом с высоким франтом торчал толстяк со всклокоченными рыжими патлами. Он всё время нетерпеливо подпрыгивал и его широкая, как будто художественная не то штормовка, не то блуза колыхалась то и дело. Третий был и вовсе какой-то истощённый недоеданием бомж с перевязанной засаленным платком головкой и ртом до ушей, пересекавшим голову почти на всём её протяжении. Было видно, что третьего не то разбивал неоднократно паралич, не то в детстве его уронили с четырнадцатого этажа, в общем – человек претерпел по полной программе и теперь находится в процессе успешной реабилитации и абсорбции. Странная

компания то и дело шушукалась, вернее стоявшие по бокам персоны подпрыгивали к уху чернявого аристократа и что-то ему говорили.

Так начался приснопамятный день, положивший конец старой жизни. Он оставил такую жуткую память во всех, кто хоть каким-то боком был связан с прекрасным Сблызновым, где мы все к несчастью родились, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Мы не будем мешать бодрым суетящимся специалистам с фибровыми потёртыми чемоданищами, скрупулёзно мерящим тормозные пути и соскребающим горелую краску с поручней, и пока милиция упорно разгребает мгновенно возникшую на дороге быструю лапшу, мы преодолеем десятилетия, отмотаем время назад и кое-что вспомним на досуге такое, какое мало кто вспоминает, тем более, что теперь времени у нас навалом. Очень часто то, чего уже нет и в помине, выглядит на вид лучше, чем то, что ещё существует.

Потихоньку, вкрадчиво и как бы исподволь мы приближаемся к тому долгожданному моменту, когда на нашей авансцене должен явиться наш герой и повести нас в свой странный мир, неведомое существо, не догадывающееся о нашем умысле. Он уже бродит поблизости, пытаясь чем-то заниматься, забредая на городской рынок и отирая фалдами своего довольно потрёпанного пальто каменные прилавки. При этом он брезгливо отдёргивает руку. Автор уже чувствует своим острым носом его неповторимый и специфический запах. Уф! Немного терпения, читатель! Не будем спешить! Я ещё не успел поведать тебе о древнем городе Сблызнове, городе твоего детства, городе первой мечты, городе первого поцелуя. И намереваясь это сделать, я уже потираю руки. Вот уж развлечёмся!

Глава 3. Город Сблызнов в утреннем свете

Видел ли кто, поколесивший по сей благословенной стране, город лучше, чище и милее города Сблызнова? А увидев, понимал ли, куда он попал? Хорош, хорош-таки город Сблызнов со своими кривыми грязными улочками, жуть, домами, набросанными как попало будто расшалившимся пьяным младенцем на ровной, как сковородка, местности. Всё здесь причудливо и непредсказуемо, как сам характер народа, его населяющего. Кому повезло родиться здесь, тот любит, чего греха таить, свой город и почитает за честь быть его гражданином со всеми втекающими сюда предпосылками, вытекающими отсюда последствиями и немногими странными привилегиями. Особенно хорош Сблызнов летним вечером, когда осядет едкая пыль, поднимаемая загадочными грозными механизмами на его улицах в часы делового снования торгового и праздношатающегося люда, и в свете гаснущего и уходящего дня на его лицо ложится выражение удовлетворения и довольства. «Мы хорошо поработали и теперь хорошо отдохнём», – как бы говорит оно нам, и мы сразу и навсегда уверяемся в истинности и неоспоримости этого выражения. Сразу потянет дымком из самоварных труб, печами – народ садится за вполне законную трапезу, осади на плитуар!

Хорош, хорош-таки был Сблызнов со своими сбитенщиками, лудильщиками, кухарками и своим замызганным людом. Я не знаю ни одного человека, равнодушного к его неброской, как бы это точнее сказать, даже уродливой красоте, к его невменяемой оригинальности во всех чертах и складках. Несколько иностранных пилигримов, занесённых разными бурными ветрами сюда на протяжении двухсотлетней, славной истории Сблызнова, были столь поражены его своеобразием, что только один из них не оставил этнографических записок, в коих бы остались бесценные свидетельства и картины тамошней жизни, да и то не оставил по причине преждануременной кончины. Собранные неизвестно кем и лежащие по сю пору в специально оборудованном помещении городской бани, эти записи, по большей части изгрызанные мышами, содержат столь противоречивые сведения, что составить какую-либо более или менее полную картину жизни обитателей не представляется ныне возможным. Посланник Кардамон неизвестно по каким причинам прозябавший здесь более трёх месяцев и чудом сбежавший из Сблызнова на воздушном шаре, склеенном им из рыбьих пузырей здешних сомов, славных своими размерами, оставил впечатляющий рисунок, на котором явственно видны чёрные курные дома, разбросанные по холмам, кривоватые колокольни из пережжённого кирпича на наиболее презентабельных местах, и стены деревянной, дровяной крепости, позволяющие судить о строительном мастерстве того приснопамятного века и удалом размахе строительства сблызновчан. При этом он был настолько скрупулёзен, что изобразил даже купу чахлах берёз на фоне крепостных стен. Эти берёзы на том же месте стоят, такие же маленькие и плюгавые, что и при Кардамоне, вечная ему память. И похоже, что они даже не выросли ни на йоту за прошедшие века.

Как и все подобные города, Сблызнов был построен не для жизни в нём, но для созерцания его с дальних дистанций административными персонами, когда мелкие молопривлекательные детали не видны, а подслеповатые, выжившие из ума и часто престарелые вельможи видят только величие здешних холмов да луну поперёк неба. Жизнь напоказ, жизнь как зрелище прилепилась к образу великого города и больше от него никогда не отлеплялась, даже во времена нашествий!

История в широком смысле не является наукой, как считают многие, это скорее некое общественное искусство. Нет, скорее творчество. В ней нет цепких, неукоснительных формул, также меры и весы не постоянны и изменчивы. К каждому событию может быть миллион разных подходов и мерил. То, что изучается в школе, следовало бы называть «Хроно-

логией», но ни в коем случае не «Историей». Что же касается истории Сан Репы и отчасти Сблызнова, то тут ситуация ещё более запутанная.

До появления на картах благословенной Сан Репы города, на его месте кучковались безнадёжные слободы, заселённые разным проходным людом или ссыльными разных мастей. Заселение происходило без всякого плана, всяк приносил своё бревно и свой гвоздь и всяк заколачивал своё бревно в свой гвоздь, не обращая ни малейшего внимания на то, что заколачивает его сосед и куда. Дружбы между поселенцами, как правило, не наблюдалось, наличествовало придирчивое завистливое признание. Тех, в ком не было природной въедливости, потихоньку выпихивали и изгоняли придирками, ночными подножками и они безропотно уходили в ночь без слов и сетований. Коренной сблызновчанин, как гордо называл себя венценосный пиит Грегори Опискин, в конце своей жизни сполна почувствовал на своей шкуре силу сблызновского остракизма, обрушившегося на него из-за сущих пустяков – откуда-то взявшейся привычке задирать голову на закате и шептать собственные нерифмованные стихи с присвистом. Его посчитали сначала чудаком, потом не своим, потом чужим, потом просто сумасшедшим, потом – опасным необъяснимым рецидивистом, потом экстремистом, потом потенциальным террористом, а потом просто изгнали, особенно не разбираясь ни с законами, каких и сами не знали, ни с кухонным общественным мнением. Как Овидий, изгнанный из Рима, скитался он долго по свету, и канул в бескрайних окрестных просторах вместе со своими никому не нужными сочинениями. Таких примеров была масса, не всем открывал своё загадочное христианское сердце неумолимый Сблызнов, не всем, и гордыни не терпел совершенно!

Как же жили здесь люди? Да как жили? Так и жили! Три века назад они стали сбегать от своей сохи и селиться поближе к скоплениям народных масс. Кто убежал, тот селился в городках, а кто не сумел убежать, тот оплакивал свою горестную судьбу и влачил жалкое существование под присмотром помещика или председателя колхоза. И хотя эти названия звучат по-разному, но по существу, и помещики, и председатели – суть одно и тоже. Раздень их догола, поставь рядом и никто не угадает, чем они отличаются, зуб даю на отсечение.

В конце концов, какая разница, по какой причине тебе не дано убежать, потому ли, что тебя сторожит помещик и урядник, или потому, что председатель и милиционер паспорт не дают. Какая разница. И вот в Сблызнове три века подряд только и делали, что беспрерывно оплакивали свою горестную судьбу. И продолжали линять в города и пристраиваться там разными путями и тропами. В результате столь мощных и непредсказуемых миграций в Сблызнове, на мизерной территории, скопилась половина населения, в то время, как остальная осталась прозябать на выселках и деревнях, раскиданных чёрт знает на какие расстояния. Жить в городе, разумеется, получше, чем жить в глухой деревне, спорить нечего. Тут тебе и телефон, и смывной бачок, и газ из конфорки, живи и радуйся, пока не подохнешь.

Все сблызновца, чувствовавшие проснувшееся уважение к себе, и расправляя новые крылья, сразу же начинали бурную трудноостановимую деятельность, и деятельность эта сводилась к обзаведению какой-нибудь лавочкой, желательно на бойком месте, с большим замком и охраной. Марс – бог торговли властвовал здесь, не давая никому покоя. Вот и всё. Радость по поводу освоения торговых площадей, впрочем довольно быстро проходила, и пальма первенства отдавалась тогда размножению и дальнейшему пестованию чад. Подрастающие поколения ничем не отличались друг от друга, разве что всё возраставшим пристрастием к употреблению крепких горячительных напитков.

Оставленный на долгие годы без попечения власть имущих, Сблызнов пребывал веками в летаргическом сне и радовался каждому немудрёному историческому чуду, случавшемуся всегда, как назло. Чудеса радовали Сблызновцев, но крайне произвольный характер чудес вселял в них каждодневное раздумье, не посылаются ли столь сомнительные чудеса в качестве наказания за мелкие уездные грехи. Попытки получить ответы на столь острые

вопросы, не приветствовались местными священнослужителями, тем более, что они традиционно читали проповеди на языке, который никто не понимал.

На начальном этапе доисторической истории Сблызнова центральные власти нанесли незаживающую рану тонкой душе Сблызнова. Сблызнов, отстроенный рачительными отцами-основателями на непроходимых болотах, тогда носил название Нусеква, которое, как знает каждый младенец, произошло от двух слов, а именно «мошка», трансформировавшегося в «мушеква», и звукоподражательного «ква», не нуждающегося в расшифровке ввиду его зримо звукоподражательного характера. Раскинувшийся на болоте сосед перехватил звучное название и присвоил его себе. Несмотря на ропот Сблызновских нусековичей. Так вопреки исторической справедливости Сблызнов стал Нусеквой, а Нусеква Сблызновом.

Именно с этого времени город обзавёлся своим гербом: кувшином, из которого вытекала какая-то жижа.

Переименование городов ввиду их тогдашнего жалкого состояния не сопровождалось большими празднествами, однако двое алкоголиков в тот день упились дармовой брагой до смерти. Да по городу целый месяц скакали конные патрули в поисках очередных зачинщиков. Шло время. Проходили века. Сменялись династии фараонов. Немцы ждали Валгаллы. На торговых путях лазили шайки разбойников и шли караваны пингвинов. Шекспир пробирался в чужой лес с луком охотиться за королевскими оленями. Со стиляги сорвали штаны. Нусековский ипподром рвал бумажки. Люди лечили желудок «Пепси-Колой» и мазались бриолином. В Вене носили усики щёточкой. Паровозы гремели шатунами. Везде кипела звериная жизнь, а в это время в Сблызнове почти ничего не менялось, по крайней мере сведений об этом в уездных летописях не сохранилось совершенно. Тусклая неприхотливая жизнь диктовала свои неписаные законы. Всё было размыто и зыбко и жителям города иногда начинало казаться, что они и не живут вовсе, а видят бесконечный серый сон. Приходило и быстро уходило поколение за поколением, не осознав, кто они, откуда и зачем-таки явились на свет божий. Нет, я не буду даже упоминать о непререкаемом атрибуте Сблызновской жизни – хроническом пьянстве, ибо вы и сами прекрасно осведомлены об этой стороне Сблызновского существования. Не надо. Не надо. И без того тошно. Я лучше расскажу о тех немногих истинных чудесах, чьё влияние поколебало болотную ряску и долго служило притчей во языцех.

Однажды в Варфоносоньепском скиту монаху Ептимию явилась во сне прозрачная корова с огромным, синим пылающим выменем, с родинкой на сократовском лбу и ветвистыми оленьими рогами. Она дико мычала и била копытами в сочный дёрн. Она была прекрасна, и все считали, что она неминуемо заговорит. Толки по этому поводу свелись к тому, что такое явление должно сопровождаться невиданным урожаем, что, однако, не последовало, и на следующий год случился неурожай, ящур и засуха. Спустя десять колов времени на третьем Ахинейском соборе, так называемом Варварином, Тараторин выступил с зажигательной речью, полной предчувствий томительного конца. Он обозвал слушателей «свинорылыми муравьями» и предрёк им всем скорый и страшный конец. В тот год великое нашествие тли и жука – клешневика смутило народ и извлекло невиданное количество попов из их скитов и келий. Народ жаждал божьей защиты, хотел, чтобы монастырские дети окропили поражённые скверной поля своим тайным чудодейственным раствором и поля таким образом освободились от скверны и вредителей. Попов на поля, однако, выползло столь много, что они заполонили всё обозримое пространствои, и скорее мешали друг другу, толкаясь ягодицами, чем истребляли божественными пассами хлебную тлю. К тому же они потоптали своими бахилами гораздо больше посевов, чем была способна съесть тля.

Без худа нету зла. Отсутствие еды произвело мощное движение населения на основных дорогах. Толпы двинулись, кто куда и кто на чём. На этом, однако, видения не прекратились,

а наоборот, многократно умножились. Лицезрение полуобнажённой святой Монистии стало со временем явлением чуть ли не банальным. Летающие собаки, говорящие ёжики, плачущие, или даже рыдающие глицерином иконы святого Мориска составляли костяк новых провидческих снов пастырей овец православных. Что-то неуловимое, как дуновение ветра проносилось в застоявшемся воздухе. Монахи, предавшие свои души вольному полёту фантазии и избравшие себе в качестве примера благословенного, но уже изрядно почившего в бозе Епимия, видели теперь столь много чудесного, что иногда в их видения приходилось вмешиваться настоятелю. Это уже напоминало соревнование в причудливости ума, некий конкурс, несовместимый с характером Варсоносопьевского Скита. И настоятель это знал. Своим острым пьявочным носом он ощущал, что обилие снов хорошо, когда не переходит границ чётко очерченного здравого смысла, но когда переходит, свидетельствует о приближении смутных времён и катаклизмов. Настоятель совершенно справедливо полагал, что во всём, как в божьем промысле, так и в земных делах пристойна мера, а посему видений должно быть столько, сколько нужно для дела. Остальные видения он отвергал и отрицал, как заведомо вредные, разрушительные для общественносго духа и народного спокойствия. Знал он также, что столь бурно описываемые монахами святые видения, якобы пригрезившиеся им есть не что иное, как выдумки то ли изощрённого ума, то ли больной психики, а монахам по ночам могли присниться скорее грешные женщины, чем безгрешные ангелы.

Надо отметить, что все эти бесчисленные сметанноеды и ветхопещерники оставили по себе далеко не самую лучшую память в навсегда обиженном и одуревшем от произвола и пьянства народе.

Есть более позднее, но оттого не менее интересное свидетельство знаменитого Сблызновтинского писателя Никиты Муарова, где он приводит весьма точные и достаточно ценные факты из жизни Варфонософьевской братии, добытые им при шунтировании железными стеками стен пещер, в коих с незапамятных времён обретались монахи.

Полный решимости преуспеть в жизни, не надсадившись работой, он выстроил план, в осуществимость которого сам не верил. Он мечтал подобно Шлиману найти сокровища веков. В том, что эти сокровища есть в карстовых пещерах, он не сомневался. Но где?

Скитаясь в бесконечных коридорах, где не было солнца, господин Муаров сначала не наткнулся ни на какие свидетельства жизнедеятельности. Но потом…

Насколько можно верить этим свидетельствам, в одном укромном местечке, под густым слоем белил была обнаружена торичеллиева пустота, а в ней – две старинные гимназические тетради в линейку, банка сморщенных, поеденных жуками белых грибов, несколько ценных предметов старинного кастрюльного золота, бутылка с прокисшей винной бурдой, чёрный деревянный крест с кое-как выцарапанной на нём фигурой какого-то кривоватого, невнятного святого, и в заключение – патрон от испанского мушкета, уже тронутый медной зеленью и благородной патиной.

«Встреча Билла Клинтона и Моники Левински в Соборе Святого Петра». Они посмотрели друг на друга. Папарацци! Где папарацци?

Ни патина, ни грибы, ни даже пыльная бутылка зелёного стекла не тронули осязательного Муарова, как эти бесценные тетради. Дрожащими руками взял он полуистлевшие, хрупкие раритеты, с величайщей осторожностью раскрыл на первой страницы и поразился. Выцветшими орешковыми чернилами изящным, почти женским почерком с наклоном на странице было начертано: «Учитель Беловайский! А не пошёл бы ты…». Далее была изображена пышнотелая женщина с птицей на плече и сияла игривая клякса.

«Вот откуда у ёжика зебры растут! Вот оно как!» – воскликнул внутренне Муаров.

Вторая запись гласила: «Мадемуазель! Вы прищемили мне палец! Вы достойны осквернения! Отказ от исповеди неуместен! Раздевайтесь во имя отца и сыны и святого Мука!

Эрих фон Конетс».

Эта странная запись была трактована исследователями в том смысле, что монахи к моменту делания этой записи освоили искусство перевоплощения столь хорошо, что уже не знали, кто они сами.

Третьим объектом изучения был листок, вложенный в тетрадь отдельно:

«Откровения Отца Флориссия из Соловков».

«Велик Святой человек. Его робкие сексуальные утехи схожи скорее с оргиями францисканцев, запертых в клетках, хотя по остроте, и извращённой напряжённости далеко оставляли всё выдуманное мировыми светилами. Мог ли я осуждать его за это? Природные способности, как клеймо, выбитое навеки, и если ты рождён явно не пуританином, стоит ли печалиться, что ты не половой гигант и уже не представляешь интереса для осьмнадцатилетних…»

Но самое интересное и интригующее было на других одиночных листках, вложенных в самый конец тетради.

«О Вольдемар! Знайте! Мой муж, это бородатое чудовище, узнав из уст дуэньи, что я люблю вас, бьёт меня ключом, бьёт, мучает моё нежное тело и не даёт мне покоя! Пить! Я жажду! Мои губы потрескались и потеряли естественный цвет и форму. Они уже не вмещаются в зеркало. Я не прошу вас о помощи, потому что Вы не в силах мне помочь! Злая судьба развела нас и теперь творит надо мной свой жестокий приговор. Я говорю о высокой духовной жажде, которую только вы в силах утолить. Но захотите ли вы этого? Не отвергните ли вы бедную страдалицу, падкую на чужие клятвы? Захотите ли вы спасти меня, вашу коленопреклонённую рабыню, подвешенную на дыбу высокого чувства любви и сострадания? Молю вас, не гневайтесь на меня за моё грустное настроение. Мне плохо без вас, мой далёкий, мой лучший друг! Не грустите и вы! Вспоминайте меня, Вашу благоуханную Адель!»

Далее бумага была желта и обглодана крысами. Было и другое письмецо, в таком же духе.

«Моя надежда! Вольдемар! Знаете ли вы, как я скучаю без вас с тех пор, как прошла пора моей любви – весна! Мне хочется сделать признание, которого я не стыжусь: я хочу вас! Хочу не платонически, как было до этого, я хочу вас, как часть природы, как женщина, наделённая всеми фибрами и органами банального женского организма. Я хочу и боюсь вас одновременно. Я знаю, что вы не погубите меня, и ваше вожделение не превысит норму, какую нам завещал господь Бог! Заповедал ангел на небе! Рекомендовал мой духовник наконец! Вы должны знать, сколь жестокую борьбу я веду с вожделением! Вы должны знать! Жду весточки! Адель».

Был третий листок, по виду гораздо меньшего размера, но, по всей видимости, ещё в древности размытый горькими слезами.

«Ах, Вольдемар! Могу ли я поверить в то, что Вы больше не любите меня! Вы не замечаете меня, не обращаетесь ко мне, я не вижу в ваших прекрасных глазах ничего, что говорило бы о вашей привязанности! Моё переполненное сердце больше не может взвешивать слова. Оно жалуется и питается само собой, не видя света завтрашнего дня. Вы игнорируете мои просьбы попить, и я беспокоюсь, что стало причиной вашей холодности. Зачем это всё? Зачем? Снимите гири с моей усталой души! Возьмите меня!.. Ваша смешная одалиска».

Позади писем Адель лежал сложенный вчетверо лист какого-то требника, на котором воспалённый мужчина силился выразить свои древние мысли. Письмо Адели не обошлось без очаровательных ошибок, окончательно уверивших Вольдемара в его искренности – вместо слова «благоуханная» в одном месте стояло слово «блахоуганная».

Записи стали откровением, но их сразу же засекретили.

Не последнюю роль в открытии археологических уникумов сыграл историк Саллюстий Панночка, чьими усилиями, собственно говоря, и сдвинулись с места научные изыска-

ния в нижних пластах. Он первым пошёл по городским начальникам с протянутой рукой и наполнил ладонь экспедиции доброхотными даяниями богатых проходимцев, уже наводнивших к тому времени Сблызнов.

Талант Паночки расцветал, убаюкиваемый мягким зуммером времён. Археологическая наука не бездействовала. В позапрошлом году, к примеру, нашли зоб звероподобного археоптерикса и плезиозада в очень хорошем состоянии. В прошлом году он нашёл важный окаменевший катях неведомого динозавра, внушительный, размером с пионэра, артефакт, подобных которому до того момента обнаружено не было, да простят мне мои читатели такие правдивые слова. Иерихонская труба пела. Когда катях транспортировали на кафедру в грузовике, Паночка ехал в кузове рядом с ним и плакал. После этого археологические бедствия Паночки закончились и началась полоса явных научных успехов и достижений. Тирада Андреевна Сольди и Береника Антропогенная, кафедральные нимфы, музы археологии, встречали его, сияя. Он защитил диссертацию на соискание учьёной степени по одной отвлечённой схоластической дисциплине, стал осваивать великое ораторское искусство перед студенческой братией, в общем, не скучал.

Раскопки, проводившиеся в разное время и без особого плана в двух довольно-таки удалённых друг от друга населённых пунктах – Слоновке и Кьенарове, не блистая внешним решпектом, всегда давали поразительные результаты. В Слоновке годами выкапывали целые груды костей, как волосистых мамонтов вида Mamontinus Moshoncus, так и двуногих существ, отдалённо смахивавших на классических неандертальцев. Идентификация костей была сильно замедлена и затруднена, поскольку чрезвычайно ценные человеческие и слоновьи кости были сильно разбавлены костями куриными.

Вероятно, это были остатки древних охотников, павших в неравной борьбе с гигантскими хищными млекопитающимися. Костей было столь много, что раскопки иногда прекращались с тем, чтобы изыскать возможности разместить нарытое в музеи. Центральный этнографический музеи, и так переполненный всякого рода экспонатами и артефактами, уже давно прекратил приём костей, и большие окаменелые брёвна размещались в детских садах и яслях, вселяя ужас в младенцев. Потом и там их отказались принимать, полагая, что их место – на фабрике костной муки. Археологи обиделись и ушли восвояси.

Появлению археологов на Кьенаровом холму город Сблызнов был обязан строительству административного небоскрёба вблизи университета. Здесь гигантский экскаватор, работавший на гусеничном ходу, однажды поскользнулся на чернозёмной размазне и плюхнулся с холма, раздавив ветхий сарай ковшом. При дотошном допросе и раскопках под грудой гнилых досок были обнаружены среди ржавого железа штык неизвестного орудия, деревянная соха и истлевшая каска, послужившая причиной многих споров.

По виду каска напоминала те, в каких французские лягушатники ходили в бой на немцев в битве при Марне, но чем-то от них отличалась. По духу это была обычная пожарная каска. По смыслу это был большой железный горшок, тронутый ржавчиной. Выглядел он на троечку. Пахло из него тоже не очень вкусно. Сославшись на второй стих Екклезиаста, университетские умы признали горшок каской и освятили её французское происхождение.

По мнению других, не менее авторитетных экспертов, её носил румынский солдат, отсиживавшийся на холме в ходе следующей войны. Так ли это было или не так, мы уже никогда не узнаем, потому как обнаружить ни стойких лягушатников, ни румын, столь скверно прикрывавших фланги тевтонов в ходе окружения Чиржопского котла, не удалось. Котёл, одно из любимейших слов местных историков, всё же был. Наступавшие тевтоны, дезориентированные бескрайним, лишённым всяких опознавательных знаков местами, трое суток бродили по степи, теряя бесценное время, и отчасти увязли по своей вине в болоте, из которого еле выбрались. Их трёхдневное сидение в болоте местные историографы и обозвали «Котлом»

Все исторические пласты лежали здесь столь плотно и были столь перемешаны, что углублённым в них исследователям иногда начинало казаться, что они находятся почти в Риме, где каждый сантиметр напичкан святынями, и что сама История разверзает перед ними свои орлиные крыла.

Конечно, исследовать всё это было довольно-таки затруднительно, учитывая сложности, с какими сталкивался всякий, вознамерившийся найти обрубленные исторические концы. Находили иногда, к примеру, головные уборы наполеоновской гвардии, хотя, как будто до этих краёв она не доходила в силу плохих дорог и крайней удалённости от тогдашнего театра боевых действий, а потом оказывалось, что это ветхий реквизит детского театра, выброшенный на помойку. Археолог Паноночка, прославленный найденным им фрагментом челюсти человекоподобного существа, долгие годы исследовал его, так и не придя к однозначному выводу, кому принадлежат эти гигантские зубы: античному неандертальцу или служилому казаку из части напротив. Паноночке всегда круто везло на разные артефакты, про которые трудно было сказать что-либо определённое и верное на все сто процентов.

Вообще же количество нашествий на эту территорию подсчёту не поддавалось и, начиная с приснопамятных времён, тут побывало столько завоевателей, сколько песчинок находится в куче песка. Видимая ли лёгкость покорения столь лакомых территорий, расхлябанность ли и добродушие населения, какие-то другие факторы, нам неизвестные, поощряли полчища иноземцев вторгаться на эту территорию, кто знает, кто знает. Да только по этой земле прошло столько людей разного рода-племени, что его иноземцы стали в насмешку величать «Республикой Проходного Двора». Здесь в своё время, разумеется, столовался и свирепый Батый, в иных странах изображаемый ныне рождественским дедушкой с ласковыми глазами, многие его потомки также считали за честь нанести матримониальные визиты к мирным прыгунам, в более поздние времена шастали французские лазутчики, потом прошли гусиным шагом орды немецких тевтонов. Ощущение постоянного присутствия врага витало в воздухе постоянно и не было такого времени, когда бы местные соглядатаи не мечтали выловить хоть одного шпиона. Выловить своего шпиона, шпионочка, шпионишку – это всё равно, что поймать белугу в местном пруду – великое чудо.

Получилось как-то само-собой, что народец здесь селился по большей части ушлый, пришлый, слабо тронутый перлами цивилизации и чистотой моральных императивов. Хазарские ли влияния, долгое ли мыканье по ссылкам, нищета ли иль бесправие, какие-то другие причины – так или иначе всё это человеческое богатство складывалось в дикий, непобедимый в своей глупости и темноте сблызновский характер! Но только ли этим был вымуштрован величественный Сблызновский характер, только ли в этом его крепкие корни – кто знает!? Ведь говорят философы и физики, что даже излучение земли иной раз так формообразует поведение людей, что только диву можно даваться! Не было ли тут таких природных воздействий? Не нашлось ли тут места для особых, болезненных вспучиваний космоса, колебаний мирового эфира, о которых предупреждал австриец Марк Лист в своём труде «Население и Волны Земли»? Народ Сблызнова! Его мятущаяся душа не могла долго выдерживать ни языческой весёлости и свободы, ни христианского смирения, аскезы и тарабарщины, ни наносного порядка и чиноустроительства, ни бешеного порыва к светлому будущему, нет, ничего не мог выносить он долго и всё сбрасывал со своих плеч без всякого сожаления. Претерпевая долго, в один прекрасный день подымался он с диким криком и крушил с великим тщанием. Сокрушение при этом было полное, всестороннее и не терпящее исключений. Народец этот не терпел ясности в законах, его привлекала импрессионистическая расплывчатость частных указов и рескриптов, но и их он умудрялся обходить так, как вода обходит камни.

Благоустройство не так волновало обитателей Сблызнова, как дух мятежной свободы. Частные возмущения и общественные бунты раз за разом через небольшие промежутки вре-

мени прокатывались по акватории, оставляя после себя руины и плодородный пепел. Житель Сблызнова никогда не терпел хороших мостовых, телефонных будок, газировальных автоматов, красных линий домов, чужих дач и взламывал, опрокидывал, отвинчивал и кромсал, рубил и громил. Во времена военного зуда и флотовой лихорадки количество украденного и сожжённого в Сблызнове добра было столь велико, что сам царь приехал сюда и даже, как говорят, переломил местному голове челюсть подковой своего пегого скакуна по кличке Экстремист. Никакая полиция не могла веками справиться с муравьиной вредительской деятельностью народа, проистекавшей из его забитости и характера, не говоря уже о пропавших втуне бесчисленных проповедях, направленных против разбойничьего направления мыслей граждан Сблызнова. Отдельные благородные натуры, неизвестно как уцелевшие в общественной каше и не утратившие боевого проповеднического пыла, поднимали свой голос в борьбе с ночным мраком здешних нравов, но их можно было перечесть по пальцам, да и они сами не рисковали появляться со словом божьим в некоторых местах. Да и говорили они на каком-то странном птичьм языке, и их почти никто не понимал. Население древнего Сблызнова, Сблызновяне, надо признаться, терпело их с большим трудом и изводило не прямыми и ясными действиями, но прищуренным взглядом. Про себя таких отщепенцев и борцов за чистоту прозывали «Гуманонами» и как-то получалось само собой, что они, покуралесив с запретным либерализмом или поэтическими вольностями, вдруг падали с крыш, заглядевшись на звёзды, травились колбасой или отравленной водкой, или с волхвованиями и проклятиями уезжали навсегда в дальние края. Умер, покинутый даже собственной роднёй больной поэт Огурцов, только ощутивший божественные крылья за спиной, погиб ссыльный Голдфарб, ушёл непринятый Платангов, многих канувших никто никогда уже не узнает. Столь фантастическое сообщество всегда было гробовой ямой для местных талантов, умудрившихся взойти над иссохшей почвой, как они появлялись – это загадка, но как они умудрялись иногда уцелевать годами – это самое настоящее чудо. Всем оттоптавший уши пиит-прасол Кельецов, недавно где-то откопанный мэтр Блатанов, ссыльный, недавно вытащенный на свет божий пиит Зепа Монтельфуг – это лишь надводная часть интеллектуального айсберга, который ждёт своих исследователей, как сказал со значением критик Моторный, прославленный такого рода раскопками и инсинуациями. Сколько незнаемых миру талантов, сколько неведомых правдоискателей покоится под кривыми камнями Сблызновских плитуаров, осмеянные и отверженные. Об этом никто не знает и никогда не узнает. О последних жители, правда, иногда сожалели, ибо знали, что человек, единожды вдохнувший кислого воздуха Сблызнова, никогда и нигде больше не сможет угнездиться, столь волшебный дух всегда витал над этими библейскими местами. Тем более, что человечек этот уже благополучно умер, а следовательно заслуживает некоторого вполне извинительного внимания. Откапывание всеми забытых талантов в иные времена становилось почти что профессией, иногда принимая гротескные и неописуемые формы.

Однажды вездесущий исследователь Моторный перегнул палку и откопал где-то совсем уж фантастическую версию. Она заключалась в том, что последний Сан Репейный царь Пикколо якобы не был продырявлен пулей в таёжном болоте, а сбежал по слягам и былкам в сущую окрестность Сблызнова, где зацепился за овин и доживал долгие годы, задрапированный под косноязычного стрелочника Матовой Слободки Василия Силыча Дронова, просветителя пионэров. На старости лет якобы он удостоился особой чести встречаться и с более высокопоставленными людьми, которые придирчиво вглядывались в рубленые черты Василия Силыча, пытаясь найти в них сходство с добрым Пикколо Вторым. Потом он куда-то уехал, или делся – этого никто не знает Последнее нововведение пришло, впрочем, совсем в недавние времена, ибо в былые в Сблызнове нельзя было съехать на соседнюю улицу без высочайшего соизволения властей придержащих, не то, что уехать по своей воле куда глаза глядят.

В отпетые времена изобилия царей-самозванцев мещане, уставшие разбираться в легитимности своих неразумных господ и чувствуя растущую угрозу своему существованию, подавались в Затонские Камышики, где вдали от налоговых мытарей и полицейских дубин, как-то умудрялись устраивать свою жизнь и промышляли рэкетом, разбоем, радикальной контробандой и просвещённым альфонсизмом, и обретя свободу, вдруг становились изобретательными и ловкими прощелыгами с налётом даже какого-то наивного аристократизма. Одно только можно добавить к этому: понятие свободы, почёрпнутое в Плавнях и Камышиках, были весьма своеобразными и даже, я бы сказал, специфическими, и никогда не побуждали даже мыслей о конституциях или о чём-то подобном.

Хозяйственная деятельность Сблызновцев была столь же целеустремлённой. Сколь малопродуктивной. Несмотря на обилие рынков в разных частях города, сытость продолжала оставаться преступной, и большая часть населения питалась кое-как и абы чем, и даже приворовывая недостающие витамины на общих полях, имела хрупкий и бледный вид. Острый ли континентальный климат с холодной и вьюжной зимой и жалким серењким летом, хроническая ли леность, административный восторг или что другое подрубали корни экономических успехов и должных преобразований – кто знает? Фактом остаётся то, что отдельные годы хороших урожаев, и то, что их чудом удалось убрать, западали в память горожан настолько крепко, что даже их дети, поднятые среди ночи, без запинки могли перечислить две или три таких даты. Года бесхлебиц, наводнений и голодух никто запомнить не мог, потому что они были часты и основательны.

Школы в Сблызнове радовали своим видом и славились избирательными нравами. Недоучившихся отличников в них тянули на золотые медали, а двоечников дотапливали нерадением. Можно ли назвать дух, какой побуждал учителей поступать таким образом «сословным», я не берусь судить. Да нет! Вроде бы нет! Они были в основном людьми серьёзными, эти учителя и если склонялись к подобного рода решениям, то не просто так, не с бухты Барахты же! Обычные добрые люди и сами не замечают, как отливаются в ту форму, в какую их отливает здешнее государство.

Женственная по своей природе, власть, изнеженная в безделии, невинных хлопотах и заблуждениях, изводясь на фейерверки, всегда понимала, что при всех видимых стараниях – обиходить и привести в порядок бескрайнюю перспективу Сблызнова, простёртую до тех пор, пока земля не начинала круглиться – невозможно. Посему она и холила, лелеяла и возводила свои мелкие наделы, совершенствовала их до такой степени, что некоторые фазенды Сблызновских князьков уже могли соперничать роскошью с лучшими европейскими дворами того времени. Какой-то зашитый тайный человек построил свой «Трианон» на скромную зарплату сотрудника Тайного Отдела. Такие факты не обсуждались, но вызывали удивлённое уважение у окружающих. Он решился! Как он мог? Правда, мало кому видные, они не пробуждали того духа гордости и единения, каким блистали европейские дворы в лучшие годы своего существования. Зато удалённый на задворки народ бедствовал постоянно, и прозябая, вынужден был содержать всех, и безумных чиновников, и хищных урядников, и невменяемых местных голов. Вольтерианские птицы, одно время пробиравшиеся в глубь материка с дивными воззваниями на крыльях, яиц здесь не несли, гнёзд не вили, народ им покою не давал и зёрна свободомыслия, несомые в их желудках, взрастали плохо, обихаживались кое-как, или вырывались без жалости. Как сорняки.

Как известно, Господь всегда обрушивался на гордыню и превозносил скромность. Делал ли он это осознанно и делал ли вообще – никто не знает, только известно, что именно так трактуют Господни помыслы Священные книги города Сблызнова. В городском Капище приблизительно до ХШХ хранились так называемые «Сивиллины Книги», хотя и постоянно подвергаемые сомнению и обструкции, но устоявшие…

Глава 4. Снова с Гитболаном

Мы оставили странную компанию на Старомосковской дороге, в ожидании чего-то и было это ясным днём. Что делала компания часом позднее мы пока не знаем, но скоро, благодаря возвращающемуся с дачи Алексу, узнаем. Быстро провернув на даче крайне неинтересные делишки, Лихтенвальд гораздо раньше обычного времени вошёл в подъезд и поднялся по лестнице. В квартире этажом выше на слова Мандельштама под гитару блеял рахитичный мальчик.

Открыв дверь ключом, и совершенно не заметив ничего необычного в своей квартире, Лихтенвальд снял ботинки и шагнул в гостиную. Он хотел сразу же лечь на диван. И внезапно остановился, поражённый. Прямо перед ним на стуле сидел вышколенный господин с бритым выразительным лицом, хорошо знакомым по доисторической иностранной хронике.

По радио шли литературные беседы. Посиделки на завалинке в деревне Хомяково с участием звёзд. Он услышал только часть беседы и не огорчился. Такое можно слушать с любого места:

«…Это вино – благородное „Пежоле“, силой влитое в его безразмерную глотку через сорока ведёрную клизму (Представив, вздрогни, верный сарацин!), произвело на его организм столь феноменальное действие, что на этом требуется остановиться специально…»

Так остановитесь, чёрт подери, остановитесь! Не тяните!

Незнакомец пристально смотрел прямо в глаза Алекса.

Сзади, в нескольких шагах от него, в странной полутьме, неподвижно стояли ещё двое персон – персоны толстая и тонкая. Молчание длилось не меньше минуты, потом нежданный гость заговорил с металлическим акцентом.

– Алекс Лихтенвальд, если не ошибаюсь? Здравствуйте! И пожалуйста не пугайтесь! – сказал незнакомец. Я посетил вас, я посетил вас вовсе не затем, чтобы делать вам неприятности или портить жизнь, я осведомлён, что неприятностей у вас и так достаточно! Прошу! Не забывайте, что вы у себя дома, а я только гость!

– Да! – сказал Алекс, только я устал в Орловке и мне надо умыться и переодеться! Я сейчас!

– Орловка – это психлечебница? – взвизгнул любознательный гость, страшно заинтересовавшись и широко открывая голубой глаз. – У меня и у многих моих клиентов весьма обширный опыт общения с подобными организациями. Могу поделиться, если желаете?

– К сожалению, нет! – засмеялся Лихтенвальд, – Много хуже! Это место, где расположена моя дача. Тринадцать соток липкой земли, где я уже почти десять лет развожу мышей, тлю, муравьёв, шелкопряд, веретенного червяка и медведок, получая кучку слив, яблок, дюжину капустных кочерыжек. Экспортный товар.

– О, сочувствую! Добываете хлеб насущный в бозе лица, как теперь говорят? Сочувствую! Пролетая над этой территорией, я неоднократно видел лица людей, занимающихся землёй, или крестьян, как их здесь называют – так вот – это зрелище не для слабонервных. Я чуть не прослезился! Женщины, доведённые до состояния, когда их лица не похожи на женские, вызывают у меня ужасные чувства! Что это за государство, в котором крестьянки так выглядят?

– Да, добываю! Но здесь так выглядит большинство женщин.

– Это профессиональное? – допрашивал Гитболан.

– Нет, клиническое! – засмеялся Алекс. – Пива не хотите? Кстати, вы могли бы позвонить, прежде чем врываться в фатеру законопослушного гражданина!

– Отчего же не выпить пива!? Я – за! А что касается того, чтобы позвонить, так в твоём телефоне столько мясистых ушей, что в трубку хочется не говорить, а плюнуть ядовитой слюной! Я не доверяю свои маленькие тайны Сан Реповским проводам! И Вам не советую, Алекс!

Алекс откупорил бутылку, которую тут же взял этот незваный аристократ.

Пиво было такое вкусное, как будто в него падали слёзы рабочих.

– У вас, премногоуважаемый господин Лихтенвальд, – вернулся к теме вежливый незнакомец, помедлив, – могут, и даже, скорее всего, должны возникнуть вопросы, кто я такой и как столь без приглашения, невежливо попал в вашу квартиру, я готов на них ответить и надеюсь смогу успокоить вас! Во-первых, я не вор и не разбойник, и без приглашения прибыл к вам только потому, что нахожусь в вашем городе инкогнито и чересчур мозолить глаза обывателям не желаю. Но прежде чем мы приступим к серьёзному, откровенному, деловому и дружественному разговору, я готов ответить на все ваши вопросы. Итак, по порядку?

– Сколько времени? Больше вопросов у меня нет! Я не чувствую опасности, когда она есть, я это очень хорошо чувствую, вы явно не вор и точно не грабитель…

– Нет-нет, что вы – засмеялся незнакомец. Я не то, что не вор, много хуже! Много хуже для ваших земляков – я честнейшее из всех существ, какие когда либо населяли вселенную. И потому – страшное для них! Несовершенные боятся совершенства. Насколько я заметил, здесь в основном проживают люди, для которых чистота эксперимента совершенно не важна, их пугает абсолютный ум, абсолютная честность, всё абсолютное кажется им противоестественным и ненужным. Честно говоря, мне ничего не нужно из того, от чего горят глаза людских существ, вещи людей меня совершенно не интересуют…

– Почему? – в свою очередь заинтересовался Алекс.

– А потому, что в продуктах производства и жизнедеятельности людей воспроизводится их органическое несовершенство, а я привык иметь дело с совершенными объектами – мирами, галактиками, космосом в широком смысле! Вот это вещь! Я и есть высшая сила мира и абсолютное его совершенство!.. Многое в мире рушится не потому, что оно изначально плохо, а потому, что оно слишком хорошо для этого мира. Вот вы живёте сейчас, к примеру, в безнадёжной стране с грошовой экономикой и глупыми правителями, которым нечего сказать своему народу, кроме того, что жить тяжело, а будет ещё тяжелее. В стране, лишённой цели существования и пути. И представьте себе на секунду, что в такой стране к власти пришёл умный, честный, справедливый человек, осознающий свою ответственность перед народом и собой. Богатенькие и хитрые соседи будут опускать такую страну всеми возможными методами, не считаясь ни с чем. Но стоит ли руководствоваться с мотивами тех, кто хочет нас опустить.

– …Но вы не похожи на Бога! Скорее вы похожи на Сатану, каким его рисуют попы в церковных календарях. И похожи ещё на одного человека, который считается классическим злодеем и служит пугалом в школе, но которого, простите за корявый слог, злодеем я уже не считаю! Скорее он был жертвой своего времени, хотя сам так не считал! А вот кто вы на самом деле, я сказать затрудняюсь, поэтому… единственное… если можно, представьтесь, пожалуйста! Я тоже иногда предаюсь самоуверенности, и мне это никогда не приносило ничего хорошего! – перебил речь неизвестного Алекс.

– Кто бы я ни был, я один над всеми. И никого больше нет! Называйте меня, как хотите, это ровным счётом ничего не меняет! Людские представления о добре и зле разделили моё лицо на две половины. Эти представления совершенно смехотворны! Как любые представления людей, лишённых полноты знания. Одна, приятная и понятная людям – названа ими Богом и на неё возложена функция,.. так сказать доброго надзирателя и поощрителя людей, это пряник, другая – названа Сатаной, это злой дух, подкарауливающий заблудших овечек и отвлекающий их от истинного пути, это кнут. Но я ведь к этой классификации не имею

никакого отношения, вы понимаете? Неужели же вы думаете, что я даю, скажем, призы монахам в монастыре только за то, что они молятся? Вы не находите, что это смехотворно? В людях, обычных людях неистребимо желание редактировать высшие силы и представлять их по своему образу и подобию. Но это невозможно! Какие-то древние представители земных рас выдумали на досуге и так называемые «святые, божественные» книги, заставили почти все народы носится с ними, как с писаной торбой и никто, да, никто не задумался о простейшей, пятикопеечной вещи. Вот вы представьте – обезьяна, подвергнувшись радиации, облезла и с горя стала нюхать травку, после чего у неё сильно развились отделы мозга, контролирующие фантазию. Фантазировала она долгое время и выдумала язык – набор условных, почти животных звуков, названный вами речью. Прошло время – обозначили эти звуки значками. Потом появились небожители и написали нечто, составленное из этих звуков, записанное этими знаками. Это и есть ваши так называемые святые «книги»…Эито – симуляция разума. Но есть слово истины. Есть! Всё имеет смысл, и если слово истины было сказано, то не потому, что его кто-то разрешил сказать, но потому, что оно должно было быть сказано. Иногда оно было сказано преждануременно, и его замолчали и не поняли, но рано или поздно его поймут, как бы этого не хотели враги!

Гитболан внезапно раздражился и стал вдруг почти кричать:

– Вы знаете, мне не доставляют удовольствие ваши ничтожные игры и ваше самомнение, на самом деле я не обязан даже внимать вашим обезьяньим языкам, не то, что читать эти фальшивые книжонки! Книги, написанные на человечьем языке, не могут быть божественными! Как неприятно опускаться до стереотипов и условностей людей! Я же опустился до человечьего языка только потому, что мне необходимо было побеседовать с вами, господин Лихтенвальд… Ну, милостивый государь, вы тоже тот ещё – фрукт, если всерьёз полагаете, что природа – благотворительный клуб! Вы видели соловьиные гнёзда, разорённые змеями или зайчат, съеденных лисой? Почему вы полагаете, что среди людей всё должно быть по-другому?

Гитболан помолчал, а, не получив отвеиа, продолжил монолог, внезапно смягчившись:

– Да, прошу прощения – перед вами Вальтер фон Гитболан, особый посланник Потусторонья, так официально поименовывается мой титул в кругах, уполномочивших меня прибыть в это место. Не слишком ли официально я выражаюсь?

– Не слишком! И вы можете только докладывать? – напирал Алекс. – А помочь вы не можете?

– Я не помогаю людям! Они вверены своей судьбе, и изменить её можно только в одном случае, если они ведут себя много хуже, чем им было предписано судьбой. Всё тут подвержено взяткам…

– Да, нет, не взяткам, а так, вымогательству. Большая разница, – дипломатично вставил Лихтенвальд. – Не мне нравятся некоторые представители этого продажного режима! Я полюбил президента Сан Репы за то, что он научился таки чётко выговаривать слова и не блеет, как баран на ежовые ворота. Таких тут ещё не было! Правда, за его словами ничего нет, но это уж мелочь простительная!

Гитболан хохотнул. Тонкая патриотическая шутка Алекса ему явно понравилась, и он продолжал.

– К сожалению, я не волен помогать вам в вопросах жизни и смерти, даже вам, Алекс, хотя… но для этого нужны слишком серьёзные основания!

– Так кто вы на самом деле, Мистер Вальтер фон Гитболан, тот, кем представляетесь?

Гитболан как будто не ожидал прямого вопроса Алекса, и казалось, что тяжёлая туча на секунду нашла на его любезное лицо.

– Я? Одни люди по незнанию, а часто и с умыслом называют меня в восхищении и страхе Богом, другие с негодованием величают Сатаной. Вы можете меня величать как угодно, я не обижусь, и то, и другое для меня лестно!

– Считается, что между тем и другим разница есть…

– Плюньте в глаза таким счетоводам! Ну, хорошо! Я пришёл к вам, дорогой Алекс по двум основным причинам. Во-первых, мой лучший друг и коллега Нерон в бытность мою в отдалённых землях в жутком человеческом эфире услышал ваш возмущённый гневный голос. Тогда, как я понял, погибала ваша мать, честнейший человек, покинутый нечестивым государством. Приятно узнать, что она была тевтонкой! Как выяснилось потом, корни её рода уходили гораздо дальше Ромула и Рема. Для меня это не просто важно, это определяет статус человека. Не меняет ничего, сидит ли он на троне или сгребает навоз в конюшне, это не убирает его корней. Кстати, на тронах сидели часто такие плебеи, что, встречаясь с ними, я вынужден был затыкать нос салфеткой! Нерону, моему другу, пришлось потратить, по моему заданию, немало сил на то, чтобы разыскать вас. Это непростая задача, потому что судьба мало того, что занесла вашу семью в пустыню, мало того, что погубила вашу мать, так вдобавок ко всему вы уехали после и некоторое время зализывали раны вдали от отчих пенатов, если это так можно ещё назвать. Потом меня отвлекли неотложные дела, и вот только теперь я вернулся туда, где был много раз полвека назад. Скажите, этот текст вы сами написали, или позаимствовали откуда-то? Цитирую! «Для большинства Зиглер пребывает в роли злодея вовсе не потому, что он таковым был по сути, но потому, что он не только получил от жизни всё, что она может дать смертному, то есть абсолютную власть, но и умудрился отомстить всем своим врагам. Ему досталось то, что не может принадлежать никому, вот это нельзя прощать никогда. Зависть к несправедливо обласканному судьбой выскочке – вот неистощимый Перпентум, толкающий мир к массовому человеку, этой белковой слизи, объявшей всю землю. Совершенно справедливо большинство считает его сумасшедшим, ибо идея изменить мир, по мнению большинства, может исходить только от сумасшедшего, каковым он и был, ибо пытался своей волей изменить мир».

– Сам! Это отрывок из моей новой книжки, которую я с такими трудностями…

– …сочиняли на досуге! Я в курсе! Книги ваши очень серьёзные и тяжёлые по духу. Они не очень весёлые, но правду говорят, что лучше быть задорным Сатаной, чем дешёвым Богом. Но что это за слова: Фаллос, задница? Вас, милостивый государь, тянет на неприличности. Это детский инстинкт – дерзить богатым взрослым и ожидать от них конфет и поощрения. Этим их не проймёшь! Скорее получишь по заднице! Книги ваши наверное пока что мало кто покупает?

– Полагаю, что так! Ну, во-первых, они мало где продавались! Одна была издана микроскопическим тиражом и о судьбе её я мало что знаю, другую постигла ещё худшая участь – я выставил её в одной виртуальной библиотеке…

– И какой же, если не секрет?

– Библиотеке Мошонкина! Вот это был прикол, так прикол. Там она располагалась несколько лет в отделе «Самприслал» и никто не обращал внимания ни на мои философские эскапады, ни на агрессивный тон некоторых пассажей, но в один так сказать прекрасный день моя страница в этой библиотеке благополучно исчезла, как будто её там и не было! Настали новые времена и такое творчество как моё стало нетерпимым! Никакой цензуры, скандалов – просто потихоньку убрали вопреки все своим обещаниям – и всё!

– Окак! Вот тебе и Мошонкин! А они все такие? – спросил Нерон и покачал головой, – Ничо! Придёт время! Я им показу небо с овчину! Будет им Германия 33 года, будя! Будут они качаться на ветру под «Фламме Эмпор»

– Ладно! Продолжаю! – Лихтенвальд как будто не заметил замечания Нерона, – Я должен был сам позаботиться о том, чтобы держать концы своего дела в своих руках, а не дове-

ряться разным анурейским «библиотекарям»! Сам виноват! Природа не терпит пустот. В детстве я много чувствовал, но у меня не было необходимости формулировать свои чувства, теперь я не чувствую ничего, но могу сформулировать это ничего. Две вещи отрывают меня от природы и делают несчастным: Деньги и Слова. Деньги – это высшее извращение общественной фантазии, слова – это извращение живой природы. Но – то, что публика пока не видит в упор моего творчества – это благо! Я слишком нормален, чтобы быть в фаворе у Сблызновской шпаны! Их небрежение раскрепощает мою душу и позволяет мне говорить абсолютно всё, что я хочу сказать. Даже короли не могут себе позволить того, что я могу сейчас себе позволить! Писать то, что они читают, я не хочу, потому что писать так противно. Писать что-то хорошее о них я не могу, потому, что это будет ложью. Я знаю, что здоровый инстинкт должен был бы заставить меня писать нечто такое, что интересно юным динозаврам, резвящимся по хвощам и плаунам, но мне это неинтересно. Выросшие без внимания, в разных условиях, эти молодые люди впитали в себя индифферентизм и равнодушие, какое я и представить себе не мог. Когда у меня появятся деньги, я буду огорчён, потому что тогда мне придётся быть осмотрительнее и заняться белледристической брехнёй, общепринятой в этом обществе. К сожалению, я сейчас мало осведомлён, что происходит в головах людей так сказать моего цеха, если таковые остались ещё. Я ничего не знаю о новых гениях, гроздьями свисающих с древа поэзии и потрескивающих своими четырёхстопными ямбами над унавоженными полями нашей долгой словесности.

– А вот ваш знакомый, писатель Белоснежнов, как-то сказал вам о том, что вы представляете по его мнению. Сказал вам немало обидного и, как ему показалось, справедливого…

– Вы и об этом знаете? Как мило! Отдаю долг вашей осведомлённости! Отчасти он был прав, ибо в отличие от меня он действительно кой-чего чего достиг. Но какой ценой!

– Цена, милостивый государь, никого не интересует!

– Для того, чтобы быть на коне, ему приходится писать заказные вещи для церкви, где он хвалит попов и святых, коммунянам писать о преступниках новой волны, для нововолновцев он ругает коммунян, ему приходится клянчить у городского головы или у какого-нибудь политика хвалебное слово о его книжках. Эти преамбулы он помещает на обложки книг, короче – у него действительно трудная судьба. А о своей последней встрече с ним я честно расскажу вам, мистер Гитболан. Тем более, что скорее всего, вы знаете не всё.

– Понятно! Это знакомая из истории ситуация, – поддакнул Гитболан, – А несколько дюжин Сблызновских писателей, как я понимаю, пришли, понюхали, напукали в офисе и ушли восвояси.

– Да! Потому что они вовсе никакие не писатели, а так, пристебаи при кормушке! Поэтому они и не написали о своей стране, в любви к которой они клялись годами, ни одного слова истинной любви! Ни одного! В пошлом году у меня зазвонил телефон, и этот самый писатель неожиданно для меня самого пригласил меня в лес за грибами. Он якобы знал места и был готов своими знаниями поделиться. Я согласился, потому что люблю собирать грибы. Он знал о моём пристрастии, и осенью прошлого года мы как-то договорились съездить, благо собирали, как оказалось, грибы в одном месте.

Первый раз мы приехали на станцию, долго шатались по лесу, грибов почти не нашли, идти туда, куда хотел идти я, он отказался. В конце концов, он то ли убежал от меня, то ли мы разошлись, в общем, домой я вернулся один. Я чертыхнулся, но когда он позвонил ещё раз, чёрт дёрнул меня снова согласиться. Встретиться мы должны были у остановки. Когда я вышел на улицу, стояла предутренняя мгла, было по-осеннему холодно, шёл сильный дождь, и мне идти в лес сразу расхотелось. Я представил себе мокрые ветки, с которых льются холодные струи, раскисшую дорогу в мрачный лес, скучную, обшарпаную станцию под тёмным небом. Но я дошёл до остановки, встретил его, он был с ведром, и мы пошли по глав-

ной улице к другой остановке, откуда всегда легко было уехать на вокзал. Само собой разумеется, тут он и затеял все эти кухонные политические разговоры. Такие как он никогда не могут удержаться, чтобы не выплеснуть на кого-нибудь свою осведомлённость в какой-либо сфере. Заговорили мы о последних террористических актах. Вы, мистер Гитболан, уже наверно осведомлены, какие тут основные новости – пожары, убийства и взрывы. И больше ничего! Вот об этих новостях мы и вели разговор.

Он ждал, что я буду подкрякивать его поверхностному, доморощенному шовинизму. А я сказал, что горцев с их мятежной территорией нужно окружить кордоном и дать им делать на своей территории то, что они хотят. Рано или поздно они сами прибегут клянчить ириски. Напомнил о военачальнике Картузове, умолявшем императора Искандера остановиться в Польше и не идти дальше, пусть наши враги без нас глотки друг другу грызут. Сказал, что в ходе Великой войны нам вообще следовало бы прекратить наступление в той же Польше, дабы пожалеть свой народ и позволить Торфу Зиглеру сколь угодно долго биться с нашими сомнительными союзниками, он бы им накостылял ещё, как следует. Тут мой патриотичный дружок из себя вышел.

Он на меня разозлился, в основном за то, что я спокойно разговаривал, когда он из себя выходил и начинал безуспешно разыскивать доводы в свою пользу. Представьте себе – шесть часов утра поганейшего дня поздней осени, совершенно пустая улица, начинающее моросить небо, он с ведром, я – с корзиной, он бегает по остановке, отворачивается от меня с отвращением, кричит во весь голос:

– Ты кто такой тут? Свою жизнь не можешь устроить, а весь мир учишь!…Ну и… в свой поганый Исруль, здесь воздух чище будет! Пишешь тут графоманские книжонки, которые никто не покупает!

При упоминании Исруля и его белых кирпичей меня, честно говоря, передёрнуло. Он достиг своей цели, ударил без промаха ниже пояса. Я не очень-то люблю вспоминать об этой странице своей жизни и не со всеми её обсуждаю. Но если я побывал в грязном сортире, из этого вовсе нельзя сделать вывод о том, что мне в нём нравиться! Что говорить, это был низкий выпад! Я ответил ещё ниже, потому что от этих нападок тоже стал выходить из себя. Я напомнил ему о методах, какими он домогается общественного признания – обложках, на которых стояли тирады: «Великий Сан Реповский писатель Белоснежнов, наш санрепейный Брет Гарт, в своей новой книге угнезживает новую народную духовность. Книги его будут жить вечно». И подпись – Генерал Воробей.

Может быть воробей и был в восторге от Белоснежнова, и так действительно говорил, я не знаю, но выносить на обложку рекламу своей личности, это, по моему, ужасно!

Но мог ли я поступить иначе? Требовать миролюбия от того, к кому вы относитесь, как к собаке, в высшей степени неуместно. Что же касается рекомендаций, то в то время они были чрезвычайно распространены, и почти каждый малообразованный губернатор и безграмотный генерал считали своим долгом оттянуться на юных творцах, представляя их миру. Юным творцам тоже были нужны административные костыли.

Я то знал цену всем этим гнездовьям.

Я вообще мог ответить ему теми же словами, потому что все слова можно сказать о любом из нас в равной степени. Так он меня любил.

– Да, прогресс у тебя налицо! – сказал я ему, – Ты какаешь, как Лев Толстой, писаешь, как Николай Гоголь, сношаешься, как Александр Пушкин, куришь травку, как Блок! Фамилии-то какие! И венец усилий – как Чехов блюёшь в Бляден Блядене!! А талант тебя, как у александра Матросова – быстрый, увидел вражий дзот и – прыг!

– А ты… а ты… какаешь – как Ле Корбюзье эпохи упадка стиля! Как Гауди ты какать никогда не сможешь!

– Почему?

– Жидковат!

– Не знаю я никакого Ковата! И знать не хочу!

Круто мы схватились.

Он взъерепенился и налился венозной кровью. Я ему отвечал, конечно, не выходя из себя, нужно мне? А знаете, после чего он так разъярился? Я ему сказал, что это государство при случае будет играть со славянами, сю-сю, тю-тю, а предаст точно. Как всегда предавало! И не будет тут никогда ни нормальной монетарной системы, ни инвесторов, ничего не будет! Поиграют они, поиграют в эти новомодные штуки, а потом развалят всё, как это у них всегда было! И привёл свой разговор с одним черичренцем на станции Гелупец, который рассказывал, как его брат возил в фуре арбузы в Сблызнов и на каждом перекрёстке ментам мзду давал. В самом прямом смысле на каждом углу! Тысяч двадцать гренцыпулеров взяток за один прогон он брал только на взятки! Менты ни разу не смотрели в его фуре взрывчатку, наркотики и тому подобное, сразу подходили: «Деньги давай!»

Дал – и езжай куда хочешь, и – вези, чего хочешь. Хочешь – арбузы, хочешь – взрывчатку. Он и давал на каждом перекрёстке. Разве, говорю, возможно, чтобы в стране, где все силовые структуры продажны снизу доверху, порядок навести? Что это за безобразие? А потом снова говорю, что, де, надо бы обнести эту мятежную территорию колючей проволокой, устроить санитарную обработку и, как её, вивисекцию, а с военными акциями повременить пока. Как я это ему сказал, он пуще прежнего взвился, стал орать благим матом и меня снова Исрулем попрекать. Исруль твой, да твой Исруль! Его понесло.

Потом я и говорю: «Общеизвестно, что в глубинной Сан Репе настоящие патриоты – наркоманы, проститутки и алкоголики. Наркоманы дают деньги Северному альянсу на покупку оружия у Сан Репы, а потом этим оружием бьют злых террористов. Отморозков бьют, как сейчас иногда говорят. Таким образом, они-то – проститутки и наркоманы, и есть основные борцы с терроризмом. Алкоголики же содержат на своих плечах армию и Подземную полицию самой Сан Репы, ибо отдают в казну за порцию дрянного пойла отнюдь не лишние для их семей деньги. Слава патриотам нашей отчизны – великой Сан Репы: проституткам, алкоголикам и наркоманам! Слава её верным сынам и дочкам! Слава алкоголикам и проституткам, строителям будущего Сан Репы!»

И тут он окончательно задымился и всё в одну кучу свалил, и литературу, и жизнь, и исруль. Кони, люди, залпы тысяч орудий слились у него в протяжный вой. Рот у него стал раскрываться, как у Маяковского во время выступления перед красноармейцами.

Ещё он орал: «Я профессионал, а ты – чмо болотное, кто ты такой, так и будешь всю жизнь за свой счёт книжки издавать. Я уже в энциклопедии есть! Про меня пишут все газеты! Я – славянский Брет Гарт! Ты никто! Ты мелкий гра-фо-ман! Что ты пишешь? Что ты пишешь? Почитай! Почитай меня! Я классик! А ты кто есть? Кто ты такой? Ты – никто! Ты! Меня роман газета печатает на каждом шагу! Тьфу! Меня все знают! Я пять жён на свои гонорары содержу! Я не хочу с тобой разговаривать, не хочу! Выводишь ты меня из себя! Гад!»

Разошёлся он страшно. На цыгана, которому жена изменила, стал похож. Руками стал рубить, как Суворов турок. Саблей.

В общем дал он мне по башке своими ноябрьскими тезисами, крепко дал! Осудил он и мои картинки, сказал, что на любой помойке таких картинок видел больше, чем у меня в папке. «Разве это живопись… – твердил он, ка заведённый, – Ты что рисуешь? Это же такая гадость, твои рисунки! Да и не рисунки это вовсе, а мазня!»

Я его поправил – «графика» говорю, графика. Живопись – это когда с масляными красками дело имеют и пишут на холсте. Когда же водяными красками и тушью по бумаге – это графика! Разберись сначала! Когда он на меня орал, вид у него был страшно болезненный. Как он при таком болезненном виде мог содержать пять жон, я не знаю!

Я вижу – светской беседы пока что не получается, тон не тот, тема не созрела. Доводы мелкие. И многое, что он говорит обо мне, к сожалению, правда: книги мои не покупают, да и я сам к этому никаких движений не совершил. Ни одного серьёзного жеста, чтобы продвинуть своё имя среди единомышленников и врагов. Вот и жизнь свою не устроил – это правда, тут не поспоришь. Семья разбросана по миру, многих уже нет, а те далече. Картинки мои пока что заказывают в издательствах, но что будет завтра, никто не знает, хотя некоторые мои картинки всё равно хороши, пусть не говорят!

Я его слушаю, а сам думаю: нет ху… без добра! В основном врёт он, но послушать то, что о тебе действительно думают твои «друзья», особенно в ярости или подпитии действительно нелишне, лучше узнаёшь, кто твой друг по-настоящему, а кто прикидывается, а сам камень за пазухой держит. Я ведь слушаю даже врагов и готов извлечь зёрна истины и из их враждебных мне речей. Лишний человек, как сказала бы многоуважаемая Алевтина Ильинична.

Я собрался с духом и заверещал этаким отвратительным интеллигентским говорком, не глядя ему в лицо:

– А вы знаете, я тут подумал… (Я говорил это голосом худосочного интеллигента из анекдота, произносящего спящему: «Вот вы говорите: Рыльцын – Рыльцын!») Ведь величайшие создания человеческого гения всегда носят, как ни странно привкус откровенной графомании. Нет в этом, господин Белоснежнов ничего преступного. Я, разумеется, не ратую за откровенно бездарные поделки, каких пруд пруди не только в столах пишущей братии, но и на прилавках книжных магазинов. Тут до сих пор дивы на радио вылезают и начинают завывать:

«О, родина моя в кустах осоки,
Люблю твои крутые берега,
В зелёной благовидной паволоке,
И (Ёпсельстрой) духмяные снега!»
Являешься ты в снах березовидных
В моих непомышляемых мечтах,
Когда дрожат тут в мареве овины
И деды ходят в длинных лапсердаках!»

Обычно они именно такие. Невсклад, невлад, поцелуй корову в зад! (Я, когда говорил это, корчил рожу.) Вы, конечно, слышали немало подобной чуши, не отпирайтесь! Но я не об этой тарабарщине говорю. Я говорю о божественной графомании! О чуде рождения литературы из графомании! Этого наивного полёта, какой есть в иной графомании, нет в профессиональном творчестве, тут всё как бы продумано и выверено, а вот величайшие творения созданы графоманами. «Дон Кихот», к примеру. Очистите его от графомании, и будет книжка в семьдесят страниц, отлаженная как часы, но без малейшего аромата и вкуса. А разве «Гаргантюа и Пантагрюэль» не графомания? И Реймский собор разве не графомания? А «Евгений Онегин», да не разъярю я ревностных пушкинонов? Особенно последние главы? Искусство, истинное искусство не может быть всего лишь профессией! В настоящем искусстве всегда есть нечто избыточное, лишённое примитивно понимаемого здравого смысла! В нём всегда есть избыточность! Ошибки вдохновения стоят во много раз больше, чем обретения ремесленничества. Сведи к необходимости поступки твоих персонажей и напишешь книгу о животных!

Бог не может быть профессией, солнце не может быть солдатом, изучение души не может быть резекцией паталогоанатома, оно должно быть священным актом открытия нового мира. Надо в глубине души понимать, зачем ты создаёшь свои творения! В них

должна быть протяжённость, перспектива, сфумато! Нечего в храм пускать жрецами слегка подкованных сапожников! Надо возвратить искусствам их поднебесную функцию! Сейчас искусства сделались служанками денег и только потому влачат жалкое существование на задворках общества, готовые воспеть всё, что угодно выскочке-богатею и расстриге – интеллигенту…

Говорил я тихим, смиренным и по возможности препротивным голосом. Поникнув головой. Мне хотелось быть похожим на иезуита в капюшоне, допрашивающего ведьму – мерзкое зрелище, куда ни посмотри! У меня только капюшона и чёток не было, а так я точно был похож на думающего католического монаха, размыляющего на досуге о гармонии и мире и призывающего вредительницу ведьму сознаться в содеянном.

Он это увидел. Тут он вообще зашёлся и стал вопить уже на всю улицу горестные тирады. Он горланил благим матом, напоминая христианского жреца, требующего наконец у небес обещанного Второго Пришествия. Дай, мол, мне! Тембры, какие я больше всего не люблю. Было пусто, и его голос галопом отскакивал от мокрых фасадов на другой стороне улицы. На другой стороне улицы немногочисленные прохожие, и правда, стали оглядываться, но я его не одёргивай, пусть, думаю, оттянется Белоснежнов, пусть выявится как яркий народный характер в воей первозданной чистоте. Впрочем, была ли это улица, или пред нами расстилался глубокий горный каньон, затянутый туманом – этого мы уже определить не могли.

Я подумал, что с людьми, которые тебя не уважают, дел иметь не нужно. Это неблагородно, но прагматично. Об этом говорили все философы, но ведь человеку что говори, что не говори, он всегда сделает по-своему!

Не дожидаясь конца тирады, я сухо попрощался с ним и ушёл, сославшись на дождь и на то, что на поезд мы, по всей видимости, уже опоздали.

Он сказал мне в спину с ненавистью: «А я поеду!».

Я представил себя под пологом леса, когда каждая встреча с веткой окатывает тебя противным холодным душем, и мне стало жалко стойкого во грехе Белоснежнова.

Saint Kaban!

Сказав это, Лихтенвальд оглянулся и с удивлением заметил позади себя брезгливого толстяка в тоге, который сидел, закинув ногу на ногу, и рассматривал ухоженные ногти. Узрев удивлённые глаза Алекса, он вскочил и представился Нероном. Ещё дальше молчал третий посетитель, в надвинутой на глаза кепке. Он тоже сорвался с места и, выглядывая из-за широкой спины Нерона, назвался Кропоткиным.

– Я знаю, о чём вы приблизительно думаете! – сказал Нерон мягко, – О, я прекрасно знаю этот вид Нусековской литературки. «Смотрю на жизнь глазами таракана». Начало для большой поэмы просветительского содержания. «Она была прелестной одалиской, барменом он и слушал «Би Би Си». Не так ли? Неплохое начало для поэмки Никифора Ляпсуса! Их творчество я знаю. «Он скинул лапоточки и трусил по полюшку, озаряемый солнечною лучинушкой, пока его головушка не приклонилась к околице, и сон—Окоясь не скрутил его бедовую червлёную душеньку». Впрочем, поэм они как раз не читают! – разродился тирадой Нерон, глядя холодно в глаза Лихтенвальда, – Это очень важный философский вопрос, кого жлобы выдвигают как своих героев и увековечивают в своих мифах? Если бы не злоба дня, кто нашёл бы тут какого-то Платанова? Никто! Мы находимся в узких рамках того, что может признать приемлемым для себя толпа! Она может отбросить лучшие жемчужины ради сомнительных помоев и смаковать помои веками, говоря, что это нектар! А посмотрите меж тем, сколько ничтожеств пропихнуто на местный Олимп! Вагон и маленькая тележка! Я вообще вижу, как производится здесь отбор, и скажу, что отбор ведётся противоестественными методами! Писатель находится между молотом и наковальней, между лезвиями ножниц. С одной стороны ему грезятся «Дон Кихоты» и «Божественнык Комедии», потенциаль-

ным автором которых он мог бы быть, с другой он видит то, что способна съесть здешняя публика, плебеи, он видит то, за что она готова отдать деньги – жалкую попсу и детективное чтиво. И писателя корёжит. Он не знает, что ему делать, он пьёт и сходит с ума. Он стреляется. Или ломает себя и продаётся на развес и на вынос! Печальная судьба, не правда ли?

– Да нет! Мне ведь всё равно, что они думают по этому поводу, просто мы идём разными дорогами в разных направлениях, – пристально разглядывая второго гостя, продолжил Лихтенвальд, – А я уже не маленький и конфет не люблю! Я буду делать то, что хочу! Даже если это не будет нужно никому! Ответственный человек должен поступать так! Кто сказал, что идеалисты все вымерли, как динозавры? Карьера под проеденными молью знамёнами мне не нужна! Книжки с преамбулами Дроздов и Синиц не нужны! Я хочу быть самим собой! Пусть графоманом! Честный графоман предпочтительнее распутного беллетриста! Всё относительно! Это какая-то новая порода людишек. Они и дела не делают, а гадят, и на вопросы ответов не дают. Однажды я попал на юбилей одного местного, маститого художника от литературы и имел возможность лицезреть всю эту публику. Они оставили у меня в душе странное впечатление, одной из деталей которого было: Лёша, ахтунг-ахтунг, внимание-внимание, говорит Германия, большинство здесь присутствующих – стукачи! Дай бог, чтобы я ошибся, но, увы, я не ошибся! Наивные иллюзии. Я-то всё-таки думал, что что здесь есть какие-то остатки корпоративной чести, профессионального и человеческого интереса, какими должен был по моему мнению обладать писатель. Писатели всё-таки, инженеры человеческих душ. Как же без искреннего интереса, как же без правды? Наивный Сан Репский мечтатель. Передо мной был коричневый, засохший лимон с червями внутри. Он всё ещё сохранял форму, но был лишён вменяемого содержания. Всё сгнило. Всё. Это были не ловцы душ, а приживалы в партийном лепрозории, списанные в тираж. Слабаку кажется, что, попав в опалу государства, он претерпел и пострадал, сильный знает, что он сам скорее сметёт и отринет любое государство, чем признает своё поражение. Оказывается, от точки зрения и упорства, с каким отстаивается эта точка зрения, многое зависит. Сильный сам уволит любое Государство и глазом не моргнёт! С тех пор, как моё государство лишило нас всего, я не могу, не хочу быть и не буду офицером в армии вампиров, высосавших кровь из меня и моих родителей! А как литератор, я не хочу быть слугой кого бы то ни было.

– Если писатель инженер человеческих душ, то кем является критик? Ну? Как я ляпнул? Мне иногда хочется прослыть умницей, и я тоже не прочь иногда принять красивую позу и блеснуть острым словцом. Но это я сам выдумал! – болтал словоохотливый Нерон.

– Критик – ассенизатор и водовоз! И даже хуже! Это ассенизатор, да к тому же ещё и мобилизованный, и совсем уж непростительно – призванный! Это знают даже младенцы! Вы будете уважать ассенизаторов и водовозов, призваных к примеру, в армию, и умудрившихся не избежать призыва?

– Никогда! – весело крикнул Нерон, – я вообще очень плохо отношусь к тем людям, которые что-либо делали в жизни только ради денег! Это продажные плебеи трудятся из-за куска хлеба! Даже в литературе водовозы и ассенизаторы занимаются говном. Приличный человек в литературе не имеет дела с говном!

– Ну, зачем вы так, сударь? – попытался пристыдить нахала народный защитник Кропоткин, – услышь нас подавляющее большинство граждан, вынужденных денно и нощно пахать только за право нацепить на себя тряпку и набить живот не очень качественной пищей, они бы просто побили нас камнями!

– Лучше бы они побили камнями тех, кто заставляет их денно и нощно трудиться ради тряпки и скверной еды! – парировал нераскаявшийся Нерон.

– Верно задвинул, товарищ! – иронично и совершенно без всякого акцента заметил Гитболан, – Да, народ тут геройский! Я знаю! Мой племянник в былые, не очень весёлые времена, воевал на востоке и не раз сталкивался, будучи сам чрезвычайно выдержанным

и стойким человеком, со стойкостью этого странного народа. Однажды в деревне, куда они прибыли для водворения порядка, они наткнулись на группу вооружённых бандитов. Их тут в силу обстоятельств называли в былые времена много мягче, чем они заслуживали – партизанами, но как бандита не назови, он всё равно – бандит! В ходе недолгого боя бандитов перестреляли и частично разогнали по джунглям. Племянник погнался за последним из этих лесных небожителей. Из-за необозримой бороды он так и не рассмотрел лица разбойника. Тот весь состоял из бороды и усов. Он его догнал и – бац по левой ноге кастетом. Сломал. Тот пополз дальше. Потом отдохнул, снова догнал, и правую ногу отбил спасательным кругом. Потом – тресь – правую руку арматурой сломал и узлом завязал руку – тот ползёт. Левую руку, тресь, в морской узел завязал. Ползёт. Тут он ему голову напрочь оторвал, полагая, что так будет лучше, и тому ползти больше некуда. А тот – так и уполз в камыши. И оттуда ещё залп дал, танк подбил, и горланил целый день какие-то героические лозунги и частушки. Наука умеет много гитик, как я полагаю.

– Вы всё шутите! – вставил Алекс.

– У вас крупная голова, – усмехнулся Гитболан, – и вы не должны держать её в песке, как рождественский страус. Мир не движим благотворительностью и благородством! Он движим конкуренцией и войной. Попытки задружить кроликов с волками вас ни к чему не приведут! Это фанаберическое прекраснодушие – не более того!

Из приёмника полился гимн Сан Репы. Алекс, сорванный с места точно ветром, подлетел к нему, и с криком «Заткнись, гнида, не до твоих частушек!» так шарахнул по выключателю, что Гитболан поднял бровь.

– Вы их так любите? – спросил он.

– Сильнее, чем вы думаете!

– А всё-таки, почему? Это ведь хозяева страны! Аристократы нации! Лозунги-мозунги, как вы изволили выразиться!

– Какие хозяева! Это чёрт знает что! Бандиты! Захватчики! Бандиты не бывают хозяевами! Бандиты бывают бандитами! Они ограбили нас и обесчестили наш великий труд! А сейчас отворачиваются от нас и стараются не замечать! Экономическое беззаконие мучает и убивает мой народ! Каждую секунду погибают десятки! Я видел их на помойках, на морозе! Является ли несправедливое социальное устройство их личным делом – это вопрос! Поэтому, когда спустя поколения рука народного гнева обрушится на внуков нынешних мародёров, мы не должны смущаться их слезам. Кто сколачивает триумфальный помост из костей, получит гильотину! Грядущие поколения! Вы не имеете права на сочувствие! Благородство редко. Оно не должно опускаться до немотивированной доброты. Благородные должны восстановить поруганные пропорции между богатством и нищетой, между общим и частным, между волей и долгом. Пропорции станут богом грядущих времён, верховным богом. Бог нового мира – это Бог пропорций! Тот, кто ссылается на несправедливые законы, установленные заинтересованными, корыстными и низменными людьми, попирает при этом более высокие законы справедливости, начертанные светом на небесах – просто преступник! Пусть он считает себя законопослушным гражданином – он преступник! Мир, разумеется, восстановит если не саму справедливость, то кару за несправедливость. Вот почему грядущие слёзы детей нынешних хищников – нормальная плата за преступления отцов! На первом этаже в соседнем доме новаторы старичка придусили, и после открыли аптеку в его квартире. Лечить будем! Что это? Я не хочу их знать! Не хочу слушать «Сан Репа Великая Родина Света Внезапно возникла на наших костях! Спасибо за это! Спасибо за это! Единство народное есть в городах…» Ну и текст! Ёкол! Мусорное ведро должно поднять восстание против такой бумажки! Это не я должен шугаться от этого государства! Это оно должно и будет шугаться от меня! Будет! Эта земля принадлежала нам ещё до всяких государств, до князей, до царюг, до попиков, до коммунянек, до демокрадов, и будет принадлежать. Мы

выпотрошим любое из государств! Я главнее любого государства! Это я должен его грабить, а не оно меня! Миллионы шутов, корчащих из себя патриотов – для меня ничто! В формочки оделись, чмыри! Дышать темно! Как бы заснуть и не видеть эти поганые годы!

– О-о, батенька! Вот так пукнул! Да не спать надо! Бороться! Жизнь – борьба! Не спать надо летаргическим сном, а если ты обижен, поднять штыки на обидчиков и вынести их на штыках! Почему вы это не делаете, а как бараны смотрите, как вас грабят? Всё вы не туда смотрите! У тебя пока нет сил противостоять произволу! У них нет сил убивать ограбленных! Это даёт тебе уникальную возможность говорить правду! Оружие надо чистить! Бой грядёт!

– Надеюсь! – хмуро изрёк Лихтенвальд.

– Да! – стыдливо засмеялся Гитболан, – Да! Есть два вида бандитов – одни в форме, а другие – без формы! Ну а если они исправятся и отдадут украденное, вы измените своё мнение?

– Нет! – сказал Алекс, – Поздно! Они всё равно не люди! Не изменю! Моя мать погибла от их шуточек! Какие извинения?

– Возвратимся к подростковым поллюциям, к детскому романтизму и энурезу, к юношескому альтруизму, – продолжил Гитболан, – Они не оставили вам, сударь, ничего, кроме таланта! Это их ошибка! У вас уже нет ничего, кроме таланта! Прекрасно! У вас есть столько, сколько нет ни у кого! Так уделайте их своим талантом! Изобразите их так, чтобы в веках люди смеялись над их святынями! Смутите их самоуверенность в том, что они люди! Покажите их животными, лишёнными всего человеческого! Ведь на самом деле они таковы! Их частная, мозаичная мораль – всего лишь симуляция и мимикрия бессовестности! Президент, закрывающий глаза на вопиющее беззаконие – муляж!

Нерон, как будто только и ловивший момент, чтобы встрять со своими речёвками, встрял, шумно жестикулируя и коверкая слова:

– Кропоткин! Шеф, позвольте выдать друга? Он съел килограмм скотча! Интеллигент! В наше время! В наше время! Муштровать! Муштровать всех! Может быть, он мнит себя Шварцем Ниггером? Сначала мнил себя Шварцем, но оказался Ниггером! Потом схватился за Ниггера, но по возрасту из него всё сильнее вылезал облезлый Шварц! Живу среди уродов, что в мороз не закрывают дверь в своё жилище, наивно полагая – будет пища смоковниц диких и трофейных коз. Да, бедность их от бедности ума, от дезертирства от добра и чести, но пусть живёт надежда в них, что вместе идти по миру, что одна сума. Ползёт по подворотне злая гниль. Вся злая гниль, отъевшаяся в стане, что числится по метрике моей, найдёт златую пыль в моём кармане и несколько погнутых дюбелей. Она придёт, а я уж сделал ноги, мне надувные не нужны круги! Закрой меня своей власистой грудью, Крогги! Нет, шиш, играли в эти игры! Помоги! Писатель! Хочешь я тебя за три репейных гренцыпулера писателем сделаю? Один тут местный конан дойль без всяких на то юридических оснований считал себя пупом земли и гением всех времён и народов. Враньё! Как он может быть гением в этом плюгавом городишке, когда гений там уже есть – это я! Он беллетрист, а не гений! Я никаких проявлений гениальности, кроме дурного запаха изо рта и грязных манишек я в нём не заметил. Таких гениев тут несколько, да не в том дело!

– Но он о тебе может сказать то же самое! Я думаю, что всем беллетристам нужно сообща обсудить и выработать критерии, по которым проявление любой гениальности будет объявляться абсолютным безумием! Действительно, разве не безумен какой-нибудь максималист, который не желает ограничивать свою жизнь едой и …любовью, а погрязает в абстрактных теориях преобразования общества? Я имею в виду, безумен для тех, кого устраивает это общество… Ладно, это я так, подшучиваю! – сквозь голос Нерона продолжил Гитболан. Я сам почти такой! Люблю хорошую шутку над плохими людьми! А так как здесь почти все люди по моему мнению плохие, то шутить придётся направо и налево! В ваших

книгах, уважаемый, чувствуется оскорблённая и обожжённая предательством и несправедливостью душа. Почему мир не замечает одиноких гениев? Находясь замурованным в кавендишской пещере, я несколько столетий подряд размышлял над этим вопросом и так не нашёл на него внятного ответа. Приличные люди сиры, потому что кругом нет истинных аристократов, способных оценить и своей оценкой создать позитивное мнение у большинства простых людей, озабоченных только выживанием и суетой. Для этого нужна ответственность перед, если хочешь, историей, ответственность перед высшими целями существования. Оглянись вокруг, ты живёшь среди людей ограниченных, их жизненное пространство стеснено, и они в упор не хотят видеть выскочек, возжелавших свободы. Свобода избранных всегда сомнительна там, где она зависит от оценки сирых смертных. Сирые сами не могут сказать да там, где можно сказать нет! Она унижает их, даёт почувствовать свою ущербность и ненужность. Деньги, которые многие из них имеют в избытке, оказываются предателями, когда их жизнь начинает склоняться к старости. Они чувствуют, как безвозвратно уходит их время, их жизнь, они чувствуют, что ничего стоящего не сделано, а сытый желудок – слишком маленькая победа! И они завидуют талантливым беднякам. Только сверхсила может заставить их славословить солнце. Солнце не требует денег за своё тепло! Вы можете быть оригинальной и цельной личностью и полагать, что этого достаточно для уважения окружающих. И уже на этой стадии проиграть. Но им это никогда не понравится, потому что вы посягаете на их интересы, на правила их игры, которые они сделали почти принудительно правилами игры всех. Надо холодно и ясно оценивать в какой ничтожной среде вы живёте, какой мизерный человеческий материал вас окружает…

– Я готов заплатить и не такую цену за право говорить то, что я думаю… – прервал Гитболана Лихтенвальд.

Гитболан говорил глухим голосом, тихо и вкрадчиво, не сбиваясь.

– Вы имеете право поднять восстание и должны победить. Вы не имеете права больше проигрывать! Оставь надежду, всяк, сюда входящий! О, этот мир! Мир, где царит подлость, управляет несправедливость, господствует пошлость и повелевает страх! Сколько раз я обращался к людям – никогда не обижайте гениальных художников, не будет от этого добра. Обида, пройдя через увеличительное стекло их таланта, испепелит вас и не оставит и следа от ваших святынь! Талант – это лупа, собирающая солнце! И не кому будет жаловаться, когда огнём таланта будет охвачено всё! Но никто никогда не слушает предупреждений! Все готовы из раза в раз учиться на своих собственных ошибках и оступаться на своей собственной блевне! Не стоило и Адольфа так обижать в юности! – сказал Гитболан и испытующе посмотрел в глаза Лихтенвальда, – может быть, тогда мы имели бы не великого диктатора, но величайшего трагического актёра, кто знает, кто знает?

Гитболан умолк, сокрушённо качал головой, и казалось, весь ушёл в себя.

Так пошло минуту две в молчании, затем Лихтенвальд прервал тишину:

– Были времена, когда я высоко ставил комика Чаплина, и в особенности его «Великого диктатора». Но однажды я увидел английский фильм, где параллельно шли кадры из этого фильма и хроника с речами Гитлера. И мне пришла странная мысль – а ведь в то самое время, когда Гитлер с оружием в руках сидел в окопе и нюхал иприт, этот лондонский клоун кидался пирожными в тёплой студии. Есть в этом, знаете ли, что-то… А что касается сравнения, то скажу: Гитлер и в самом деле величайший актёр, а этот – просто пародист, каких пруд пруди! Его фильм про диктатора довольно бездарен, несмотря на массированную рекламу.

Гитболан внезапно оживился и заблестел глазами.

– Вот-вот! Ды вы не зануда! Вы начинаете подходить к истине! Но был ли Гитлер, как вы изволили выразиться, актёром. Большинство людей, ни во что не веря, почему-то принимают априори, что в мире не существует искренней веры во что-либо! Большинство смотрит на мир с шестка своего ничтожества! Что видит, к примеру червяк, находящийся

в яблоке? Пока ему тепло и сыро, он доволен! Холодно и нечего есть – он начинает шевелиться! Когда тепло и сыро, ему лично наплевать, что творится с его страной! Но должно ли быть так? А вы не думаете, что, может быть, он искренне верил в то, что говорил с воодушевлением, верил в то, что делал? Впрочем, это долгий разговор!.. Надо хорошо знать историю и также то, что ещё двести лет будет скрываться от глаз публики! Другое это было поколение! Одно могу сказать открыто – через двести лет все оценки будут совершенно не те, что сейчас! А Чаплин… неплохой актёр… Я смеялся пару раз! Но Гитлер был в сто раз умнее, чем думал Чаплин! У него хоть какое-то мировоззрение было! Он хотел от жизни не только хапать по мелочам! Буржуи, приучающие ныне свой народ не заглядывать дальше своего носа, хитры по-своему. Но хозяином мира будет тот, кто обладает программой и широким мировоззрением! Что же касается, вашего, господин Лихтенвальд, президента, то об этом типе я вообще не хочу говорить! Впустую потраченное время! Странная смесь довольно низменного здравого смысла с полным отсутствием полёта и идеализма.

– Он такой же мой, как заячий горох на поле! – обиделся Лихтенвальд, – И о нём я вообще не заводил речь по тем же основаниям!

– Я имел прекрасную возможность смотреть ваш телевизор. – продолжил свою речь Гитболан, – Я видел начало этого искусства, если можно так выразиться, в начале сороковых годов и хочу сказать, что виденное тогда – просто смешной лепет по сравнению с увиденным сейчас. Чудо: огромные технические возможности привели, казалось бы, к самому парадоксальному результату – там просто нечего смотреть. Одна симуляция! Особенно меня поразили передачи, где нет любви, но есть её открытая симуляция, нет откровенности, а есть излияние внутренних помоев. Оказалось, что у этого продукта так много потребителей, что самоуверенность гениев гаснет. Я бы запретил такое сразу, не считаясь ни с чем! Если право кучки лжецов оболванивать народ считается здесь демократией, я бы отмёл такую демократию сходу! Сколько лет миллионы людей просят уважать их природные права и избавить их от принудительного смотрения реклам, всякой гадости, а их мнение вызывает только глумливый смех! Это и есть демократия? Плебеи! Им нужны плебеи! Где возможно они проталкивают растляющее, подлое, низменное, размазанное! Покажи ему Патерстоунскую диву, с пеной у рта и невинными глазами выступающую за легализацию борделей, он и не подумает, что она хочет всего лишь вывести из тени свой поганый бизнес! Всё – можно! Здесь не нужны гении! А что видит глаз и слышит ухо? Привычное верить волшебству, оно по привычке потребляет непотребство, желая узнать о делах своей страны, оно натыкается на ложь в тщательно разработанной упаковке. Наконец, творцы лжи уже не скрывают, что они лгут, они говорят таким образом, что ложь составляет часть новых правил игры, и вы должны принять эти правила и привыкать к ним. И вот уже лжецам и их лжи аплодируют! Что случилось? Остался ли ещё народ, отдающий отчёт, в какой игре он участвует, понимает ли он, что это не игра?

– Семь человек из публики! – пошутил Алекс, – и свора наёмных лжецов, для которых ложь – средство к жизни! Благородство и честность расцветают только тогда, когда они поддержаны собственной силой и внешней. Когда добродетели воспитываются в людях, а порок осуждается! Да, честное слово, я иногда думаю, что если бы смерть не пресекала самодовольство лакеев, достигших сытости, жизнь была бы невыносима! Про скверное – он скажет хорошо, хорошее зальёт пахучей жижей, отличное задушит пятернёй!

– Браво! Никто ведь не анализирует отдалённых последствий, скажем, массированной рекламы на мозги подрастающих поколений. Ушлые люди получают за счёт рекламы мгновенную прибыль и им наплевать на то, что они растлят этим чужие мозги на века. Прибыль сейчас и много, а растление незаметно и по капле. И критериев тут как бы нет! Эти критерии, конечно, есть, но их не пускают в публичную сферу, их не дают озвучить в публичной дискуссии. Не может же директор такого распутного канала, живя на рекламу, пустить

на экран человека, который станет призывать к отказу от растления и умеренности? Станет говорить ему же о том, что он преступник? Что такое законы? Это соглашение, правила игры, диктуемые господствующим классом, слоем, бандой, как вам угодно это называть в своих целях. В больном обществе часто преступны даже законы, потому что они приняты в интересах преступников с деньгами, приняты для дальнейшего отмыва этих денег. Деньги сами по себе изначально преступны, поэтому любое общество, ставящее деньги во главу угла, само по себе преступно! Продавцу духовных наркотиков наплевать на лекции о морали и пока у него будет хоть малейшая возможность за счёт чужого здоровья получить хоть какую-то прибыль, он никогда от неё не откажется! Это общество должно уничтожать продавцов наркотиков, всё равно духовных или любых других. Здесь для начала должно быть так, как с сигаретами в Европе – купить пока можно, но на каждой коробке надпись аршинными буквами «Курение вредно для Вашего здоровья!» Мы должны были бы или убрать это с наших экранов или заставить их на титрах каждой передачи с рекламой ставить фразу:

Данная реклама
СМЕРТЕЛЬНО ВРЕДНА
для вашей психики
и
будущности
ваших детей!
С нами – ВЫ рискуете!».

Вот тогда бы мы посмотрели, какие песни они бы затянули! А сделать так, как сделали, скажем, в Гонконге, я пока не могу – в Гонконге разрешена любая реклама, но… после двух часов ночи и блоком. Вся реклама подряд идёт три часа подряд глубокой ночью! Ясно, что не один нормальный человек смотреть это добровольно не будет, но так как это закон, рекламодатель согласен и на это. Но этот порядок есть там, где есть люди, ответственные перед своим населением. Там, где есть народ, которого власти всё же побаиваются! Вообще, неплохо, когда тебя уважают, но страшно, если не бояться! Власть здесь думает, что у народа можно украсть сбережения, одеть его в телогрейки, и народ не выстрелит ей в спину! Она уверилась в недееспособности населения и мало того, поддерживает эту недееспособность. Зрелища и их характер только часть общей картины неблагополучия в этом государстве! Здесь зрителю подсовывают рекламное гнильё вместе с острым салатом приключенческого фильма, и он насильно вынужден этот компот пить. Он же не сможет всё время хлопать по кнопкам переключателя каналов, у него уже нет воли к этому. Китайцы молодцы, они поставили всё на место, и нашли в себе силы не дать худшим инстинктам ворваться в их жизнь. Они рано или поздно будут победителями мира! Впрочем, если их не изведут бактерии…

– Да, смена ментальности приводит часто к гибели организмов и сообществ. Тем более, насильственная смена. Этот процесс может растянуться на века, но как любой процесс, он имеет финал. Трагический финал! – добавил Гитболан, вынимая роскошный чёрный портсигар.

– Ну, хорошо! Я хотел повидать вас, и я вас нашёл. На Нерона произвела впечатление ваша неслыханная по здешним меркам начитанность и ваша убеждённость в том, что «ваш народ, погибающий и преданный, может быть спасён только одним…»

– Да, верно, только одним! Я много смотрел на удел моего народа и дошёл до первопричины его падения…

Названный Нероном, вдруг проснулся и, распираемый тщеславием, не только прервал мирное течение беседы, но и изрыгнул из себя лавину белых стихов:

«В глазах червей величье крайне низко. В обратной перспективе отражаясь, ты думаешь, что перед ними будешь, как белый шейх, как принц синюшной крови, но видя то, что ты

лишён защиты, и истощён бессонницей зловредной, наперебой бегут – подставить ножку, воткнуть кинжал отравленный, нагадить, смешать все планы, с панталыку сбить! Смотри, как корчат рожи эти гномы, тебя завидя в дольней перспективе, кто перед ними ты? Монетка! Крюк? Свистулька? Держись, раз впрягся! Не давал сомненьям на волю вырваться, держи в узде надежды, уткни в бахилы стремя, обтирайся, но никогда, нигде не унывай! Лишь так из ада попадают в рай!»

Алекс улыбнулся и захлопал в ладоши.

– Ваш коллега лицедей! – закричал он, – да ещё какой! Школа!

– О да, если бы у меня было три уха, то два из них уже должны были бы завянуть от его тарабарщины! Но он шутит! Поверьте мне, у него под этой клоунской внешностью находится ясный и холодный ум! А вот ваше государство ума лишено! Итак, Я никогда не ставил высоко умственные способности вашего государства. – продолжил Гитболан, – Истреблять своих лучших людей и пользовать их так, как оно их использовало – для этого особого ума не надо. Для этого вообще никакого ума не надо! Невыгодно конюшни строить из людских костей!

– Общество должно стараться… – продолжил Лихтенвальд и был перебит Гитболаном.

– Должно? Общество? Стараться? Алекс, простите, но вы взываете к тому, чего уже перед вами нет! Тут нет никакого общества! Нет доброжелательного интереса граждан друг к другу, нет общего уровня и подпитки друг от друга, нет никакой информации, она заменена мифами, нет гуманитарного, если так можно выразиться, слоя над всем этим! Одни воры, смеющиеся над честными дурнями!

Всё разбито! Все разбиты! Ничей просветлённый голос уже не может быть услышан! Всё разбито! Все идут в разные стороны, отпихивая друг от друга от остатков корыта! Ничего нет! Вокруг пустота, которую уже невозможно ничем заполнить! Нет сверхзадачи! Безопасность – главное, на что претендует цивилизация – немыслима там, где угроза нищеты нависает над головой у всех людей. Она немыслима там, где пресловутая неприкосновенность личности есть лишь случайный результат наличия полиции, чьё занятие фактически – не защищать от насилия, а насильно заставлять бедняков взирать на то, как их дети умирают с голода, старухи гибнут в больницах на кишащих червями матрасах, в то время, как бездельники обкармливают своих комнатных собачек, а попы переводят общественный продукт на производство идеологического опиума. В то же время, когда на эти бездарно потраченные деньги можно было бы накормить миллионы сирых и голодных. Впрочем, это только самые поверхностные мои наблюдения! Поживи я здесь несколько лет, может быть, я бы и изменил своё мнение! Но пока оно таково!

– Да, бывший когда-то моим, этот город, это государство стало просто стадом животных, погоняемых вороватыми пройдохами! За эти годы мы увидели такое количество всякой дряни, лжи и насилия, что невинность и уважение вернуть уже невозможно. Ничтожное и подлое понукает высоким, подлый человек входит в самые лучшие дома, деньги принадлежат только ворюгам! За какие грехи мне было суждено наказание увидеть весь этот ужас? Если есть ад, то он существует здесь и сейчас, а не на небе! Это государство – государство революционеров теневиков ввергло население в самое настоящее средневековое варварство. Утратив контроль за уровнем жизни, оно выдумало новую лживую игру – игру забывания части народа. Оно пользуется для этого новым средством – ложью замалчивания, видимо полагая, что это вовсе не ложь, а удачный идеологический приём. Количество дрянных людей всегда одинаково, разнится лишь та откровенность, с какой им позволяется демонстрировать свои дурные свойства. Кое-кто впрочем, скажет: «Посмотри, какие магазины уже есть кое-где и кое для кого! Нет, братец, всё хорошо!» Я прекрасно вижу ваше хорошо! Я живу здесь волею судьбы, но жить мне здесь противно!» Мраморные пластыри для нувориишей на исподних обваливающихся фасадах. И сразу куча клакеров. Но нет в них

величия, нет у них художников, философов. Это безлицый режим. Словно все силы зла бросают нам в лицо с хохотом: «Ну что, ребята, вы и это выдержите?»

Скрывать то, что я думаю, не имеет смысла, да я и не хочу этого, не буду бояться больше никого. Государство больше не будет иметь морального авторитета заставить меня делать то, а если попытается, я буду воевать с ним, или убегу.

Но, живя в государстве, которое вечно держит всех за дураков, славяне вынуждены отвечать этому нечеловеческому, чуждому им государству то неумеренным пьянством, то бунтами, то какой-то мерзкой самоотречённой покорностью. Всё равно, даже те, кто не могут ничего сформулировать, всё равно интуитивно чувствуют отдалённость этого государства от них, его враждебность. Им плохо и неуютно здесь жить!

Четыре, нет, шесть главных, неоспоримых и посему краеугольных камней было положено в основу нового, как тогда казалось, государства. Они, разумеется, уже были порядком поистасканы, как карты в старой имперской колоде, но тем, кто на недолгое время реанимировал умерших духов, казалось, что новый путь найден, а новое ничем не отличается от хорошо забытого старого. Вот эти святыни, полюбуйтесь на них:

1) Уголовное христианство,
2) Водевильная народность,
3) Квасной патриотизм,
4) Ряженое самодержавие,
5) Преступная законность.
6) Сермяжное послушание.

И молчите! Главное – молчите! Выражайте своё возмущение про себя! Тсссс!

И все капают нам на больные мозоли.

Смотрю как-то, а по телевизору какой-то финн, бывший чухонец, про славян всякие гадостные частушки распевает. Но морда у него была, я бы сказал, не лучше морд тех, кого он критиковал. Землю, говорит, назад давай! У вас много и она не в порядке! А у нас горьячих прибалтийских парней, порьядок! Накося – выкуси, брат!

Тебе разве не видно к чему дело идёт. Эти бандиты, узрев, что их государство ничтожно, ни на что не способно, и у власти просто так, долго ворам и пройдохам усидеть не удастся, а хочется заслуженной тишины и покоя, решаются на лихой финт ушами. Любой протест против беззакония и беспредела объявляется ими фашизмом и запрещается, попутно вводятся подзаконные акты ханжеского и ограничительного свойства. Ограничивающие права. Святоши создают костюмированное оформление шоу. Долгие годы творится, не поймёшь чего, людей снова начинают тихо, подленько расталкивать по тюрьмам, потом – революция и расплата. Многие негодяи убегут, прихватив награбленное в очередной раз, но нужно будет доставать их и там. Плохо только то. Что в очередной раз растляется население, перед глазами которого происходят эти штуковины..

Я знаю, что случись чудо, вернись старые добрые времена, и я уже не был бы счастлив! Но и я сам во многом виноват! Мои родители всегда ощущали себя членами социума и не видели другого пути, кроме честности. Когда они были помоложе, они много работали, общались, ездили. Увы, я сейчас не такой! В этом мире они не были одиноки. Я замкнут, более склонен к рефлексии, к пессимизму, к отказу от борьбы там, где следовало бы побороться и вдуть этим сукам по самые помидоры! С началом этой катавасии, всех этих пертурбаций я стал терять постепенно настроение, всё больше занимаясь несвойственными мне вещами. На работе в издательстве нас в принудительном порядке стали гонять торговать на рынок, работа стала нервной, я строил дачу страшными усилиями (Ради кого, спрашивается?) Все были раздражены, я иногда ругался с матерью, был невыдержан. Не возвратишь ничего! Времена филателистов и кухонь! Но я не оправдываюсь! Виноват!

– Так вы не докончили мысль! Ну? И где же этот водораздел? Падение часто начинается после неких экстраординарных событий!..

– Это событие есть! Крещение! Вот контрапункт этой невиданной трагедии! Христианство! Вот больной узел! Вот начало растления моего народа! Заставили верить в чужое и отняли своё! Чужое, даже очень хорошее и качественное никогда нельзя пускать в себя! Лучше быть пигмеем в своём лесу, чем волонтёром в чужом городе! Зачем нас крестили Насильно? Там, на Брущатике, исток нынешнего алкоголизма и всего остального урона. Скверный товар продаётся всегда в яркой и броской упаковке, а мы падки на яркое, как вороны. Казалось бы, чего плохого в этих Евангелиях? Христос там за мир, за разрядку, за народ! Ан, нет! Это книга торжествующего раба. А не ответственного гражданина. Поэтому у нас и нет никаких ответственных граждан, потому что много рабов! Они заглотали эту лингвистическую отраву, и теперь мучаемся животом сотни лет. Отрава оказалась действенной. Компьютерный вирус! Сейчас – Православная церковь Сан Репы— суперкорпорация по производству воздуха с оборотом 7 млрд. долларов в год. «Опиум для народа оптом и в розницу». Не завидую тем, кого нужда и горе гонят в каждую открытую настежь мышеловку с криком «Сыр! Сыр!» Не завидую им. Как меняются люди. Когда попадают в эту паучью сеть. Почти всегда у них в глазах появляется выражение затравленных животных, меняется даже осанка. Жалкое. Как правило, зрелище. Хотя некоторые светятся. Как краснонобычский реактор. И если узел не будет разрублен, если мы не простимся навсегда с Христом, Удел наш будет ужасен. Мы должны осознать свои ошибки и сделать выводы из этого отвратительного опыта! Но будет ли дано время понять нам наши ошибки? Нет времени! Но я всё равно верю: сволочь, крестившая нас палкой, будет истреблена мечом!

– Полностью с вами согласен! На все сто! Какое жалобное, взывающее к сочувствию зрелище представляли собой первые христиане, боже мой! В трущобах всегда зреет какая – нибудь гадость! Нерон, это должно быть тебе ближе, подтверди!.. Ты их видел во всех положениях и позах…

– Подтверждаю! – преданно заявил Нерон, закатывая глаза, укоризненно качая головой, и продолжил свои занятия. – Видел и очень давно! Гадють! Ой, гадють! Больше видеть их не хочу! Даже за большие деньги! Всё!

– Тогда они – жалкие клиенты, прятавшиеся от своей тени по подворотням и клоакам Вечного Рима. Убить их можно было плевком, поверьте мне! – продолжил эстафету Кропоткин, как оказалось, немало знавший о христовых братьях:

– Проходит время. Рим стареет, дряхлеет! И всё больше каверн, и сильнее запах гнили! Вы наверно замечали, сколько червяков ползает по гнили? В подгнившей плоти нет защитных механизмов! Рабская философия и психология становятся как бы самоценными, отделяются от своих убогих носителей. Посмотрим же, какое зрелище представляют из себя эти бывшие просители в белых тапочках, дорвавшиеся наконец спустя века до абсолютной власти на большинстве европейских территорий? Их уже не узнать – алчные, жадные и жестокие конкистадоры веры, ворюги и экспроприаторы чужого добра перед нами, в хороших дорогих одеждах, ханжи – на работе, блудники – дома. При том совершенно безмозглые, когда дело доходит до экономических и хозяйственных вопросов! Христианство похоже на огонь. Сначала спичка на ветру. Потом уютный костерок под вязом! Разгоревшись до определённого предела, он уже не нуждается в поддержании и питается тем, что ему встречается на пути. Не встречая отпора, он разгорается всё сильнее, уничтожая всё живое на своём пути. И вот уже лесной пожар неистово несётся по лесу, сметая сухие деревья, выгоняя зверьё из нор и вселяя ужас во всё живое! Никто не может ему противостоять. Никому нет пощады. И кажется, что так будет всегда. Но обманчиво и недолговечно его могущество, что такое полторы тысячи лет для истории? Миг! Вот кончается его корм – неиспорченные люди, и христовое безумие начинает гаснуть само собой. Зевают его клакеры

на затверженных до автоматизма проповедях, ибо их истина заранее известна, могильной скукой веет от казавшихся бессмертными постулатов. Веру заменил ритуал. Это уже музей восковых фигур с механическим приводом! Стихли и сгнили алые паруса на закате! Мы пришли на кладбище! Они живут воровством, неуплатой налогов в казну и попрошайничеством у нищих старух. Самое большое богатство создаётся за счёт самых бедных. Они легче прощаются с последними крохами, чем миллионеры с карманной мелочью! Таков путь всего! Беда только в том, что они не согласны захоронить труп и готовы носить его перед нами, пока у нас не отвалятся носы! Только угли остались от Христова учения на земле, только пепел – в сердцах! Пройдёт время, будем надеяться, не очень длительное, и от полутора тысячелетнего циркового фокусничества ничего не останется, кроме горестного вопроса: а что же это было на самом деле? Этот вопрос зададут новые люди, которым предстоит собраться с духом и несмотря на трудности возродить вечный аристократический принцип!.. Ответа же на свой горестный вопрос они не получат.

– Вернёмся к нашим первым баранам! В своё время Клеменций, – сказал Нерон, – говорил мне о Константине: «Распустил лагерь преторианцев и стал креститься перстами! Он самоубийца! Что он делает? Это же император, а не лицедей!» Но Константин был не только самоубийцей! Он был убийца! Он убил всё!!! Христианские байки и эти жуткие ритуалы скоро поглотили империю и сделали её заповедником сумасшедших клоунов! Даже варвары смеялись над нами! А потом от Рима не осталось и следа, если не считать следами великолепные обломки и немногие куски из немногих дозволенных книг!

– Всё течёт! Всё меняется! Нерон! Ты должен быть здравомысленным! Не бывает ничего постоянного! То, что появилось на свет, рано или поздно должно уйти! И из того, что появившееся на свет было скроено удачно, вовсе не следует, что ему не даровано трагического конца. Конец у всего один – земля!

Тут Лихтенвальд сказал грустно:

– Как странно, как прихотливо устроена жизнь. Вот была прекрасная семья. Они жили в нашем подъезде. Отец был важным человекам, инженером, жил долго за границей, в Германии. Он работал вместе с моим отцом на заводе. По старой традиции они часто играли в шахматы до потери пульса. Я всегда отмечал его медальный аристократический профиль. Он был настоящим интеллигентом! Дочь его была обычной наседкой, не очень умной, а внук наркоман и потерян… Как часто не уследит человек за какой-нибудь мелочью, и жизнь катиться под откос. И вместо радости мы видим деградацию и позор. Иногда это происходит медленно, а иногда так быстро, что и вздохнуть не успеешь, как случилось. У меня нет ответа, отчего всё так.

– Да, одно плохое поколение может погубить работу веков! Я всегда об этом говорил! Только мало кто слушал! – задумчиво сказал Гитболан.

– Кропоткин! Кончай свои псалмы! Циник! – не выдержав, брезгливо сказал Нерон, – Циник! Не трогай святое! Рим мог бы развиваться ещё двести лет! Эти лживые игрища отняли двести лет жизни у огромного организма! Полноценной жизни! Да и так ли уж его конец был естественным – это ещё вопрос! Катализатор! Вот в чём проблема! Конец Рима был не более естественным, чем конец человека, которому дали вместо касторки приличную порцию яду! Вы же не считаете, сударь, естественным конец человека, которому дали яду? Я не удивлюсь, если считаете! Хотя это философский вопрос!

– Тогда ты должен согласиться со мной, что, значит, в Риме так и не выработалась система, благодаря которой порядочные оставались бы наверху, а подлые были бы отторгнуты от власти. Вот это на самом деле самый серьёзный вопрос! Недопущение предателей наверх – вот источник процветания! Если десятилетиями выбрасывать на помойку лучших, честных, добросовестных, своих по крови, а заполнять их места худшими, ворами, проходимцами, инородцами, то результат будет ужасающим! Как это и получилось в Сан

Репе! Хозяева упустили власть из рук! Они доигрались до того, что на их глазах можно было украсть сбережения, накопленные веками! Это уже беспредел падения!

– Да! Я готов согласиться с тем, что государство бывает нечестивым или даже преступным, но я не готов согласиться, что это коснётся моих интересов! – сказал внезапно Лихтенвальд, – С какой стати эти пройдохи, пробравшиеся на вершину власти, решили, что так они могут обращаться так со мной! Пусть они обращаются так с теми слабаками, кто согласен с таким обращением! Если в обществе есть мазохисты, то их удовольствия – их частное дело! Может быть, есть люди, смакующие свои несчастья! Это – не я! Я хочу мотивированности от государства, а не подлых ужимок, цена которых – жизнь поколений!

– Ты тут такой один! Ну, может дюжина таких и наберётся, способных высказать всё прямо, но остальные то молчат! – хмуро сказал Нерон, – Следовательно – мазохистов тут хватает! Да непросто молчат, но ограбленные сами, ещё и косятся на тех, кто способен завить о своём несогласии с грабителями! Это не Рим! Это – гораздо хуже! Гораздо! Вот так, батенька!

– Это правда, – согласился горестно Лихтенвальд! – Это жуткая правда!

Минуту царило молчание, как бывает в природе во время грозы, когда стихает самый громкий раскат.

– Я видел, посещая с познавательными целями вашу страну, – сказал протяжно Гитболан, – что, тем не менее, пока что церкви полны народом, не битком конечно, но народ есть – старушки-пеструшки, встречаются даже вьюноши с небритыми подбородкоми и искательными взглядами по сторонам! Алкоголики идут! Наркоманы! Человек слаб! С тех пор, как он встал на две ноги и обрушил свой вес на тазовые кости, он столь же умнел, сколь утрачивал уверенность в себе. Это природный вид, в основе которого лежит подвижность. Иногда его заносит. Этим пользуются в своих интересах те, кому выгодно! Вслед за этим следует отрезвление. И так далее. Только ум человека – правильный ум правильного человека может вместить всё. Сама жизнь не может дать почти ничего. Одна аристократка – испанка, красавица и тугой кошелёк долго подвергалась любовным атакам одного блестящего гранда, не последней персоны при дворе кастильского короля. Когда он наконец уволок её в спальню после воздушных поцелуйчиков, то первое, что она сказала после всего: «Как? И это – всё?».

– А что она хотела? Ну, насчёт вьюношей я знаю: они приходят в церковь, потому что заблудились, им нужна была весёлая женщина, а они завалились в церковь, думая, что она там! Ждёт их! Они сами разберутся с маршрутом, и у этих – недуг пройдёт! Но есть случаи похуже! Иногда человек поражается злокачественным богоискательством, но это уже паталогия! Да, слабы люди под жестоким небом! Обычные люди! Две головы, три руки, хвост! Иногда они начинают нести такую чушь, что мне становится стыдно за тех, кто выпустил их в жизнь! Скажите мне, и что, по вашему мнению, они теперь все веруют в бога? Ещё вчера они клялись в верности своим материалистическим идолам, и сегодня, что, все веруют в бога? Все?

– Веруют они или не веруют, этого никто не знает, я сомневаюсь, честно говоря, но то, что они почти все. как один. стали заявлять об этом и такая форма поведения чрезвычайно распространена – это как пить дать! Серьёзно говорю: есть сумасшедшие, а есть душевнобольные! Вот они-то и есть душевнобольные. Да и как им быть здоровыми духом, когда они всю свою жизнь прожили в сумасшедшем доме «Земляничники всёй Сан-Репы», где директор всегда неисправимый маньяк и человеконенавистник, а персонал – отпетые проходимцы и воры? Вот они уходят от жизни в религиозную наркоманию и детей своих, не подумав, туда же волокут. Бабушка моего приятеля вообще как-то сказала, что скоро настанут времена, когда вы, так она выразилась, ещё увидите «президента в рясе». Якобы у неё было видение. Я сначала смеялся, когда представил это зрелище, а потом смеяться перестал. Судя по тому, как развиваются события, я уже не исключаю такой возможности… Если уж страна

стала развиваться в обратном направлении, то в том, что вернуться процессы ведьм и средневековая аскеза, нет ничего удивительного. Понимаете ли вы: эта система воспроизводит сама себя, повторяя в то же время общеевропейский ход событий.

Вначале, когда они ещё бедны и сиры, они являются к нам жалкими просителями. Они пытаются предстать людьми, пострадавшими от репрессий, всячески выжимают жалость у граждан и воровских авторитетов. Сейчас они просители. Потом они набирают силу, начинают лоббировать свои интересы в государственных структурах, быстренько добиваются налоговых льгот, их освобождают от всех налогов, дают лучшую городскую землю бесплатно, хотя она стоит умопомрачительных денег, им и этого мало, они при своей вере не брезгают грязной торговлишкой водочкой и табачком, потом ещё набрав с годами силу и капитал, они становятся всё более агрессивными по отношению к светскому обществу, начинают лезть в школьные дела и домогаться, чтобы в школе обучали не математике, а схоластике и этот процесс поглощения будет бесконечен, если общество не поставит этому свой заслон и не скажет: «Вот та грань, за которую вы не имеете права зайти! Руки прочь от общественной собственности!» Во многих городах из общественного пользования незаконно изъяты земельные участки под храмы, причём так, что горожанам уже некуда пива пойти попить! Все центральные скверы выведены из общественного пользования! И самое интересное и смешное, что все молчат! Нет голоса протеста! Это что такое? Что это значит? Почему нет протеста? Ведь забирают их имущество, их собственность! Делается всё по одной схеме – бросают за год до этого парк или сквер, прекращают его убирать, он приходит в запустение, а потом говорят: «Вот – парк! Посмотрите, как он разрушен! Да туда просто страшно войти! Давайте отдадим его церкви, будет порядок!». Хотя этот сквер можно было содержать в идеальном состоянии и без этого, найми трёх человек уборщиков и одного охраны! Здесь специально проводится политика захвата, иначе это безобразие никак не назовёшь! Беспредел… и церковники охотно участвуют в этом беспределе! Что здесь будет, когда дело дойдёт до свободной продажи земли – представить невозможно! Эти пройдохи грабят свой народ частным образом, а потом занимаются благотворительностью за общественный счёт.

– Что ты от них хотел? – Гитболан уже не обращался к Алексу, а разговаривал сам с собой, – это молодой, хищный и довольно примитивный народ, недаром их всегда звали обывателями, людишки, живущие обычной, то есть двойной жизнью. Тут есть, правда, маленькая подтасовочка – та жизнь, которую они веками считают обычной, нормальной, везде в мире называется беспросветной нищетой и существует только в романах Чарльза Диккенса про обитателей трущоб. Иногда они пыжатся и выпендриваются перед друг другом; человек, заработавший сто долларов, начинает выкаблучиваться и выпендриваться перед тем, кому досталось всего тридцать, считая эту разницу существенной, а себя богатеем. Цирк! Но это детали!

Странно, но у них, в отличие от других, более ответственных перед собой и небесным уделом народов эта самая ответственность не выросла. Всё кончается гадкой показухой на три копейки и миллионным воровством. Самые дерзкие и хищные воры правят ими, и их система правления не вызывает существенных нареканий почти ни у кого. Однако эти воры настолько свиньи, что со временем начинают покушаться даже на тряпьё и гнилые сухари бедняков, и только тут у бедняков кончается терпение, и они идут крушить своих просвещённых радетелей. Разумеется, в анналах остаётся при этом очень много смешных сцен прощаний, отделений голов, расстрелов и повешений, шествий погорельцев, наступлений орд, захватов и порчи, но опять же – это детали. Потом эти растленные личности, пострадавшие от гнева бедняков, начинают разглагольствовать о «слезинке ребёнка», об абстрактном гуманизме – слезу пускать! Смешно!

Алекс, рассчитывай только на себя. Они не простят тебе в глубине души даже то, что ты им не чета и не скрываешь этого. Не делай ставку на свой народ, даже если он к тебе присоединиться когда-нибудь и будет петь тебе осанну, не очень доверяй в искренность их поползновений. О! Наши пути и чаяния иногда пересекаются и как! Я был в городе, где совершалось действо крещения славян как раз в тот день и должен вам сказать – ничего отвратительнее этого я ни до, ни после не видел. Одно то, что плачущая толпа шла через коридор, построенный из сексотов, выводил меня из себя. Такую гнусную пародию на обретение народом новой веры трудно вообразить! Это было просто глумление!

Вы думаете, я смотрел на Владимира, Ольгу и прочих, участвовавших в этом вековом заговоре спокойно? Ничего подобного! Я знал им цену! Я знал и знаю мотивы их предательства, и они мне были отвратительны. Одни толкали свой бедный народ к пучине, другие толкнули его в пропасть, третьи хихикнули вслед… Вы, славяне, в результате насилия и афёр в разных формах, потеряли самоидентификацию и теперь не знаете, кто вы. Гости, которых вы всегда охотно и с радостью пускали в свой дом, выселили вас из лучших комнат в подвалы и мансарды и теперь на ваших глазах развлекаются в ваших апартаментах, а вас обзывают алкашами! Вот ужасный удел!

– А я был в городе, где так называемый Христос провёл всю свою жизнь-тридцать с лишним лет, в Назарете, или в Нацерете, как его называют ануреи! – вслед Гитболану загорячился Лихтенвальд. Вспомнилось мне всякое. Жизнь – длинная штука и чего только не случается с тем, кто идёт по ней. С кем только не приходиться хлеб преломлять, говоря высоким стилем, на её дорогах. Я вообще-то в Исруль два раза летал, и хоть говорят, что Бог Троицу любит, я эту поговорку не хочу больше слушать, не то, что руководствоваться ею. Мне и двух раз было достаточно, пропади они пропадом. Кто-нибудь из злопыхателей, наверняка, ляпнет про меня, что я, мол, озлился, после того, как мне коврижек недодали. Мне, мол, не повезло, и всё такое, но я даже отвечать на это не буду, потому что чушь это всё несусветная. Дело не в этом! Я просто вижу теперь всё, как есть, и цену всему знаю. Знаю я и цену лжи, которая там разлита, хорошо знаю, и молчать об этом не намерен, кто бы чего не говорил. Врать я ни за какие коврижки не буду и если уж чего говорю, то всё это чистая правда, как бы она кого не злила.

Им, Христом, там и не пахнет! Ничто в Назарете, или в Нацерете, как его обзывают анурей, не свидетельствует о существовании Христа, как реального человека. Ничто! Большинство местных жителей по сложившейся традиции вообще считает его самозванцем и проходимцем! В древности было столько детей лейтенанта Шмидта, что не протолкнёшься, только они изображали из себя не детей лейтенанта, а чад – машиахов или сыновей господа бога.

Действительно, я могу понять их купания в Иордане, сам в нём купался; лето, жара, сидишь в воде, кейфуешь, ведёшь философские беседы и слушаешь птиц в диких прибрежных зарослях. Но я никогда не пойму «Иордана» в морозной северной стране, в январе, в полынье! Это извращение! Я видел это!!! Издевательство! Над собой! Над другими! Это насилие над здравым смыслом, а следовательно, издевательство и глумление над Богом! Как он это терпит? Не знаю! Механически переносить содной почвы на другую непереносимое? Да это просто сумасшествие и произвол! Кстати, когда я купался в Иордане, настоящем, из всех людей, какие мне там встретились, мне понравился только сом, метра полтора длиной, морда совершенно человеческая, он плавал в полуметре от меня по поверхности и помоему совершенно балдел в тёплых струях. Больше я не сталкивался в Обетованной Земле со столь одухотворёнными, человеческими лицами, людишки там сейчас препаршивенькие, в основном…

Воды не подадут во время дождя! Умрёшь от голода и жажды на пороге их дома. Скучные люди, покрытые пылью, хотя у многих – гипертрофированное самомнение! Один при мне встал в позу Пушкина и раскрыл рот. Я думал, он что-нибудь героическое изречёт, а он

возгласил: «Нас, ануреев, больше никому не одолеть!» Я подшутил, говорю: «Сколько тебе осталось, пацан?»

Много лет назад в Германии одинокий человек, посланный Провидением, своей волей установил единственную свойственную германцам форму государственности. Он был достаточно честе и и по себе знал страдания своего народа. Он не хотел больше горя ни себе, ни своему народу! Что такое свобода? Одни говорят – это право трепать языком всё, что заблогорассудиться, другие – право торговать залежалым товарцем и право обмишуливать ближнего. А этот немец не хотел забыть слово справедливость! И если для немцев свободой было право ходить строем, ощущая плечо товарища, право знать слова «справедливость, доблесть и честь», должны ли они были, отринув всё, торговать и отказаться от своих понятий? Этот человек знал, что значит слово свобода для немцев и он подарил им право на то, что им было свойственно! И Германия расцвела! Это говорит нам лишь о том, что в глубинах истории, в зарницах будущего тлеют искры идеальных возможностей для любой нации. И если эта нация восприимчива к голосу истории и не желает опоздать на свой уходящий поезд, она крепкой ногой становится на вагонную подножку и отправляется в путь к своему величию и славе! Тогда жизнь таких народов наполняется силой, верой и справедливостью – всем тем, что дарует нам Бог! Когда же расцветёт мой народ, благодаря Богу и вождям, посланным ему Богом для его расцвета? Нации нельзя говорить о благотворности поражения, ибо в сердце её вечно живёт вера в Победу!

Я не против инородцев! Я за славян! Наша нация должна быть в руках честных людей, а не пройдох! Я не хочу чтобы мной руководили инородцы! Из того, что все мы пока ездим в грязном трамвае, заткнув рты, пьяные и лишённые надежды, вовсе не следует, что так должно быть и будет всегда! Я не буду препятствовать другим ездить в грязном трамвае, Ездите хоть на тележке, но пересажу славян из трамваев в «Мерседесы»! Славян – в первую очередь! Эти идиоты стараются затруднить выполнение этой задачи, вычёркивают национальность из паспорта, создают псевдонационалистические партии, пытаясь или опорочить саму идею, или повернуть народ в нужное им русло и т. д. Ничего у них не получится. Справедливость должна быть восстановлена любой ценой! Она будет восстановлена! Мы очень скоро будем жить в славянском государстве! Это должно быть фанатической целью всё большего количества людей! Пока же, не встречая в других нациях осознания наших законных требований, мы должны самоидентифицироваться по национальному и расовому признаку. Всю эту демагогию про интернационального белого бычка надо отбросить в корне раз и навсегда! Это был манок из папье-маше для кретинов. Но надо воспитывать себя и других! Без долгого пути укрепления расовых и национальных представлений ничего не будет. Надо понять, что и с ними может быть тяжело, но без них у нас шансов нет никаких! Мир не терпит разбредающееся стадо! Только люди, смотрящие в одном направлении – сцементированная сила.

Но это так, ремарка!

– Любопытно, – продолжил Гитболан. – Мне ещё придётся побывать в Обетованной Земле с жареными каштанами для некоторых персон, которые того заслужили, но это чуть позже! Обязательно искупаюсь в этой речушке! И жаркое из сома люблю, батенька! Чем я кончил? Да! Всё это безобразие творилось прямо на моих глазах!

– И что же вы делали, будучи в здравом уме и силе? Почему вы не прекратили любым путём то, что любой нормальный человек должен был бы прекратить!

– Я? Вопрос на засыпку! Во-первых, я не человек! Но Я не терпел зла! О нет, я убил их, лже-князей, толкавших славян в эту преступную религию! Если вы знакомы с историей, то вы хорошо знаете, что у них всех был странный конец, мутный, так знайте – это я убивал их за предательство и подлость! Но они сделали своё чёрное дело – приучили-таки большин-

ство к покорности, к рабству, к разгильдяйству. Тут уж я ничего не мог поделать – бактерия оказалась слишком заразной!!!

– Да? Но Олег был убит якобы древлянами…

– Якобы! Якобы и ничего более! Если он был убит древлянами, то и я тогда – древлянин!

– А Ольга? Она же умерла собственной смертью!

– Нет, не собственной! Она отравлена надкрылиями горных ос и надклювиями ямайских колибри!

– А Владимир? Уж я знаю точно, что он…

Гитболан укоризненно покачал головой!

– Какого Владимира вы имеете в виду? Было несколько Владимиров, в судьбе которых я имел великое счастье поучаствовать! Был даже один Владимир Ильич, если мне память не изменяет. К сожалению ни один из них не дотянул до сорока, к сожалению! Примите мои соболезнования!

Гитболан дипломатично попытался огорчиться, но Алекс со смехом остановил его.

Гитболан тоже расхохотался.

Потом Алекс задумался на минуту и продолжил:

– Жаль, что меня там, десять веков назад, не было с такими возможностями. Сколько было упущено всего из-за вашей нерасторопности!

– Ну не стоит так убиваться! В эпистолярном жанре, – сказал Гитболан, – я буду называть любое государство, возникающее перед моим мысленным взором большой буквой «Г». Это чрезвычайно экономит драгоценное время. Я знаю многое такое, что неведомо толпе, и это знание не делает меня более весёлым. Многие твои земляки, не худшие из них. скорее всего. предпочли бы покинуть эту несправедливую планету, и жить хоть на Марсе, если бы у них была к тому хоть малейшая возможность. В мире никогда не было справедливости. Не было бы Ольги, были бы другие, не лучше! А твои земляки… Они живут и почти всегда погибают здесь, в стране, которая должна была бы принадлежать им просто потому, что время их пребывания здесь исчисляется многими веками и уходит в глубь времён. Вместо этого они оказались париями на своей земле и напрасно взывают к небу, требуя справедливости или возмездия, что почти одно и то же. А кучка инородцев распоряжается всем и вся.

Твой дед, носивший такое же имя, как ты, перед страшной революцией прошлого века жил, если мне не изменяет память, в Патарстоуне на улице…

– Не надо, это ничего не меняет! Мне там уже не жить. Я даже не знаю адреса, где они жили.

– Ладно! У него была любящая жена, Васса и семеро детей. Работа на заводе в качестве помощника бухгалтера, которую он получил благодаря своей невменяемой честности, приносила ему не великий, но приличный по тем временам доход в размере девяноста рублей. Для человека, начавшего свой путь в деревне Дверской губернии, это была заоблачная карьера. Нерон, ты в курсе, что швейцарские золотые часы стоили в то время сорок рублей, корова столько же? Квалифицированный рабочий имел сорок рублей, прислуга дапдцать пять. Кстати, брат твоего деда вообще отличился и имел дипломы двух вузов вкупе с первым дворянским статусом, у него было только одно тёмное пятнышко на биографии – будучи в Германии в качестве журналиста, он набил рожу какому-то господину и два месяца просидел в тюрьме. Погиб он во время Друзиловского прорыва, у него вырвало бок снарядом.

– Да! Однако он был почти буржуем! – удовлетворённо замычал Нерон, Патарстон, 90 рублей, вах-вах-вах!

– Такой доход позволял твоему деду содержать семью, прислугу и летом ездить на Военно-Узинскую дорогу пить вино. Помимо всего было ещё три тысячи рублей золотом,

вложенные дедом в англо-французские акции, столь безжалостно отъятые после этой революции… Смешно не это. Ты видел по телевизору, как французские держатели акций этих займов с пеной у рта требовали возвращения своих денег? Они, кстати, кое-чего достигли. Но ты явно никогда не услышишь, что это с позволения сказать государство хотя бы намекнуло, что те же акции могли быть и у его граждан, которые для него, как песок в пустыне.

Алекс молчал, угрюмо склонив голову.

– Значит видел. Разумеется, у твоего государства даже мысли не возникло, что держателями подобных акций были и его собственные граждане, но это просто эссе о нравах. Это такие тонкости для этих подлых кретинов! Ты бы всё равно ничего бы не получил, потому что твой дед уничтожил эти бумаги в ужасные годы, совершенно справедливо полагая, что никто ничего возвращать не будет, а риск от хранения подобных бумажек есть. Продолжаю твоё досье, если позволишь.

На второй год прискорбной и страшной революции, так хорошо проявившей низменные стороны твоего собственного народа и изумительную гнусность других национальных объединений, в Патарстоне всё замёрзло и отключилось. Все семь детей твоего деда умерли от дифтерита. Он как раз помыл их, и они умерли. Бросив всё, он убежал в Ружев, где у него родилось трое детей. Первым был твой отец, Борис, потом его брат Анатолий и младший Михаил, чей танк по горькой иронии судьбы покоится на дне болота под тем же страшным городом, Патарстоуном. Покажу тебе как-нибудь это место. Как видишь, этот город также ничего хорошего вам не принёс.

Кое-что из имущества удалось сохранить. На ваше несчастье вы иногда приглашали убирать дом наёмную работницу, Парашу. В один прекрасный день, или вернее в одну ужасную ночь, когда твоего деда с семьёй не было дома, на машине всё было вывезено, а в кухне красовалась здоровенная куча дерьма – прощальный подарок этой замечательной женщины. Сакральная благодарность за гостеприимство! В традициях проживающего здесь народа подобные сакральные подарки очень распространены. Ты знаешь, Алекс, дети этой воинственной амазонки очень отличились во время той диковатой войны, которую я не хочу особенно вспоминать – летали на самолётах, увешали грудь орденами, в общем – яблоко от яблони далеко не падает.

– Я думаю, что ты фантазируешь! Ты не можешь этого знать! Они живы?

– Если бы! Одного закусали шмели, другого съел крокодил, третий женился. Потомства у них не было, хотя некоторые кретины думают, что именно я заинтересован в размножении подлых и в возвышении уродов. Они радуются, когда падает явный злодей, и адресуют свои неуместные восторги Единому Богу, но не знают, что источником их триумфа был я. Я отдаю себе отчёт, что ум отличается от хитрости, как небо от земли. Подлые и хитрые не интересны мне, ибо в основе их поведения лежит чистый материализм. Я вижу, некоторые вещи приносят тебе страдание, Я могу прекратить разговор.

– Нет, почему же! – гордо сказал Лихтенвальд и уставился прямо в бездонные глаза Дьявола. Скорее всего, когда я оступлюсь, ты поступишь со мной точно таким же образом, и о нашем знакомстве и не вспомнишь?

– Разумеется! Я не признаю рекомендательных писем и звонков родственников! Ты ведь тоже, я знаю это, перестрелял бы всех взяточников в своей стране, то есть около трети населения, а может быть, и половину…

– Всех! И не по этическим, а по эстетическим соображениям! Хотя и по этическим – тоже!

– Хорошо! Я предоставлю тебе эту возможность! Напомни мне чуть позже, я привык в отличие от многих держать своё слово!

– Но сначала надо убедить вменяемых особей не делать этого! Я вижу народ мой растоптанным и распятым, и беснуются над ним чужие люди. И не знаю я, что мне делать, куда

ни кинь взгляд, за что ни схватись, везде гниль и тлен. Тех, кто видит всё и говорит правду, пугают силой и заставляют молчать… Те, кто должны спасать нас, топят нас в пучине или руки не подают. Пока этнические славяне хлопали ушами под лживые разговоры об интернационализме, равенстве и братстве, их природное право на львинную часть общественного пирога было украдено. Однако это не значит, что они обязательно должны согласится с таким положением дел и если проснувшиеся славяне захотят подвинуть тех, кто их грабил и обманывал веками и вернуть себе своё, с этим несомненно нужно согласиться, не считаясь с воплями тех, у кого награбленное будет отнято. Водворение справедливости на её законное место тяжёлое дело, но этим несомненно необходимо заниматься, невзирая ни на какие препятствия. Это можно сделать через протекционистскую политику, хотя вся королевская рать будет мешать этому, в моём паспорте уже нет даже упоминания о моей нации, я никто, гиражданин чего-то. Но это всё исправимая чепуха!

Мы должны несмотря ни на что сохранять здравую толику идеализма и верить в своё грядущее господство. У нас есть полное право господствовать на своей земле, и мы будем господствовать на ней! Будем! Не сегодня, так завтра! Эта вера должна стать фанатическим принципом каждого нормального славянина, ответственного перед своей родиной…

Но что мы имеем сейчас? Груду развалин! Государство – людоеда!

О праве я не хочу даже говорить! Фарс, называемый у нас юриспруденцией, я испытал на своей шкуре, когда пытался проучить в суде тех, кто подло и незаконно изгнал меня из одного вшивенького издательства, являющегося ныне приютом для престарелых придурков обоего пола. Тот суд был настоящим, классическим фарсом.

Но как изменить этот мир?

Человек, затевающий социальную бучу, если такое возможно, обязан бежать на два шага впереди неистовой толпы на железных ходулях, не обращая внимания на моральные императивы и затоптанных по пути. Он должен быть стремителен и неумолим просто ради того, чтобы восхищённая им толпа не задавила его самого. Прислушиваться к мнению каждого невозможно! Тогда всё утонет в бесплодной, бесконечной дискуссии. Солёный арахис он будет есть потом, на пенсии. Я знаю, как безжалостен мир по отношению к честным праведникам. На моих глазах этот мир раздавил мою мать, не обратив ни малейшего внимания на её страдания. Христианский рай, существуй он на самом деле, был бы ничтожной компенсацией за всё это! Он выдуман исключительно для успокоения гнева мне подобных, и не может быть не отвергнут мной, как наглая и несомненная ложь! Тех, кого утешает ложь во спасение, я не приглашаю за свой стол. Лучше жить, отдавая себе отчёт в гибельных истинах, чем вечно пребывать в спасительной лжи. Лучше бессонница в печали, чем сон от опиума обмана. Но неужели же нет человеку места на земле? Этим мыслям я предавался раз за разом, не находя ответа ни на один вопрос. Нет его у меня и сейчас.

Когда это несчастье случилось с моей матерью, а государство, к которому я имею честь принадлежать, уворовало все наши сбережения, я спустил оставшееся на бинты и коробки с таблетками. Когда кончились деньги, я пошёл по инстанциям с протянутой рукой. От замасленных медяков я не могу оттереть её до сих пор. Увы, в Природе, созданной Богами нет и намёка на милосердии, но всё подчиняется целесообразности. Нерасторопного добряка там сразу же съедают, больного и лишённого сил отбрасывают и обрекают на гибель. Мне не нравится этот закон, но это неумолимый закон и я тоже рано или поздно подпаду под его действие. Я как-то раз задумался, сколько благородного пафоса обрушивается на безнадёжно больного ребёнка, когда его судьба случайно становится объектом широкого вещания. Увидев печальное лицо на экране телевизора, богатенькие иногда пускают крокодилову слезу и дают деньги на его излечение, операцию на Багамских островах, билеты на самолёт, удивительные каталки. Они дают деньги на одного, напрочь забывая о тысячах таких же, никому не нужных, лишённых случайных преимуществ. И гибнут в тени мара, неведомые

ему. Более того, эта помощь оказывается на их глазах, вселяя в них ни на чём не основанную надежду на спасение! Какое ужасающее ханжество, какая преступная благотворительность! Богатенькие благодетели так никогда и не поймут, почему нужно давать деньги не на частные судьбы, а на исправление гнилой системы. Но этого нет!!! Боги мои! Где я живу?! Боги мои!

– Успокойтесь! Я могу сформулировать некоторые советы, которые я мог бы дать выходящему в жизнь молодому человеку, если бы таковые меня спрашивали о чём-либо подобном, – взмахнул рукой Гитболан, – Первое: не надейся на людей, с которыми ты живёшь бок-о-бок. Надеяться на них всё равно, что надеяться на весенний лёд на реке, горную реку или болото. Второе: никогда не верь словам Государства! Третье: пиши так, как будто ты обращаешься к Богу или Дьяволу! Всё равно, к кому из них, ибо они – два лика Природу. Четвёртое: не верь тем, кто открыто заявляет о своей лояльности к Богу! Чаще всего это ложь в целях мимикрии. Вот собственно и всё! А гнусность этого мира не надо пускать в себя ни при каких обстоятельствах! Он от этого не изменится ни на йоту!

– Вы переплюнули Шекспира! Помните советы то ли из «Гамлета», то ли из «Короля Лира»?

– Не помню, соревновались ли мы в плевании, не помню! Идущий впереди должен верить только в свой народ! – посерьёзнел снова Гитболан, вслушиваясь в слова своего собеседника, – только в свой народ и ни во что другое, тогда будет чудо – подниметесь и других обойдёте. Не стесняйтесь, что любить надо всех, и пьющих, и неразумных, и смятых, и обманутых, и неистовых, и странных. Даже тех, кто живёт в христианской лжи, надо жалеть и любить, ибо они уже не владеют собой! Это родная кровь, излившаяся на землю! И не слушайте уродов в лаке и железе, которых не исправить, не слушайте, когда засмеются над вами, потому что вы – лучший цвет мира под ногами нечестивых. Отобью их ноги, ноги нечестивых. Потому вас, славян не любят многие и ругаются, что не живёте их рецептами. И мне небезразлично это! Но не пускают вас никуда, ибо торговать не хотите, как прочие!

Вернитесь к язычеству! Тогда явятся силы, либо научитесь торговать лучше всех, либо изгоните остальных со своей земли. Но лучше не торгуй и не пускай в дом торгующих – от их торговли смрад! Грязное дело – их! И знают они это и сулят нестойким ссуды! Никогда не берите их ссуд, ибо своим телом платить будете! Ваши святые книги больше не будут писаться чужаками, Вы выносите и вынесете на свет книги, пред которыми померкнет свод небес. Смотрите не в землю, где копошатся черви! Смотрите вперёд! Выбросите рухлядь веков на помойку, туда, где ей место, заколотите храмы осиновыми досками. В ваших нынешних храмах обитают сейчас гниль и ложь! Пустая трата времени – торчать в них! Идите в широколиственные леса Валгаллы! И да не перепишется из ваших новых книг ни одного слова в веках!

– А с этим государством мы погибаем и погибнем! Порвать с ним. Строить другое! Одна рука этого монстра – христова клешня! Она грызёт нас. Оторвать клешню и отбросить в огонь! Почуем, какой будет вонь! Вернёмся к старым языческим Богам, стиснув зубы! Даже не знающему имён, они откроются. Они сами найдут нас! Книги не главное! Много есть листов с отпечатанными знаками, но не книги это, рядятся под книги, но не книги и эти отбросим в огонь! Не нужны они вам! Для смущения сердец и растления правды писались они! Для заблуждения чужаков писались они! И худшая из всех – «Библия». Написана она ловко, но не для нас!

Другим сулится в ней небеса, не нам! Не будем же статистами на чужом пиру, вина нам там не дадут! А дадут, то цена будет неподъёмной! И никогда больше не возьмём «Библию» в руки, даже если будут гвоздями прибивать к нашим рукам! Порча и тлен будет нам от чужих книг! Наши книги – наши леса шумящие! Наши плечи – дубы.

Наши!

Не думайте, что выше всего книги, которые записаны на бумаге людьми! Есть книги, высшие книги мира, висящие невидимыми в воздухе и созданные природой— они выше и совершеннее всего. Солнцу не надо доказательств своего величия! Языческие книги открыты тем, кто готов их читать, но не любопытным и насмешникам! Они всегда были с нами, не замеченные нами! Не людские буквы касаются к ним, но дыхание Богов. Они непереводимы на человеческий язык, потому что написаны языком богов! Они выше людских языков. Приблизьтесь к ним и они откроют нам свои нерукотворные страницы! Соблазнять будут вас – как порвать, если они есть и ещё быть им. Не слушайте. Умерло это и вас придавило, за это хотите спасибо сказать?

Изгоните «Евангелия»! Шестьсот лет пользы нам не было, вред был, обман, не будет хорошего с ними. Младенцы уже смеются над упрямыми! Это и есть широкие ворота, ведущие в чудовищный огонь. А то, что красть и убивать нельзя только своих – это закон! И для того, чтобы это знать, не надо никаких «Евангелий»! Это и так ясно, как дважды два! Нам всё время выдают вечные истины, как открытия религиозных модернистов!

Когда укоренять новую веру будете, много насмешек будет, но вы в оторопь не впадайте, стисните зубы и следуйте по правильному пути! Вы должны понимать, что если чужой вашей вере засмеётся, не должны вы дрогнуть, так кристальна должна быть вера ваша, если дрогнете, то предадите себя ещё раз, в который? Тогда ничего не будет! Вы должны отбросить смех и сказать вашим детям – вот пришёл чужой духом – смеяться над нами и смущать нас, посмотрите на него, но никогда не слушайте, что говорит он о вас, так как его язык преступен и мёртв отныне для вас! Закроем уши для таких слов гранитными валунами и не будем слушать!

И мы должны любить превыше всех – славян, потому что они одной с нами крови. Безумный славянин, одноглазый, сирый, заблудившийся, калека, должны быть для нас выше умников-чужаков. Кровь славянина – ваша кровь, а чужому нет до нас дела. Да и мало нас стало по неразумию прошлому и доброте, которую разливали мы при всех дорогах и кабаках.

Детей в армию не пускайте больше, мало нас, пусть другие теперь дерзают! От нас и так слишком брали! Не давайте! Ваше дело – множиться!

Не слушайте, что будут говорить многие о вас, потому что обмануты они обманщиками с экранов и ничего не видят и видеть не хотят. И обманутые сами обманывать станут! Нынче правду говорят немногие, да и те боятся, так не бойтесь, потому что наша правда вершить будет и греметь по всей вселенной.

А если будут говорить они о том, что другие не хуже нас, не спорьте, никогда, ибо вызывают нас на это. Мы лучше всех, но этого – не достаточно! Будем во всём умнее прочих! Нам ещё воздастся! Не всё потеряно, чего нет, но чему цену знаешь!.. Кстати, Алекс, я вижу у вас очень плохое настроение. Вы тщательно скрываете это, но от меня скрыть ничего невозможно! Что случилось?

– Что ж… Я только что был у себя на даче и пошёл в лес, который растёт за лугом. Реки у нас там нет, и этот лес – единственное, что приковывает меня к этому месту. Ещё в детстве родители брали меня в те места. Там чудесный луг, и был этот многошумный дубовый лес, от которого успокаивалось моё сердце. Дубы в обхват шумели в этом лесу. Я думал, что это заповедный лес, и его не коснётся ничья рука. Такого просто не могло быть. И вдруг я увидел там пеньки. Хищники нагло и грубо спилили кучу деревьев, брали одни вековые славянские дубы, каких нет нигде в округе. Ужасное зрелище! Я считал круги на уродливых грубых спилах, у одного самого огромного пня я досчитал до ста сорока лет, но потом сбился! Я увидел это, и понял, что здесь бессчётное число раз распилили меня, мой род, мою память! Господи, думал я, если ты есть, убей тех, кто это задумал и сделал! Нажива толкнула нечистые руки к позорному действу! Чтоб они все сдохли! Как мне понять брата моего по крови, если он изводит мой лес?

– Никак! В чем же проблема? – сказал Гитболан, – мы только что говорили о священных дубах – священных деревьях славян. Если есть люди, которые за деньги покушаются на такую рощу, то это не люди, и стоимость их жизни ничтожна. Свои, чужие здесь это не имеет значения! Они все чужие! Это просто преступники и жлобы! Так ты говоришь правду, что хотел бы, чтобы все, виновные в этом, умерли, или горячишься? Среди предприимчивых хозяев и вправду есть и славяне…

– Это уже не славяне! Убей их!

– Хорошо! Кропоткин! Слышал?

– Шеф, можно я их распилю? Умоляю, дозвольте!

– Делай всё, что хочешь! А ты, Алекс не огорчайся, все, кто коснётся к твоей роще в Орлово, или уже коснулся, будут убиты! Да свершится справедливость! Ах, жлобы Сблызнова! Ах, подлое отродье! И ведь всех в школу десять лет гоняли, добру и справедливости пытались выдрессировать! Нет на вас укорота, кроме моей длани! Всё, о чём ты просишь, свершится!

– Благодарю вас! – сказал нахмуренный Лихтенвальд.

При встрече, внезапно среди присутствующих произошло какое-то движение.

Гитволан, не поднимая глаз от бумаги, вдруг разозлившийся чем-то не в шутку, впервые заорал глухим, но чрезвычайно громким голосом:

– Шоу продолжается! Сейчас будет нежданный для нас и малоприятный гость! Уж, не за нами ли опять пришли? Не за нами ли?

– За нами, как пить дать, за нами! Ох, чуить моя головушка! – захорохорился Нерон.

– Принять! Напоить чайком без сахара!

– Так точно! – послышался ответ из ванной комнаты, где слышались дикие казацкие песни и непрекращающийся плеск воды. – А потом?

– Сам знаешь, что потом! Ромом не поить! Выслушать, с чем пришли! – внезапно и громогласно объявил Гитболан, кривя бандитский рот, – Народная Воля, прими его со всеми подобающими такого рода типу почестями! А там расстрелять, если что! Действуй по обстоятельствам!

Не успел Гитволан распорядиться, как в прихожей задребезжал настойчивый звонок.

Народоволец заглянул в глазок. Он увидел гигантское искажённое ухо и странного дёрганого типа с бегающими глазами, прильнувшего к двери, а потом отхлынувшего от неё.

– За нами! – сказал Кропот и потёр руки.

– Арестовывать? – угрожающе спросил Нерон, поднося руки к щекам. – Ай-яй-яй! Час от часу не легче!

– Сейчас ещё посмотрю! Не думаю! У арестов слишком специфический привкус, чтобы я его не почувствовал! Не думаю, что арестовывать! Тогда кто это?

– Сейчас посмотрю! – лениво ответил Нерон и, поднявшись на носки, снова посмотрел в глазок, но уха не узрел, а увидел преувеличенный волосатый нос вертлявого человека.

– Что угодно? Кто? – как можно вежливее, но гундосо осведомился комедиант и продолжал упорно разглядывать визитёра в глазок. – Мы никого не приглашали!

– Э – э! Как вы знаете, сейчас в Сан Репе, – начал хорошо выдрессированным, но плохо поставленным голосом новоявленный визитёр, – проходит, так сказать, э-э-э, перепись населения. Я должен вас опросить, в общем-то! Мелкие вопросики! В смысле… гм… вы должны знать, э – э, можно мне. Сказал и преувеличенным глазом подморгнул глазку, ищя у него одобрения.

– Можно, только не на пол! – довольно невежливо отреагировал арийский нахал, – здесь только что убрали!

Отвлёкшись на секунду от разговоров с визитёром, Нерон доложил.

– Мессир, странный тип, явившийся к нам, не заблудился в пустыне и не хочет воды. Он пришёл нас… гм… переписать… всего лишь. Настаивает! Дело государственной важности! Есть шанс войти в историю, по крайней мере так ими обещано! Граждан переписывают! Хотя… знаю я их историю! Впустить? – спросил, отворотив морду от двери, Нерон, потом шёпотом добавил:

– Позвольте мне повесить его на мясном крюке! Умоляю!

– Умоляю-умоляю! Гуманист! Отпетый гуманист! – улыбнулся Гитболан.

– В историю мы и так влипли, и уже несколько раз! Пожалуй – принять! Я люблю развлечения! Ты, Нерон, должен быть великим спецом по переписям, сам, небось, их в Риме каждый день устраивал, рабы должны быть пересчитаны! Но у меня нет прописки! А что за человек без прописки? Какой ужас, мой друг! Времена скурвились! Век сошёл с ума! Ось земли треснула! О людях я уже не говорю! Иосиф сам ходил переписываться в Бетлех и даже пикнуть не смел, чтобы отказаться от этой унизительной для каждого нормального человека процедуры. Теперь спустя века бездарные выродившиеся потомки римлян бегают по домам и пристают к гражданам с пустыми вопросами, цель которых выяснить степень лояльности бедняков к свому нечеловеческому гисюдарствию. Разумеется – бедняки, как бараны, примут их в своих домах, и будут блеять… Бе-е-е-е! Бе-е-е-е-е-е! – резюмировал Гитболан.

– Но наврут в три короба. Сдаётся мне, что не просто так к нам ходоки, и этот тип подослан к нам, не столько нас переписывать, сколько за нами шпионить, – вставил Народоволец скрипучим голосом, – Шеф! Позвольте оторвать ему голову? Умоляю!

Его предположение сочли весомым.

– Я знал это ещё загодя, выслушать, а там решим, что с ним делать, с нераскаявшимся соглядатаем! Мытари, соглядатаи, чиновники и сутенёры – кого только нет?! Впустить, напоить чайком! – задумчиво приказал Гитболан. – А потом расстрелять, как это у них принято! Принимать его в …да, ты всё знаешь, Нерон! В другой комнате! Я отдыхаю и не в форме! На все вопросы ответишь сам! Не переусердствуй! Кто бы мог подумать, что римскому императору придётся отвечать на вопросы народного осведомителя, которому нет до этого дела! Запускай петарду, я отдыхаю!

Дверь в комнату отдыхающего неслышно затворилась.

– Он ударник или стукач? – вопросила Народная Воля.

– И то, и другое, и третье!

– Самсон-многостаночник? Саул-многогаремник?

– Да! Да! Да! Ярмо супружеского долга сломало его на взлёте..

– Если вынесу это, уеду на северный полюс, в монастырь Евбла и Пуупы. Уеду в канун девяностой годовщины Октября. Уеду. На деревню. К деду. Открывай, чёрт, не томи!

Кропоткин косолапо, на носках улепетнул в комнату.

Нерон открыл дверь и впустил долгожданного гостя. Император осклабился, пытаясь выжать из себя радость. Пока ходок топтался в прихожей, разоблачался, о чём-то непрерывно болтая, и залезал в гигантские, невесть откуда взявшиеся, клетчатые тапки, Нерон рассматривал его в упор сквозь разбитый немецкий монокль, и скалил негритянские зубы.

Рассматривать было что. Перед Нероном стоял классический репейский человек среднего возраста, с шишкой на лбу, седоватый, действительно стукаческого вида и явно таких же наклонностей. Радостный, что его кто-то пустил в квартиру, он всё время болтал языком, так что Нерон вынужден был даже дважды перебить его. Глаза посетителя бегали, как мыши по чужому амбару.

– Нам сюда! Прошу! – сказал римский злодей, – и указал на дверь комнаты, где не было Гитболана. Дверь в комнату сама собой широко растворилась и пропустила удивлённого визитёра.

Усевшись за громадный чёрный стол и сложив пухлые, изъеденные проказой руки перед собой, Нерон произнёс сакраментальную, загодя заготовленную им фразу: «Ну-с, слюшаю вас, дорогой товарищ! Какие, такие вопросики вы хотели-таки нам задать, голубчик? Дело переписи – святое дело, а всякое святое дело не терпит отлагательств, и должно быть совершено в первую очередь, не правда ли? Впишемся в историю, мягко говоря! Я правильно говорю, дорогой?

Переписчик мялся, пытаясь вернуть клиента к его предназначению. Этот странный толстяк не нравился ему и почему-то называл мытарем.

– Мне рассказал, как он сражался с вашим братом, мытарями Я очень хохотал! Предвидя римскую перепись и чувствуя себя ануреем в стане врагов, пытающихся его заставить проявить лояльность, мой приятель, пострадавший от реформ, решил категорически никакого участия в ихней переписи не принимать и все попытки переписать его пресечь в зародыше.

«Я сам вас перепишу всех!», – сказал он сам себе. – Прежде, чем меня писать будете, научитесь уважать мои интересы!»

Но сама возможность того, что его будут отвлекать от своих дел звонками неприятные ему, выводила из себя.

Он взял самый толстый фломастер, какой смог отыскать и каллиграфическим почерком написал краткую записку. Потом повесил её на дверь. Записка на дверях была краткой и понятной для всех мало-мальски образованных граждан: «Уважаемые господа переписчики! НЕ звонить! Идите к Ё. М!!!».

«Я надеюсь и почти уверен, что добрые люди из комиссии, лично не знакомые с Ё.М., быстро нашли её и даже переговорили с ней по душам», – удовлетворённо заметил он про себя.

Правда, плакатик быстро сорвали.

В один прекрасный день является переписчик и сквозь дверь говорит строго: «Впустите! Надо вас переписать!»

А мой приятель и говорит: «Иди-ка ты, брат, откедова пришёл! Не хочу!»

Тот ушёл, а мой приятель уже стал полагать, что его оставят-таки в покое. Не тут-то было!

На второй раз переписчик явился через три дня и говорит сквозь дверь: «Первый раз я приходил, то был пробный раз! А теперь основной, вы меня впустите?

– Нет! – говорю, – Ваше государство, на котором пробы уже не поставить, здесь – ни ногой! Прочь! Не впущу ни за какие коврижки! Иди туда, откуда пришёл!

– Почему? – изогнувшись змием, говорит ко всему готовый переписчик.

– Что почему?

– Почему вы не хотите меня впустить?

– Из принципа!

– Но ведь городу тогда не додадут государственных субвенций, ведь вас как бы не будет, денег у города будет меньше!..

Он так ратовал за город, что я чуть не заплакал от умиления.

– Насрать, что меньше! Я вам говорю: ну, если я вас не впустил на пробный раз, то в основной раз тем более не впущу! Ясно? Это дело принципа! Какие могут быть, как вы говорите, субвенции у государства, которое не знает слова «Внутренний долг»? Вы о чём? Ваше рассуждение – это бред наяву! До свидания! Желаю вам успехов! И не приходите больше, пожалуйста, ко мне никогда!

Мой приятель попрощался с ним, а сам думал – он теперь будет тут шляться под моими дверями, как испанский гранд под балконом своей донны, бить перстами по струнам и клянчить моей подписи, все уши пробьёт песнями! Катитесь вы все колбасой, уроды! Романсеро!

И, правда.

Мытарь появился ещё раз, такой же липкий, как и раньше, но мой приятель просто захлопнул перед ним дверь и разговаривать не стал. Вот какая притча. Я думаю, что переписчиками были всего лишь несколько категорий граждан: отчаявшиеся безработные, студенты отфонарного факультета, добровольные и платные помощники спецслужб, посланные помочь своему государству и родители преуспевших при новом строе и потому растекающихся от благодарности детишек. Слюни благодарности. К последней категории и принадлежал этот мытарь, правда, может быть, он и подзаработать захотел. Они все хотят иметь вид бессребреников и ощущать шелест в кармане. Сударь, а вы к какой категории принадлежите? Как вы думаете, ну что обнаружит ваша беканая перепись? Не знаете? А я и без переписи скажу: миллионов пять бездомных, погибающих людей, тридцать семь миллионов нищих и голодных. Сытые свиньи наверху. Тлен и запустенье вокруг! Вот и всё, что она может обнаружить! И вы всё это тут же потихому засекретите! Кстати, а как вы относитесь к историям? Вы верите в судьбу? Впрочем, уже поздно!..

Стараясь не слушать явный бред опрашиваемого, переписчик поймал себя на мысли, что этот мерзкий хвастун и ниспровергатель совершенно непереносим.

«У тебя свои взгляды, у меня – свои!» – решил он про себя, – Я родине служу, какая бы она ни была!

– …Я знавал одного стойкого христианина, – продолжил признаваться в грехах Нерон, – Он зрительно был похож на вас, но отличался от вас в лучшую сторону интеллектуально! Да-с! Именно так-с! Он знал заветное слово «Демиург», которое почище ваших «субвенций» и на пасху натирал яйца луком, причём все, какие имелись в доме!.. Вы слушаете?

Сказав это, Нерон с преувеличенным вниманием наклонил вихрастую голову набок и пристально вперился в переносицу озабоченного посетителя.

«Больной, – решил про себя переписчик, – надо претерпеть. Считать до пятидесяти! Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Двенадцать! Сорок три!..».

И вынул какой-то уродский убитый пластмассовый чемоданчик. Выложил на стол синий фонарь и детский свисток и долго выкапывал из него ручку и кучу листков, бормоча заклинания.

– Это что? – спросил Нерон, вставляя в глаз треснутый в битве при Гастингсе монокль и указывая на фонарь, – Вы киник? Людей ищите? Днём? Живёте не в бочке? Хорошо! Сейчас здесь многие ваши земляки в бочках живут! Да-с, в бочках и на помойках! Не из философских соображений, а просто жить им негде! Я всегда знал, гражданином какой сраны являюсь! Плакать хотца!

Тот не понял. За семьдесят штук переписываемых он должен был получить пять тысяч имперских гренцыпулеров. Не до разговоров!

Видя, с каким брезгливым любопытством странный опрашиваемый в битом монокле уставился в бумаги, писец перешёл к стрёмному делу.

– Скажите, вы гражданин Великой Сан Репы?

Нерон даже подскочил на стуле от неожиданности:

– Я? Вы ко мне обращаетесь? Да ни в жисть я не был гражданином, как вы изволили выразиться, Сан.. чего-то не хочу и никогда не буду! Бр-р! Ведите на расстрел – не буду! Я был когда-то гражданином Древнего Рима, и причём не из самых последних, а теперь я… как бы это вам сказать попонятней… гражданин Мира. Будучи природным гражданином Рима, претендовать на гражданство всяких Реп я не намерен, стар я уже для этого! Да-с!..

Нерон вставил при этом ситекло от монокля в глаз и подбоченился, в результате чего стал похож на фельдмаршала Кейтеля, занятого рассматриванием фронтовых карт.

– ..Я вообще-то признаю только великие империи, честно говоря, ибо в их успехах и победах, да-с, собственно говоря, и концентрируется превосходство народа! А карликовые

республики и мизерные империи меня, честно говоря, не очень интересуют! Да-с! Если вы распадаетесь, гниёте, ноете, если вы бессильны и не уважаете, так получилось, сами себя, то кто же ещё может вас зауважать? Хе! Я никогда не уважал христиан, потому что они не были способны ни на что, кроме ничегонеделанья и говорильни, скажи им, что нужно подлатать акведук, они бы ни черта не сделали, скорее всего, испортили бы всё! Такой это был пустой и никчёмный народец, скажу я вам! Ой-ёй-ёй! Это были закомплексованные ничтожества, недаром они света белого боялись и прятались от людей по подвалам! Таинства? Какие там таинства? Тьфу! Выеденного яйца не стоили их таинства! Прошедшие века, уйма потерянного впустую времени не изменили моего мнения по этому вопросу! А недавно я случайно залетел в одну христианскую церковь, и что же я увидел? Ничего! Здесь и теперь они такие же бездари и болтуны, как тогда! А я бы ещё добавил – и жулики! Торговцы старушечьими страхами! На пятаках старушечьих рай строят-с! Да-с! На пятаках! Так что ничего не изменилось, дорогуша!

Государственный мытарь слушал чужое безумие, широко раскрыв глаза. Ему этот разговор тоже начинал уже надоедать. Надо было обойти довольно много квартир, а тут какие-то вредительские разговорчики…

– Как? – опешил он, – Но вы же здесь живёте? Хлеб едите! Православный небось… Вы крещёный? А говорите такое! Нехорошо! Вы действительно не гражданин?

Сказал-то он сказал, а подумал, что семьдесят гренцыпулеров за опрос этого нахала и ублюдка – ему не помешают. Деньги не пахнут.

Нерон скорчил такую рожу, что рот его оказался на затылке. Его поросячьи глазки с розовыми веками быстро замигали и забегали. Он понял, что сказал какую-то явную крамолу, но менять мнения перед этим товарищем не хотелось.

– Я вам одну историю расскажу, товарищ, можно? – застенчиво спросил Нерон

– Можно! – отважно ответил мытарь.

– Итак… В тридцатые годы прошлого столетия одна хорошая дородная женщина, жившая в крайне престижном доме на Красиопоповской набережной и имевшая высокопоставленного мужа-рогоносца в Патарстоуне, поехала к себе на этаж на лифте и застряла в нём. Она стала стучать чем могла, но никто не являлся на вызов.

Была середина дня, лето… Просидев в лифте несколько часов, женщина не выдержала и стала буянить и проклинать домоуправление и технические службы.

– И каковы же были результаты такого демарша? – из вежливости осведомился мытарь Никита.

– На её клики приехал чёрный воронок! Два каких-то типа разбили двери лифта и увезли её в неизвестном направлении. Впрочем, домоуправ и технические службы вскорости тоже все исчезли, как будто их не бывало в природе…

– К чему это вы рассказываете?

– Да так, приспичило! Позвольте на секундочку откланяться! Отлить-с по полной программе-с!

Затянув романс «Мы все верны тебе, природа», Нерон выскочил из-за стола, выскочил за дверь, но побежал не в сортир, как говорил, а к Гитболану. Они долго о чём-то шушукались, а потом Нерон вернулся, удовлетворённый.

– Грыжданин… Харистианин… Важно ли это всё? В былые времена я этих христиан в перья и смолу и… Знаете, как они шустро бегали, когда их поджигали? Я помню, одного нарядили рыбой, тогда ведь не было ещё никакого Христа, и господа христиане верили в рыбу, о чём это я? Так он… Это в смысле, что если приписан властями к какой-нибудь официальной церкви с обязательным посещением воскресных молитв и каляд, так уж и стулья ломать?.. – горячился Нерон, – Бр-р-р-р! Я знал одного человека в вашей стране, (он к сожалению давно умер, а был в высочайшей степени честный, порядочный и неиспорчен-

ный человек) в 1905 году он схлопотал неприятности в вашем Патерстоуне, когда перестал посещать обязательные воскресные волхвования в официальной церкви Святого Понтифекалийского Боза. Не стал посещать потому, что не знал места более противного Богу, чем церковь, и надо отдать ему должное, сам к этому пришёл, сам! И не только пришёл, а ещё имел волю и смелость сделать то, что решил, то есть наплевать на эти обязательные посещения. Его собственные глаза стали его учителями, а не чужие языки, честно говоря, я его чрезвычайно за это уважаю. У него была трудная и честная судьба! Поп, вы представляете, вы представляете, так дело не оставил и писал на него доносы в полицейское управление, мол, такой-то такого-то не пришёл туда-то, и в результате этого доброго человека уже считали не очень благонадёжным и вызывали в полицию, во как! Слуга бога практиковался в написании доносов – есть ли в мире дело более угодное богу? Как вы полагаете? А некоторые ваши граждане после этого ещё и удивляются, как же это революция-то случилась— приключилась в Великой Сан Репе. Ничего удивительного я в этом не вижу, удивительнее было бы, если бы её не было! – строго и наставительно сказал опрашиваемый и снова нагло уставился на посетителя.

– Что вы городите? – взвизгнул, не выдержав, мытарь, – Если вы были в здравом уме в 1905 году, то сколько вам лет сейчас, в 2027 году?

Соискатель похолодел. Ему вспомнились рассказы дедушки о тридцатых годах, и холодные антарктические чувства затопили его сердце.

А сам подумал: «Сумасшедший маньяк! Поляк какой-то! У него и выговор не здешний! Механический какой-то! Во дела! Такой и броситься может! Что делать? Что делать?».

– Мне – одна тысяча девятьсот шестьдесят девять лет! Продолжил Нерон, – Я из семьи долгожителей. Моей матушке, которую я утопил на специальной триере, сделанной величайшими мастерами корабельного искусства, перед смертью никто бы не дал сорока восьми лет – она выглядела как старуха! Спала до полудня, спортом не занималась – и вот результат! Она и подумать не могла, что это я устроил ей катастрофу. Когда посудина по моей команде пошла на дно, она не сдалась, молодчина, умудрилась проплыть полкилометра в бурном море, хотя ни черта не умела плавать, совершила настоящий подвиг – выбралась-таки на скалистый берег и даже прибежала ко мне в одних подштаниках жаловаться на своих обидчиков, полагая, что я им отмщу. Правильно сделала! Я аплодировал её великолепному плаванию! А её обидчикам я тоже отмстил! Пришлось её прирезать фруктовым ножичком! Распятия вдоль всего берега Калабрии создавали изумительный вид, я помню своё волнение, свой трепет при виде этой картины! Я ходил по берегу и пел под этими распятиями. Как соловей! Я, если вам угодно, был неплохим певцом, и даже срывал по молодости овации. Мой триумф в Греции только потому не стал классикой, и его не проходят в учебниках для средней школы, что тогда не было кино и телевидения! Вот и всё! Хотите, спою!

– Не надо! Спасибо! – ответил писарь, передёргиваясь и рассуждая сам с собой: «Он ещё и убийца к тому же. Мать утопил, громодзянин!».

– Хорошо! Я вижу, молодой человек, вам кабан на ухо наступил и с тех пор… Да, сегодня меня что-то тянет на трогательные домашние воспоминания, это не к добру я полагаю, не к добру! Вообще раньше люди были много более чуткими к высоким искусствам. Когда я имел изумительную беседу с Данте Альгуэри, дай бог памяти, в году…

Переписчик откинулся на спинку кресла, выпучил глаза и вспотел.

«Семейка сумасшедших сексуальных маньяков. Тчк. Так и Чикатило работал. Тчк. Утром съест крутое яйцо и в бухгалтерию спешит, вечером девиц препарирует заживо! Тчк. О господи! Тчк. В другой комнате сидит ещё один. Тчк. Шпага в руках, а на голове чёрная шапочка с металлической штучкой на лбу! Тчк. Усики, как у этого вражины! Тчк. Психи! Тчк. Банда маньяков – гомосексуалистов. Тчк. Видел сквозь щелку. Тчк. Приехали с Востока взрывать дома. Тчк. Сейчас каждый третий потенциальный педофил. Тчк. Матушку утопил.

Тчк. На триере. Тчк. Ножичком фруктовым! Тчк. Распятия вдоль берега! Тчк. Господи помилуй! Тчк. Нас всё время предупреждают, а мы не слушаем. Тчк. В церковь христову не ходим! Тчк. Уши всем пробили! Тчк. Телефон доверия есть, хоть бы кто звякнул. Тчк. О господи! Тчк. Если живым уйду, клянусь девой Марией – вмиг позвоню сразу же по горячей линии, по которой надо докладывать о готовящихся терактах, сейчас же, телефон был в газете…» – мысли, как стая птиц, прошумели в его голове и унеслись в заросли, – Тчк. Тчк. Тчк. Тчк.»

– Так вот, к тому времени Данте был всюду изгнан, его никто не признавал, его изумительная по форме «Комедия» была предметом насмешек светских невежд, а у него не хватало выдержки, чтобы не отвечать на выпады провокаторов.

Именно об этом времени своей жизни он сказал: «Горек чужой хлеб и круты ступени чужих лестниц!»

Он ругался с бабками на рынке, посмевшими при нём похвалить Гвельфов, ругался с благоволившими к нему аристократами, ругался со мной, у меня вышел с ним неприятный спор, в результате которого он тоже вышел из себя, и мы распрощались очень холодно. Очень неприятный был тип в личном общении, очень! Хромой, нервный, желчный. По-моему он даже был рябоват! Потеря почвы под ногами испортила его здоровье и обострила его мстительные инстинкты и восприимчивость! Единственное, что я не понимал, так это его религиозный фанатизм при весьма живом и развитом уме! Вероятно, он понимал это. Когда я высказал ему свою мысль, он вспылил и в сердцах послал меня к чёрту, что мне было и нужно! Где он жил, где был прописан, вы можете сказать?..

Переписчик молчал, как рыба.

– …В мире? В космосе? Во вселенной своей непонятой и гениальной души? Где? Где он был прописан, по-вашему? Да! Где я живу – вопрос сложный, не будем его касаться! Было время, когда я был гражданином Рима и не особенно это ценил. Какой хлеб? У меня был дом длиной триста метров в самом центре Рима, и моя студия поворачивалась вслед за солнцем, да. Это выглядело совершенно изумительно! Мои чрезвычайно юные, но более чем талантливые ученицы целый день плавали в моём бассейне, ожидая меня, ох-ма! Это была жизнь! А что теперь? Стояние в вашем собесе по четыре часа и пенсия, на которую можно купить три глазированных сырка? Что вы мне дадите, если я буду вашим гражданином?

Мытарь ответил вопросом на вопрос.

– Ваше социальное положение?

– Я не понял!

– А также основные источники дохода? – бодрым голосом начал собеседование. – Ваша должность?

– Гауляйтер!

– Что? Простите, что?

– Что слышал, отец! – сказал Нерон и отвёл невинные поросячьи зенки в сторону.

– Давайте серьёзно, товарищ! Давайте серьёзно! – попытался призвать к порядку нахала строгий переписчик и вспотел – на стене, куда он сейчас взглянул, висела картина, какой не было ещё минуту назад и на ней была изображена дебелая голая баба, которая ему подмигивала блудливым глазом. Он стал тереть глаза пальцами, а когда открыл глаза снова, не было и намёка на скабрёзную картину, а висел парадный портрет усатого немецкого вождя с проницательным и наглым взором. Руки в боки! Весь – порыв!

Бидонов протёр глаза и вздохнул с облегчением – стена была пуста.

Стараясь больше не глядеть на это место, мытарь Бидонов продолжил допрос. Нерон отвечал ему.

– Ну ладно, колюсь перед такой настойчивостью и поистине детской любознательностью. Итак, перед вами Бывший император Рима, Нерон Первый Божественный, что, правда

не все признают из-за постоянных наветов и клеветы моих завистников, Цезарь! Прошу любить и жаловать!

«Псих! Во, попал! Где баллончик? Свистеть в свисток, если что!» – подумал переписчик, а по совместительству добровольный осведомитель известных всем органов Никита Ильич Бидонов, припоминая рекомендации, данные ему в переписной комиссии.

– Ну, так я вас не и держу вовсе! – наконец сказал внезапно посерьёзневший диверсант, а по совместительству император, гауляйтер и фашист – Гай Юлий Нерон.

Пугливо взглянув на стену, Никита снова узрел там портрет, только другой, но так же в упор взирающий на зрителя пронзительными глазами.

Бледный, с начавшими разбегаться мыслями, Никита стал раскланиваться и говорить нечто вроде комплиментов мерзкому фашисту-гауляйтеру, мол, какая хорошая квартира и т. д.

– Да! – сказал Нерон, – жаль, не моя!

– Как не ваша? – опешил переписчик, а сам подумал: «Сейчас же, быстро в будку, звонить… Ананию Петровичу… трезвонить, будоражить, будировать, мать вашу!

– Не моя, и всё тут! Квартира занята силой, хозяин выселен и пребывает теперь на свалке, где собирает медные провода и бросовый алюминиевый лом! Бомжует, между нами говоря! Это по секрету, только вам! И не надо никому звонить, мил-челаэк! – вдруг примирительно сказал Нерон и раскрыл зловонную пасть, для того, чтобы солгать, – не надо, говорю, звонить никому, язык отвалится да и вообще… И будоражить никого не надобно! А будировать – тем более не советую! Главное ведь – не будировать, а живым после остаться! Понял? Нет, ты слушай! Ты всё понял? Ну, ступай! И слова такие забудь навсегда, грызло! Бу-ди-ро-вать! Поте-ци-аль-ный! Научили! Что это такое? Никогда ни на кого не стучи, не то помрёшь не своей смертью! Данта я простил только потому, что он хоть и великий негодник был, но несомненный гений, а тебя, если что, я не прощу и не пощажу! Иди! Привет семье!

И потряс кулаками для убедительности.

Предупреждённый об ответственности, Никита Бидонов попятился и нырнул в абсолютно чёрный коридор. Он был в совершенно смятённых чувствах. С отвращением скидывая чужие клоунские тапки и с лёту ввинчиваясь в свои туфли, он уже не думал ни о чём. Потом, провожаемый внешне предупредительным, а на деле поганым, взглядом этого шустрилы, выскочил на площадку.

Дверь захлопнулась за ним с диким грохотом и за ней раздался громоподобный взрыв хохота, причём сразу в несколько голосов. Кажется, к хору сразу присоединился и визгливый бабий голос. Или – два?

В мановение ока скатился вниз товарищ Бидонов, дверь открыл ногой.

Да, не послушался Злодея самонадеянный переписчик Никита Бидонов, не стал заглядывать в другие квартиры, через две ступени сбежал вниз, свернул в арку, забежал в первую же попавшуюся на его пути обделанную со всех сторон будку и обломался – выдрана была трубка с мясом и отделена от проводов. Матерно выругался Никита и бросился – к другой будке. Тут трубка была. Но не было будки и телефонного аппарата – разломала их бешеная местная шпана на мелкие детали – не найти. Попутно разыскивая в убитом портфеле записную книжку с адресами нужных людей, Никита Бидонов искал целый телефон. Когда он рылся в своём портфеле, на глаза ему попались переписные бланки, заполненные рыжим террористом, а ведь как тщательно заполнял, подлец, на ручку дул, проверить просил – не было ничего на них, ни одной буковки! А это что? Не сразу понял Никита, что перед ним был миниатюрный ритуальный фаллос из чёрного африканского гранита – подарок этого подонка. Это что же такое? – заголосил беззвучно, жахнул фаллосом в стену и ворвался в третью будку, где по счастью трубка была цела. И только снял Никита Бидонов

трубку и изготовился звонить в вышестоящие инстанции, как трубка сама выплюнула ему в ухо мерзопакостнейшим голосом: «Никуда, сука, не ходи, плохо будет, сука, тук-тук».

И загудела.

Трясущимися руками, уже слабо соображая что-либо, но всем своим существом ощущая растущую до небес опасность, Никита Бидонов презрел угрозу, набрал-таки заветный номер, подождал ответа и скоро услышал солидный мужской голос, явно голос выспавшегося человека в галстуке, при исполнении; и только хотел приступить к своим излияниям, только хотел выплеснуть всё накопившееся в его мозгу в последние двадцать минут, как из трубки молнией вылетела маленькая гибкая серебряная змейка, и, сверкнув в отсвете фонаря провалилась в рот мытаря.

Она ужалила его острыми своими зубками в язык и горло.

И чувствуя, как перехватило сердце и уходит душа, бедный Никита сначала медленно опустил трубку, другой рукой нелепо царапнул стекло, потом тихо осел, закатывая глаза к потолку, и навсегда заснул, уютно расположившись головой на своём пластмассовом портфельчике с пустыми и теперь уже никому не нужными переписными бумажками.

«Фонарь не нужен!» – пронеслось прощально в голове, – За всё спаси… Реагируют ли рыбы на жидкость Новикова, он так и не узнал, точно так же, как о влиянии пантокрина и меновазина на водоплавающих.

Мытарь был застрахован на сто рублей, а так и умирать за своё государство приятно.

– Кто это? – спрашивала меж тем проснувшаяся трубка, – Где вы?..

Глава 5. Имени Кирилла и Мефодия

Алекс Лихтенвальд, выпроводив столь неприятного типа, оживился:

– Считаемся, кому бежать за бутылкой! У меня есть новая считалочка: «Я – Кирилл, а ты – Мефодий! Я – насрал, а ты – ворочай!» Нерон! Бежать – вам!

Нерон оскорбился таким откровенным запанибратством:

– Это не ты выдумал! Алекс! Умелец ты присваивать чужие перлы! Это Борис сочинил! Хороший летний вечер! Вы гуляли у церкви, он выдал фразу, и вы хохотали над ней до упаду. Зуб даю на отсечение!

– Согласен! Это не моё! Но я должен донести этот перл до сведения народа.

– Вот то-то же! Не пойду! Пить – здоровью вредить!

– Какая разница: ты спьёшься, попадёшь под машину, кончишь дни в приюте для стариков или твоим более жизнеспособным врагам положит конец гибнущее в агонии солнце? Какая разница? – изрёк Кропоткин.

– Большая! Хотя кто знает будущее? И всё же, я хотел бы увидеть будущее! Я полагаю, вы всё знаете, но…

– Я! Знаю! – сказал Гитболан, – Ты хочешь увидеть будущее? Нет ничего проще! Надо посмотреть сюда!

В его руках завертелся сначала маленький, потом размером не меньше футбольного, мяч. Освещённый изнутри мягким светом, он медленно вращался вокруг своей оси, и внутри меркли и вспыхивали какие-то картинки.

– Миру осталось существовать двести семьдесят шесть лет! Что касается государства Сан Репа, то тут ничем утешить не могу – ей осталось существовать всего лишь двадцать два дня, шесть часов, семнадцать минут, тридцать три секунды!

После этого Алекс, замолчавший минут на пять, вдруг что-то вспомнил.

Гитболан снова указал на сверкающий хрустальный шар, который при его словах ещё более вырос и замутился. По шару прошли искры. Гитболан смотрел не на шар, а на Алекса.

– Так-с, это прошлое, неинтересно! Это – сегодня! А! Вот-вот! Что ты видишь?

– Огонь! Кром горит! От него бегут какие-то незнакомые люди. Чёрт! Копоть какая-то! Плохо видно! Потом кто-то марширует, новые знамёна, а вот это – просто класс! Ха-ха-ха!

– Ну и что же ты там увидел на сей раз, мой друг? – Гитболан иронически улыбнулся. Что тебя так рассмешило?

– Не скажу! Но очень смешно! Это связано с одним потешным персонажем, пребывающим ныне на верхотурке поп-культурки! Ха-ха-ха! Не чаял его увидеть в такой роли! Ба, какой конец! Это вы выдумали?

– Что? Ладно. Потом как-нибудь расскажешь!

– Никогда! Сам всю жизнь буду смеяться!

Выйдя на лестничную клетку, Нерон предупредительно приложил к драной фуражке руку. Мимо Гитболана вниз по лестнице, топая, пробежал старичок с вечно сардоническими глазами. Он недоверчиво зыркнул в сторону Нерона и искрой помчался по лестнице вниз.

– Как фунтом одарил! Пенсионер – карбонарий! Он мочится в мусоропровод во всех многоквартирных домах, в какие его заносит злодейка судьба! А носит она его повсюду! Сейчас начнёт! Внимание! Слушаем сонату «Струя», в сопровождении капеллы спущенных штанов! Дирижёр Герберт фон Караян. Он опять пьян, как на опере Вагнера в тридцать шестом году! Эх, жаль, Анька померла! Она бы классно объявила! – сказал Гитболан.

– Какая Анька? – заинтересовался Кропоткин, прищуриваясь.

– Чехова! Красавица! Странно, до какой степени время властно над красотой! Шпионочка моя белокурая! Германская лилия! Стукачка семидесяти семи разведок. Меня хотела убить! Вы представляете? Какая красота!

– Внимание! Внимание! Говорит Германия! И всё таки… Откуда вы знаете, что он сейчас напрудит… в люк? – спросил Нерон, краснея.

– Вы что, не видите? У него в глазах написано! Он это со вчерашнего дня вынашивал! Стремительно так пробежал… Как дозорный в «Гамлете». Зыркнул… В валенках… А ещё эта авоська… Ох уж эти комсомольцы – добровольцы! Горячие сердца, потные руки, заячьи ноги! И главное, он на ходу уже расстёгивал ширинку! Дедукция! Нет, он не сумеет сдержать свои отрицательные по отношению к этому государству эмоции и, несомненно, помочится в мусоропровод. Вот увидите! Беру пари! И без астролябии понятно! Комсомьольцы, добрёвольци… – запел, довольный Кропоткин,

И действительно, старческое шварканье на минуту стихло, но не прошло и минуты, за углом лестничного пролёта раздалось громкое характерное дребезжание, какое издаёт струя мочи, летящая и бьющаяся в стенки ржавого мусоропровода.

– Да! – сказал Нерон, – Да! Нет слов! Вы пророк! Моё сердце опалено вашим глаголом! Я тащусь без морфина! Здесь часом и женщины мочатся в мусоропроводы? Покажите – как?

– Мочатся, но только отчасти! – стыдливо сказал Гитболан, – женщины сейчас специализируются на кромешном мате! У мужчин не выходит такой забористый мат, как у подавляющего большинства здешних женщин! Они здесь все жилистые и наглые, как воробьи на рынке!

– Как? – вопросил Нерон, – Эти цветы рода человеческого? Эти жемчужины цивилизации? Эти кошечки альковов и гаремов? Как это у них получается? Я не верю! О времена! О нравы! Пошли! Алекс, закрывай покрепче дверь! И не подпускай к своему пианино старушек, возжаждавших попить!

Алекс не стал рассказывать про каждодневные городские праздники с мусором по колено, фейерверком, пьяными криками, залитыми мочой подвалами и арками, заблёванными подъездами, девками, бросающимися к любой машине с открытой всем ветрам душой. С поливальными аппаратами, с рёвом проносящимися по предрассветным улицам города. Сметающими струями праздношатающихся граждан. Он не счёл нужным рассказывать. Мелкие разговоры. Даже от воспоминаний о подобных празднествах ему всегда становилось нехорошо.

– Не горюй, Алекс! Желудок газами не проймёшь! – напоследок сказал Нерон.

На этом разговор Алекса с визитёром завершился. Гитболан вернулся к прозе дня, заверил Алекса, что он посетит его в дальнейшем, и не один, ещё раз, и вместе со своими спутниками растворился в воздухе, как будто его и не бывало.

Глава 6. Ресторан «Прага»

Вечером того же дня отдельные прохожие могли отчётливо видеть, как та же компания высадилась из чёрной машины вблизи лучшей в городе гостиницы «Прага», проследовали в фойе и. после несложных процедур, сняла 66-й номер люкс из трёх комнат на шестом этаже. При оформлении выяснилось, что бойко говоривший на местном языке на Старомосковской дороге, гость, оказался иностранцем, ни черта не понимавшим по сан-реповски. То есть теперь, в фойе гостиницы он болтал какие-то корявые фразы, мило коверкал слова на все лады, но связно сказать что-либо не мог. Ясно, что если мой земляк попадает с в серьёзную страну и говорит там на плохом английском, он вряд ли попадёт на приём к английской королеве. Но столь же ясно, что иностранец, занесённый в Сан Репу, навсегда потеряет уважение санреповца, если освоит язык санреп в совершенстве, и перестанет чем-либо отличаться от коренного жителя. Сан Репа – страна иностранцев и воистину только иностранцы являются её истинными хозяевами. Ох, Сан Репа! Кто тебя выдумал? Долетишь ли ты до середины Днепра? Нет ответа!

Иностранцы! Отчаянные негоцианты и свихнувшиеся туристы! Санрепские иностранцы! Дорогие мои! Родные! Учитесь санрепейному языку должным образом, познайте его в совершенстве, хоть собаку в нём съешьте, чёрт с вами, но никогда и никому ни за какие деньги не отдавайте свой несравненный саксонский акцент! Чем корявее он будет, тем лучше для вас! Если вы женщина, то акцент ещё сильнее оттенит ваши прелести, если таковые у вас есть!

Наш сомнительный и пронырливый иностранец явно решил следовать этому правилу. Его гоп-компания, вероятно подражая своему лидеру, обзавелась таким же дилетантским выговором и тоже шепелявила на все лады. Нерон прикидывался переводчиком и солидно передёргивал плечом, как затвором. Он то и дело поощрительно подмигивал удивлённой сотруднице, она что-то давно не сталкивалась с таким развесёлым контингентом.

Оказалось, что иностранец по имени Джон Кит Алимайна Сааведра Гундопиндоз в Сан Репе находится проездом с научными целями, изучает славянскую культуру и языческие корни частных христианских ересей. С ним в группе находятся его переводчик и секретарь. Ведя переговоры с заведующей, вихрастый толстяк умудрился откусить половину журнала, лежавшего здесь же на стойке, но жульнические фокусы ушлую бабу не тронули. Зелёная бумажка растопила железное её сердце гораздо быстрее. Затем гость уединился в номере, сидел там тихо часов до шести, а потом отправился, переодевшись в белый парадный костюм в близлежащий игорный дом, расцвеченный дикими компьютерными огнями и завлекательными вывесками непристойного характера. В зале было довольно много людей, и Гитболан с порога обвёл увлечённую публику прищуренным, пытливым взором. Так в революционной России великий В. И. Ленин осматривал вшивую публику с крыши ржавого броневика.

– Нерон, скажи мне, Нерон, что это за публика собирается здесь? Они не производят впечатления отчаявшихся бедняков, ответь мне, как эти люди составили своё состояние, которое теперь они столь ревностно просаживают в рулетку и Пепе, они разбогатели, я надеюсь, вполне честными путями?

Нерон же на прямой вопрос отвечать не стал, а понёс какую-то туманную нострадамусовскую ахинею:

– Причина торопливости такой – твоя измена. Из-под ног уходит, теряет грунт свою надёжность, крепость и рушится всё то, что было камнем. Всё рушится. Железо, ставши сталью, обращено в желе! Об этом говорить – травмировать болезненные раны, что политы поташем без того. Правленье горбунов и проходимцев, где всякий инородец – князь в короне! Какая гадость – эти инородцы! А что ты хочешь? Зыбко! Зябко! Сиро! Правление пигмеев

вороватых, плешивых горбунов, засилье мертвецов в цареньи – худших, упадок слабых, да, мой мозг плачевен. Завет кривых зеркал, где платно отраженье… Снеси их всех и жалости не знай!

– Ты этой песней грусть перетоскливил! – подмазался к Нерону Кропоткин, пытаясь доказать, что, да, и мы не лыком-с шиты, с Шекспиром знакомы, и кое-что мы знаем и без вас.

– Что вы мессир, они сами не знают источников своего богатства, грабёж на большой дороге – ничто в сравнении с путями приобретения их богатств. Никакой речи об изготовлении булавок и сооружении цветочных клумб на шляпах здесь нет! Не выращивают они и хлеб, многие из них полагают, что булки растут на кустах и древах. Они просто ловкие воры! Жлобы! Воровские нувориши – я могу их определить только так и никак иначе!

– Угу! Мне всё ясно! И что же, ни один из них никогда не задавался вопросом о смысле своей жизни? Не был измучен нечистой совестью? Не вспоминал в страшных снах ограбленных им?

– Что вы, мессир, все они спят очень хорошо, ручаюсь вам! Я сплю хуже! Я больше думаю об их грехах! Я всё больше и больше каюсь, и каждые пять минут наведываюсь к священнику в мокрых штанах!

Рыжий клоун состроил уморительную горестную рожу, сморщил рот гузкой, но глаз его горел сумасшедшим весельем.

– Ладно тебе, киник! Не юродствуй! Я буду наказывать юродствующих и сомневающихся, как это делал великий Франциск! Помнишь такого? Как он убеждал колеблющихся и склонял страждущих? О-о-о! Нет слов! Глумления над святынями христиан я не позволю! Никогда! Понял? Помнишь, как он рассмешил меня своими разговорами с птицами? Чудак!

– Конечно, помню! Вы славно тогда повеселились, выдавая себя то за кречета, то за жаворонка, я помню! Он принимал всё за чистую монету, пока вы не пукнули, как шахский верблюд и не расхохотались! Тогда он стал махать кулаками и проклинать всех подряд…

Тут Нерон увидел неподалёку от себя смазливую бабёшку и округлил глаза.

– Ну, начинается! – увидев это, сказал Кропоткин, – Сейчас клеить начнёт.

– У этой женщины так много стигматов на теле, что я останавливаюсь в нерешительности, куда податься, ох, миссис Мапл! – взорвался Нерон, не обращая никакого внимания на иронические замечания собрата, – Таких прецедентов ещё не было за всю мою грешную жизнь. Было по всякому, но так никогда, я влюблён! Уши вянут, щёки горят, руки дрожат, и я сам вяленый, как треска. Нет-нет, я знаю симптомы этой болезни. Я влюблён! Как я хочу жениться, хотя бы не надолго! Хотя бы на одну ночь. Но я не богат, чёрт подери! На какие шиши я буду вскармливать это оригинальное создание природы, холить эти изумительные стигматы, нежить эти штуковины? Это мне не по карману, чёрт возьми! Не дай бог, противоречия разорвут меня на части, не дай Бог! Жениться на женщине, считая её человеком, это пик моей жизни! Кроп, ты будешь шафером на нашей свадьбе?

– В кого ты влюблён, Нерон, в кого?

– О, это чудесное создание! Яркие, добрые глаза! Золотое сердце! Заботливые руки! Грудь амазонки! О-о-о! Я столкнулся с ней на перекрёстке между столами! Что она делает в этом злачном месте? Я уже ревную! Если бы я смог спросить, где она живёт, я бы точно с ней познакомился! А пока мы разошлись, как барки в океане! Но мы точно встретимся! Жди меня, Ассоль!

– Голубые глаза! Золотое сердце? Братец – это же расхожие штампы, не имеющие никакого отношения к жизни! Тебя обманут! Ассоль! Буссоль! Раздутый самомнением льежский прыщ! Начитался арабских сказок… Руки, как грабли! Пупок, вмещающий унцию орехового скипидара! Тьфу на тебя! – сказал Кропоткин, – Твоё чистое, непорочное создание торчит тут каждый божий день и караулит клиентов, как акула креветок! Если у тебя есть деньги, ты ещё можешь догнать эту барку, и она поплывёт туда, куда поплывут твои денежки!

– Ты – негодяй! Не пытайся опорочить публично мою Дульцинею, у тебя этого не получиться! Или.. не очень получится! Сравнения хромают! Ты слишком много знаешь! Откуда у тебя скверная привычка гасить самые высокие мысли твоих друзей? Придётся устроить на тебя покушение! А теперь, за дело, желудок, ты уже урчишь! Интересно, что нам принесут! Я проголодался, как тысяча арктических волков!

Усевшись за низеньким столиком, Гитболан с неудовольствием попытался засунуть ноги куда-нибудь подальше, но у него это не получилось, столик был для солидного джентльмена маловат.

– Официянт! Официянт! Виайпи, ти чито, не видьишь? – раздражённо и требовательно крикнул Нерон, громко постучал хрустальной солонкой по столу, привлекая к себе взгляды присутствующих, – Мне рыбий жир с тоником! И два эрзацгитлербургера сорок второго года с вялеными крымскими сомами! Ясно!

Он подпёр голову рукой и сидел в позе Чехова, нагрянувшего к Толстому на варенье. Салфетку он уже загодя вставил в воротник и в маленькое зеркало оценивал, как его рожа выглядит со стороны.

Рожа была небритая и не очень свежая. Монокль упал у него вместе с глазом и повис прямо на гульфике. Поймав лапой непослушный глаз, он тут же запихнул его в пустую глазницу.

– Салат из куриных мозгов и две сардельки потолще! Когда б имел златые горы и реки, полные вина… – вторил баском вежливый да омерзения Кропоткин.

Вялый, навсегда утомлённый официант появился с книжкой, выложил её на стол и стал пытливо рассматривать свои женские ногти.

Гитболан холодно огляделся и наткнулся на странный взгляд с соседнего столика.

Гитболан стал придирчиво изучать предоставленное меню.

– Это кто, такие, за пи-пи-пи-жо-ны? – обернулся уголовного вида человек с валиком на шее, развалившийся за столиком напротив, – Им что, здесь нэ нравыця? Что им здесь? Я им кто? А? Я в законе!

Когда его благоразумная, как оказалось, дама попыталась остановить его поползновения, он с воплем отшвырнул её руку, и стал угрюмо подыматься на две ноги, как маленький Кинг-Конг с волосатой грудью.

– Товарищ, спокойно! Не надо эксцессов в бельэтаже! – испуганно заверещал народоволец, разворачивая рот веером, – мы не хотим скандалов! Не надо нервничать! Да-да—да—да-да! Прошу вас! Ради вашего призрачного Иисуса и нашей безусловной репутации! Ну прошу вас!

Последнюю фразу он произнёс почти страстно голосом известной артистки Раневской, которая, как известно, любила крепкую шутку.

– В бытность мою пресвитером Галлоуэйской церкви в Англии в 16 веке мне пришлось много раз проводить досуг в придорожных тавернах Средней Англии и воспоминание об этих посещениях и сейчас наполняет мой рот слюной. Как это было вкусно, не помню точно что, но по моему, там всё было вкусно. Интересно, чем наполнится мой рот здесь? Нерон, что ты думаешь по этому поводу? Там тоже было много всякой шпаны, к примеру эти парни из Шервудского лесного массива. Помнишь восхитительную потасовку, в которой мне пришлось таки поучаствовать, несмотря на всю мою нелюбовь к подобным занятиям! Я вырвал у Робин Гуда бакенбарды и утопил его в бочке превосходного эля. Но внимание! Кажется, на нас движется нежданная туча! И она готова пролиться животворным весенним дождём! Тю!

– Ничего нас хорошего здесь не ждёт, уж поверьте мне! Смерть в мучениях и желудочные колики, мессир! Твёрдый понос и жидкий запор – вот что нас здесь ожидает, вот что! Капельница нас ждёт! Кровать с продавленным основанием и вонючим матрасом! Вот

что нас ожидает! Мама! Мама! Я вижу такие заведения насквозь! Когда всё это начиналось, то казалось, что естественная конкуренция заставит их поглубже запрятать своё вековое хамство, но не тут-то было, теперь всё почти по-прежнему – официантов опять надо ждать часами, могут и нахамить, между нами говоря. Могут, черти! Полагаю, что сегодня нам отобедать не дадут! Драгоценную валюту можно спрятать в гульфик! Даже «Челюскин» не спасли! И за деньги здесь ничего не купишь! Мама! Увези меня отсюда!

– Да что ты говоришь, Нерон? Нахамить? Могут нахамить? В этом храме игры в Пепе и рулетку? Да не может того быть? Никогда больше не огорчай меня так! У меня старое, разбитое людскими подлянками сердце, оно может не выдержать! Слышишь, как оно стучит? Слышишь? И это всё из-за тебя!

Лицо Гитболана на секунду попыталось стать жалобным.

Пьяный посетитель продолжал двигаться к Гитболановскому столу, супил брови и двигал обезьяньими желваками.

– То-то-то-то-варищ! То-товарищ! Не надо! Иностранец при исполне-не-не… – пионерским голоском заверещал задроченный каторгой народоволец, выпустил изо рта кучу разноцветных мыльных пузырей и, трусливо подвывая, полез под стол.

– Я те… Эт-то чо за… – завопил наступавший агрессор, – А? Я не по?

– Господа филантропы и питекантропы! Как не упасть в двухметровый приямок на абсолютно чёрной улице? – Этот вопрос Нерона был уже обращён не только к неисправимому наглецу, но и к публике, замершей в ожидании новых развлечения за столиками. И ответа никто не услышал.

– Давай другую сцену! Заведи
Волынку мира! Вздуй Полишинеля
За то, что он набит гнилой соломой,
Тряпьём и ватой, как гнилой матрас,

А впрочем, вот он – ожидает нас! – громким голосом чревовещал Нерон, предчувствуя невиданное развлечение и указуя пальцем на человека в законе, – Так ты не клоун, а комедиант! Большая разница, скажу вам по секрету! Сто тысяч извинений, но за это я накажу его! Дозволь дерзнуть, сержант! Надеюсь, что здесь нет беременных женщин и пенсионеров персонального значения? Я не люблю убивать нищих и сирот!

И он заплакал, вытираясь скатертью и ладонью.

– Ты любишь смотреть вести из зооуголка? – деликатно наклонился к уху Нерона народоволец.

– Нет! Я путаю там людей с животными!

– Ах, проказник! Дефлоратор зоосада! А я люблю! Не может существовать креста без вертикальной и горизонтальных перекладин. Смотри! Смотри, пока не лопнут очи! Такого ты давно не видел! Такого мы не видели давно! Здесь собрались отпетые пираты в одеждах правильных! Ужо их застебать!

С диким рыком пьяный бандит, а по совместительству вор в законе, всё-таки ухватил за ногу хрустальной вазы со стола, и размахнулся, дабы опустить её на голову важного нахала. Как вдруг прежде донельзя перепуганный народоволец свирепым и невидимым глазу движением выбросил вперёд и погрузил вытянувшуюся метра на четыре резиновую руку в живот нахала. Раздался щелчок отрывающихся пуговиц, треск рвущейся материи, а потом что-то полужидкое веером полетело вверх. Когда фиолетовые кишки повисли на католической люстре, пьяный человек ещё секунду стоял с победительно подъятой рукой, держа преходящий кубок и удивлённо озираясь, а потом рухнул в бассейн с золотыми рыбками, подняв девятый вал розовой жижи и прощально шарахнув драгоценной вазой в зеркало, которое тут же обвалилось.

Все в зале только ахнули.

– Он умер от зависти! – прошипел Кропоткин, – Годы жизни: 1970—2023. Спи тихим сном, прищепа! Да святится имя твое, дуремар ёханый!

И все бросились врассыпную.

– А теперь – все брысь! Брысь! Я говорю – брыссь! – фальцетом возопил рыжий толстяк. Волосы поднялись на его голове дыбом, ручки поджались, как у разозлённого суслика и дикий вихорь подхватил из-за столиков находящихся в зале, мужчин и дам безо всякого разбора, завертел винтом и в мгновение ока страшным ударом выбросил из здания сквозь кессонированный плафон на потолке. Мириады разноцветных стеклянных брызг и алюминиевые конструкции обрушились на пол вместе с обрывками одежды. Через секунду зал был пуст и от неизвестно куда подевавшихся служек.

– Мессир! Простите меня! Я думал вот о чём… Хамство – слишком неискоренимое свойство человеческой природы, чтобы его можно было предвидеть и произвести на него превентивную атаку. Придёо-о-отся мне уйти неутолёо-о-о-онным! – спел Кропоткин напоследок, – Шеф! Я всё хочу научиться цыплят табака из огнемёта опаливать! Можно попробовать?

– Вы фантазёр, Фелицио! Не надо! Достаточно того, что есть уже!! Капкан возьмите или меч со склада и бейте всех с сомнением в душе! Я ухожу! Непричащён! Несчастлив! Одинок!

Гитболан поднялся первым и, не обращая внимания на вой и крики за своей спиной, медленно покинул помещение. Остальных там уже не было.

Была вызвана милиция. Завыли сирены, зазвонили телефоны, полетели заинтересованные люди в формах, из кровати вытащили крайне раздражённого товарища Плепорциева, полковника, снимали отпечатки пальцев с забытой в кабаке трости, солонки и даже с кишок, ноу-хау последнего времени. Увидели жуткую картину. Бросились составлять акт и тут же, не сходя с места, многое выяснили. Впрочем, никто и не скрывался.

Метрдотель указал на соседнюю гостиницу, куда ушли три джентльмена, заведующая быстро нашла запись в книге приезжающих, горничная сообщила, что все с вечера находятся в номере.

А чего ещё больше нужно?

Итак, компания Гитболановских ухарей бесшумно покинула растерзанный игорный дом и всплыла около уже знакомой нам гостиницы и проследовала снова в свой номер, где, по всей видимости, сразу же улеглась спать. Их раскрытой настежь двери доносился сильный храп и сопение, так что сомнений насчёт занятий преступной, и уже было совершенно понятно, террористической группы, не осталось никаких.

Глава 7. Короткая

Денег было мало, а те, какие были в его распоряжении, всё время норовили высыпаться из порепанного портмоне на землю. Алекс находил это дурным предзнаменованием, но деньги методично подбирал, аккуратно раскладыва их в кармашки портмоне. Немцу легче воевать и покорять мир силой оружия, чем шкурничать в лавке из-за медяков! Предзнаменований за последний год было столь много, что Алекс потерял им счёт.

Глава 8. В нумерах

В соседнем номере по радио пели двое мальцов. Такие голоса получаются, если в детстве несколько лет кряду яйца к люстре привязывать домотканым лыком. Такие голоса, разумеется, не столь же восхитительны, как хрустальный голос Робертино Лоретти, но не менее пронзительны. Голосок тогда тонкий, извилистый, витиеватый, ломкий, нежный, детский. Вот так он и пел мне в ухо, скотина! А другой пел сиплым басом. Голос, плопитой исё до лоздества хлистова. В таверне «Ослиная Челюсть» грохотал джаз. Не Сблызновская симуляция, какой обучают студентов в музыкальных училищах, а настоящий грязный чёрный джаз, с потом, сигарами и запахом кофе.

Тут другой метод тренировки. Пить, пить, пить, пить для повышения бархатистости и удаления несвойственных баритону пёсьих модуляций. Покорив заветную вершину, пить ещё больше, чтобы закрепить и укоренить уже обретшую уверенность бархатистость. Стоять на вершине, зацепившись альпенштоком за облака и упёршись кроссовками в горизонт. В конце концов, когда от бархатистости не останется и следа, пить просто от горя, от беды неизбывной, от воспоминания, что в юности плохо тренировался и много бархатистости всуе упустил. Что не на то растратил драгоценное время. Но никогда не сдаваться! Вера, Надежда, Любовь! Основные лозунги.

Они пели вдвоем, как опущенные и осквернённые боги, диатоническими кластерами блистали, взмывали переливами, козлы. Как Хорь и Калиныч, как дед Мазай и Членин, как Трахнутый Заяц и Смоляное Чучелко.

А Гитболан между тем продолжал читать прописи, не обращая внимания ни на что вокруг. Единственное, что от него услышали, было мимолётное замечание:

– О, этот текст посвящён, кажется, армии и потому особенно интересен в свете событий, которые на нас, мои друзья, надвигаются! Грядёт битва народов. Искусство воевать – не менее великое и не менее высокое искусство, чем искусство жить в мире! Ого-го!

То, с какой скоростью Гитболан читал довольно протяжённый текст, могло бы удивить любого – страницы переворачивались сами собой, уже прочитанные, хотя он не успевал, казалось, и глазом моргнуть:

Глава 9. Походы и триумфы Божественного Цезаря

В эмалированном тазу
Службу верную несу!
Эпиграф

Объявлять переход на летнюю форму одежды являлось насущнейшей необходимостью государства. В былые времена некий генерал Хват в Энской части был обойдён этим приказом. То ли приказ потерялся в дороге, то ли телефонистка что-то перепутала, да только генерал не только сам всё лето ходил в армейском тулупе, х-б, валенках и в конце концов получил удар, паралич и смерть, но ещё солдат заставил следовать своему примеру. В результате 17 человек угорели, 270 запаршивели как-то особо, а 9 убежало, не выдержав тягот воинской службы, в комитет под юбку к сердобольным солдатским матерям. Обнаружили приказ глубокой осенью, когда над подмосковными болотами хлестали непрерывные дожди. Будучи верен уставу, генерал Хват и тут был на острие законо-послушания – к зиме его солдаты ходили в подштанниках, и несколько человек замёрзло на посту.

Я это говорю к тому, что пришло наконец время и родине послужить, капитанов посмешить. Учёба в институте, встав наконец на накатанные рельсы, двигалась потихоньку к концу, диплом выдвигался, занятий на военной кафедре становилось всё больше. То ли год был высокостный. То ли ещё что, только в один прекрасный день всю разодетую в зелёные мешки публику с военной кафедры собрали в одном строю, и полковник Манциули громовым голосом объявил о том, что разнарядка прошлых времён более недействительна. В этом году будет сверхпризыв, если раньше брали в армию пять человек, то в этом году, не обессудьте, господа архитекторы, будут брать все сорок, а может быть и всех сразу, такова обстановка на фронтах борьбы с мировым агрессором.

Мне было выдано предписание, согласно которому я должен был в положенный срок появиться в Нусекве в министерстве с тем, чтобы следовать далее по команде. Меня, конечно, удивило, что я должен там появиться в воскресенье, а выехать отсюда в субботу. Ну, всякое бывает – успокаивал я себя, может там какие-нибудь командно – штабные учения устраиваются, да и армии – по фигу, что воскресенье, что среда. Я рассудил, что рубежи любимой родины и её знаменитые закрома надо всегда на замке держать, чтоб никто не узнал, что они пусты.

Вечером родители проводили меня на поезд, и я отбыл в довольно тягостном настроении. Успокаивал я себя, а зря. Высадившись на перроне Кулаковского вокзала, я спустился в метро, и минут через пять прибыл куда следует, уже окончательно проснувшимся и готовым к бою воином. У высокого казённого забора уже паслись волонтёры. Они-то и сообщили пренеприятное известие о том, что нас здесь никто не ждал, потому что произошла досадная накладка – число прибытия написали от фонаря, само собой разумеется, в воскресенье, летом нас никто не ждал. Дежурный офицер вышел и сказал приходить завтра. Послышалось возмущённое повизгивание: «Где же это мы ночевать будем?», на что офицер пожал плечами и ушёл к себе, не вдаваясь в подробности. Вместе с сокурсником, долговязым кудрявым парнем, оказавшимся большим любителем живой природы, мы поехали на Птичий рынок и бродили там до вечера, ничего не собираясь покупать, рассматривая птичек, рыбок, обезьян и собак. Потом он отправился к знакомым, а я, не взявший с собой ни одного адреса, где можно было бы остановиться, остался посреди вечеревшей Нусеквы. Зажглись золотые фонари на площади и она, как ни странно, стала уютной.

Искать, где переночевать, у меня уже не было сил. Поблизости располагался аэропорт, и я пошёл внутрь довольно большого и унылого ангара с длинными рядами пластмассовых

стульев. Посидев так часа два и чувствуя непреодолимое желание спать, я несколько раз пытался распластаться на трёх стульях, но через каждые двадцать минут в зал забегал мент и зычным голосом оповещал всех, что здесь спать не полагается. Пришлось подниматься. К утру это издевательство стало нестерпимым и кляня себя за самонадеянное решение переночевать в аэропорту, я вышел на воздух. Метро уже функционировало. Чтобы не замёрзнуть, я нырнул в него и отправился туда же, откуда вчера ушёл, не солоно хлебавши.

Набрав порядочную толпу будущих офицеров, нас запустили внутрь парадной комнаты, где довольно быстро раскидали по точкам, и я узнал, что местом моей службы будет дальний пригород Нусеквы с названием Солнечное Болото. Потом нас посадили в совершенно раздолбанный автобус и повезли к месту назначения.

Пропетляв часа полтора по бетонным дорогам среди елового леса, мы въехали в это самое Солнечное Болото, которое, как оказалось, не было окончательным пунктом нашего назначения. Здесь, в затхлом помещении штаба у нас приняли присягу, заставив одного за другим прочитать стандартный текст, и полковник, похожий на дьячка заставил расписаться в ведомости. Никакой торжественности не было и в помине.

Честно говоря, к восьми утра я уже весьма слабо соображал головой, глаза мои сами собой закрывались, зевки размером с Гибралтар потрясали мой рот. Бессонная ночь не прошла зря. Короче говоря, когда мы опять вползли в наш раздолбанный автобус и снова тронулись в путь, я сразу же заснул и был пробужден каким-то товарищем по несчастью, который тряс меня за плечо со словами: «Лейтенант, подъём!»

Мы въехали на огромную просеку, заставленную здоровенными обшарпанными бараками. Всё пространство было разделено по какому-то ускользнувшему от меня закону заборами, украшенными поверху колючей проволокой. Кое-где на заборах прослеживались попытки покрасить их зелёной и охристой краской. Автобус подкатил к зданию Начальника работ и остановился. Я подхватил чемодан затёкшей рукой и пошёл вдоль забора. В свою часть я вошёл через заднее кельецо, как раз в тот момент, когда окончился развод и хвост строя военных строителей ещё несколько секунд маячил в казённых воротах части.

Я огляделся. Господи! Вот здесь мне и предстояло провести два года жизни. Стоя с зачехлённым чемоданом на выметенном асфальте около вонючего колеса автобуса, я наконец осознал, куда попал.

Серый забор ограничивал территорию с одной стороны, отделяя её от точно такой же территории по другую его сторону. Невзрачные, выкрашенные в пожухлую, жёлтую краску четыре барака стояли в ряд, один поперёк. Судя по специфическому запаху это и была солдатская столовая. Бараки были такие древние, что от фанерной обшивки кое-где ничего не осталось, и из дыр вылезла минеральная вата. Как оказалось, зимой в этих казармах было столь холодно, что солдаты укрывались, кто чем мог – тряпьём, старыми ватными матрасами. Скрывшиеся из казармы в разного рода каптёрки и вагончики поистине могли считать себя счастливчиками судьбы, ибо были согреты теплом буржуек.

За штабом кренился ржавый чан на заклёпках. Вот уже несколько десятилетий в нём кисла трофейная автомобильная шина. Ещё там на вечных подпорках догнивали остовы каких-то машин.

Зайдя в первую попавшуюся роту, и миновав сонного дневального, я увидел бесконечные ряды старых двухъярусных кроватей, заправленных выцветшими байковыми одеялами. Кровати кишели вшами и я отшатнулся от них.

Изнутри содержимое казармы выглядело приблизительно так: прямо перед входом, рядом с тумбочкой стоял всегдашний изогнувшийся солдат, который при входе офицера начинал кривляться и демонстрировать преданность. Он должен был также выкрикнуть приветствие, на жаргоне это называлось – кукарекать. Обычно на тумбочке стояли самые маломерные и забитые представители солдатского сословия. Человек, не лишённый чело-

веколюбия, при виде таких существ, не мог не испытать острую человеческую жалость и сострадание. В тумбочке рядом с дневальным по слухам хранился журнал вечерних поверок. Журнал представлял собой коленкоровую тетрадь, мятую и засаленную до такой степени, что показывать её посторонним было делом совершенно немыслимым. Поэтому при посещении казармы каким-нибудь важным начальником в ночь перед посещением сажали солдата каллиграфически переписывать его. В другое время журнал был исчёркан вдоль и поперёк разными чернилами, изобиловал поправками фамилий, какими-то указующими стрелками, вычёркиваниями, и разобраться в его китайской грамоте посвящённому было очень трудно, а непосвящённому – невозможно. Присутствие дневального в роте, впрочем, не обеспечивало никакого порядка, и было скорее фикцией, чем насущной необходимостью. Мой добрый Миша из четвёртой роты в частной беседе рассказал об эксперименте, который он проводил над своими дневальными. Помятуя о том, что эксперименты над живыми людьми являются делом бесчеловечным, я всё-таки не могу удержаться от того, чтобы не довести до читателя об их результатах.

Он как-то подошёл к дневальному и, стоя у тумбочки, напустил на себя донельзя задумчивое и озабоченное выражение, а потом, как бы невзначай, как бы случайно забыл на тумбочке простой карандаш. Потом он зашёл в канцелярию, после чего сразу же вернулся. Карандаша не было в помине. Не было ни карандаша, ни помина. Миша засёк, что промежуток от момента его отхода от дневального до исчезновения карандаша составил ровно три секунды. Дневальный, конечно, ничего не видел и не знал.

Вообще казарма представляла из себя идеальный инструмент коммунистического воспитания масс – в ней никому и никогда не удавалось даже при великом желании сохранить хоть какую-либо частную собственность – всё кралось моментально и навсегда. Несколько раз из сейфа командира роты исчезала солдатская зарплата, и хотя мотивы злоумышленников были совершенно прозрачны, включая тщательно инспирированный взлом, карающая рука правосудия никогда не настигала вора. Так было во всех ротах почти всех частей, слава богу, не каждый месяц.

Казарма делилась на два флигеля, если это можно так назвать. В обоих сплошными рядами стояли двухъярусные железные кровати, как правило, расшатанные донельзя. Все они скрипели по ночам, как корабельные снасти в бурю. По утрам в казарме драили полы. От постоянной беготни сотен сапог и шарканья швабрами проходы между кроватями были лишены краски. Доски пола кое-где расслоились, и снизу, из загадочного подземного мира, сочилась влага. Тут же, на стене в кубрике помещалась огромная пожарная доска, плохо выкрашенная красной краской, на которой красовался красный же гнутый лом, используемый при всяком случае, красное ведро в виде длинного колпака, багор с рыболовным крюком, пузатый огнетушитель с некогда отвинченной крышкой. Всё это было прибито к доскам скобами намертво, кроме уже упоминавшегося лома, чем-то заслужившего более благосклонную судьбу, и в случае пожара в его тушении вряд ли бы принимало участие. Внизу был ящик. Открывший его, сразу же обнаруживал поверх слежавшегося песка целую гору окурков всех мастей, один завязанный узлом презерватив и парочку засушенных тараканов.

За исключением часов, когда личный состав пребывал на стройке, в казарме царил неописуемый дух мужского общежития, если не более того. Несмотря на постоянный помыв личного состава, и иные меры, пребывающие в статусе государственных секретов и потому не могущие быть названы, в казарме царили отборые вши, часто просто кишевшие на подворотничках. Это явление было свойственно всем ротам без исключения и я бы погрешил против истины, если бы не сказал, что начальство взирало на педикулёз сквозь розовые очки. Проблема, как оказалась, была в том, что свежее бельё в часть уже прибывало почему-то со вшами.

Процент вшивости пребывал в ранге государственной тайны, и нас неоднократно ставили в известность на сборах о необходимости свято хранить эту военную тайну. Что мы и делали. Не имея возможности похоронить вшивость, мы хранили тайну.

Летели над нами «Боинги», увозили счастливчиков судьбы от этих берегов в тёплые страны. Кучевые облака стояли высоко в небе и уходили за лес. Наверно они видели болото и маленькую серую точку в нём? Это был я!

Встретившись далее с начальником штаба, довольно высоким седоватым типом с протяжной речью, я отдал ему свои бумаги и выяснил некоторые вопросы: когда я получу подъёмные, где буду жить и т. п.

С подъёмными дело, вроде бы обстояло неплохо, но жить было негде. Несколько панельных развалюх, которые я увидел на своём пути в часть, не внушили мне никакого почтения. У них был вид склепов с вампирами и всякой нечистью. Ясно было также и то, что в сооружениях, самим господом богом предназначенных для вампиров, не может быть тепло. Выбитые стёкла, отсутствовавшие двери, распахнутые чердаки красноречиво говорили об этом. В дальнейшем мои подозрения подтвердились. Во второй год моего пребывания в лесу, в соседнем крыле моего общежития разморозились трубы, и нам пришлось бежать от холода в другие места обитания. Единственным плюсом такого проживания было то, что, предоставляя нам подобное жильё, начальство было всё же слишком совестливое, чтобы требовать ещё и плату за него. Оно понимало, что платой за такое проживание служат наши библейские мучения.

С ключом в кармане я вернулся в часть, над которой уже пылало нестерпимое полуденное солнце. В грязном окне КПП я увидел несчастное лицо, прилипшее изнутри к стеклу. Я зашёл внутрь и увидел довольно высокого солдата, который, при виде меня, стал стремительно махать руками, как птица, пока не успокоился. Вид его был поразителен. Передо мной был вылитый писатель Николай Гоголь, только не выбритый и холёный Гоголь итальянских времён, а Гоголь времён сожжения «Мёртвых Душ», бледный, несчастный, растерянный, плохо бритый. Но сходство всё равно было поразительным. Тот же длинный острый нос, острые, пронзительные глаза. Даже запах его был какой-то гоголевский, терпкий и сатирический. Солдата звали тоже Николаем, только фамилию он носил другую – Белоржевский. Странно, но он оказался из той самой местности, где родился Гоголь, из той же самой деревни, и говорил мягким малороссийским говорком, который трудно передаваем в великославянском языке. В его поведении, несмотря на явные странности, усиленные армейским бытом, было что-то невыразимо приятное. Оказалось, что несмотря на заключение какой-то комиссии о его неполноценности как солдата, об явных отклонениях в психике Белоржевского, несмотря на хлопоты его матери, его взяли в стройбат, и после учебки, в которой он был объектом постоянных насмешек и издевательств, посадили в полосатую будку, из которой он изредка суетливо выбегал, только для того, чтобы поднять шлагбаум и пропустить или машину с продуктами, или душегубку гауптвахты, или зелёный джип командира. В остальное время он сидел перед окном, вперяясь в него невидящим взглядом, и не шевелился. В пилотке с опущенными ушами зимой он до странности походил на сталинградского немца из какой-то, неведомо где виденной мной хроники. Я был несказанно раз, что хлопоты его матери оказались небесплодны, и непризнанный миром Гоголь через полгода наконец-таки был комиссован, и покинул наше болото и своё насиженное место в нём. Он ушёл из части вместе с матерью вдоль некрашенного забора всё той же суетливой дёрганой, односторонней походкой, не попрощавшись ни с кем. В нём точно жила душа Гоголя, потому что за стулом в будке нашли серый шерстяной платок, которым Белоржевский укрывался от холода морозными ночами и сломанное простое перо невиданного фасона.

По наущению высокого начальника штаба Агапова я устремился в общежитие и долго искал там пожилую женщину, которая процедив что-то сквозь зубы, дала мне ключ от ком-

наты. Комната была почти пуста. Две железные кровати с панцирными сетками сиротливо располагались по углам комнаты. Посреди стояла тумбочка с намертво приклеенной к ней томатным соусом газетой за 10 июля 1982 года. Под кроватями стояли шеренги бутылок. Мне стало ясно, что до меня здесь уже жили господа офицеры.

Неделю мне пришлось ходить в гражданской форме, пока наконец не нашли мой размер кителя. С этого дня можно вести летопись. Вечером ко мне в номер подселили двух восточных лейтенантов. Они были толсты, вредны и напоминали скорее чайханщиков, переодетых красноармейцами, чем офицеров. С ними я не ужился и двух дней.

В тот же день я попытался построить солдат, и они разбежались. Как я потом узнал, всё это происходило не без наущения прапорщика Силявкина. Светило жаркое солнце. Строй распадался. Кое-кто хохотал. Метались какие-то перекошенные рожи. Солдаты испытывали преждануременное удовлетворение. Улюлюкнули. Меня пытались опустить. Страшно обозлённый неудачей я оставил построение и пошёл по направлению к штабу. За мной увязался военный строитель. У него был вид недоношенного младенца, находящегося на выхаживании в колбе: огромная голова, фиолетовые жилы на всех висках, плывущий взгляд идиота. Одет он был не щёгольски – в какие-то обноски с чужого… Он что-то непрерывно кричал мне вслед гортанным марсианским голосом, и хватался за уши. Ноги он не переставлял, а волочил, и сзади него клубилось белое облако пыли. Это было похоже на картину из какого-то древнего фильма про Тома Сойера. Потом к нему присоединился ещё один восточный человек, похожий на чайханщика в фильмах про Ходжу Насреддина. Они стали кричать вдвоём. Я обернулся. Дождался их и спросил, что же они там кричат, что значит слово «анански». Я действительно был слабо осведомлён и не ведал, что есть ругательства на других языках. Мне почему-то казалось, что люди из других стран не так продвинуты по пути цивилизации, чтобы иметь изощрённые ругательства в своём арсенале. Сытому народу, в общем-то, незачем ругаться трёхэтажным матом, для этого нет мотивации.

Чайханщик, заливаясь ласковой солнечной улыбочкой, и видимо, испытывая дикое удовольствие от всего происходящего, стал объяснять мне, что «анански» по восточному значит «Хороший», «добрый». А сам всё время прыскал, гнида. Он мне вешал лапшу на уши. Видя его смешки, я потихоньку начал понимать, что тут что-то не так, но до конца разобраться в происходящем не мог. Сначала я подумал, что они оба сумасшедшие – первый был точно не того. Вечером в общежитии я за чисткой зубов в засранном умывальнике выяснил у такого же двухгодичника, как я, что значит слово «ананский». Я был удивлён. Двухгодичник увольнялся в запас, и был весел и словоохотлив. Он не только расширил мой словарный запас, но и повлёк меня в лес по партизанским тропам. Он караулил какие-то сторожки, уже покрытые мглой, барабанил ногами в двери, шушукался через слуховые окна. Через час такой деятельности в его кошёлке находилось три бутылки водки и кусок сала, завёрнутого в нечто напоминающее рубероид. Он посоветовал мне быть здесь крайне осторожным, и иметь на спине третий глаз. Что мне делать с наглыми насмешниками, не сказал, посетовав на устав.

С утра следующего дня стала повторяться та же история. К этим двоим насмешникам скоро присоединилось ещё двое. Они увязались за мной сразу же, но держались поодаль. Я их сразу же простил, потому что они знали положенную дистанцию, ругались на своём языке неразборчиво, стыдливо отводя глаза. А эти двое обнаглели и потешались вовсю ивановскую. Когда я входил в роту, они кричали, как птицы – во весь голос. Я обернулся с ласковой и доброй улыбкой позвал их. Они радостно подошли, переваливаясь, как пингвины.

– Идёмьте ко мне, ребята! – это было сказано с вкрадчивым придыханием. – Ну, здравствуйте!

Ничего ещё не подозревая, недоношенный идиот в солдатских обносках и такой же Ходжа Насреддин проследовали за мной в канцелярию.

Итак, я вошёл в канцелярию и затворил дверь. Они находились за спиной и продолжали насмехаться. Я ещё раз спросил, что значит по их мнению «ананский лэйтнант»? И получил ответ. Опять «хороший», опять «добрый», опять «честный». Сумасшедшего недоноска я про себя простил, ибо он был явно неконтролируем. Жалко его было, недоумка. А второй косный и нелюбопытный, прощения не заслуживал. Если бы к тому же дело происходило в европейской стране, то за все оскорбления, какие этот критин обрушил на мою спину, я бы стал богачом, взыскивая с него моральный ущерб. Но я жил в Сан Репе, а не в европейской стране, а посему приёмы здесь требовались совершенно другие.

Я продолжал стоять к ним спиной, а они шёпотом обзывали меня в моей канцелярии на все лады. Внезапно со мной что-то случилось. Страшная сила развернула мой корпус, и с разворота я ударил восточного чайханщика в глаз кулаком. Удар был такой силы, что я услышал хруст и почувствовал сразу же дикую боль в кулаке. Я сломал два пальца о рожу этого идиота. Идиот лежал на дощатом полу и не шевелился. Половина его личика была чёрной.

«Ну, всё, убил козла!» – сказал у меня в мозгу кто-то некто столь же испуганный, сколь же весёлый. Помилованный Недоносок от неожиданности тоже сел на две точки и хлопал глазами. Жилы на его лбу пульсировали. Ничего не говоря, я вышел в кубрик, снял пожарное ведро – эдакий красный конус, пошёл в сортир, наполнил его водой, и возвратясь в канцелярию, окатил полумёртвого насмехалу с ног до головы. Он пытался приподняться. Лицо его с правой стороны было абсолютно чёрным. Я с удовлетворением заметил, что он не смеётся больше.

Потом я уже не помню что было, помню свой ужасающий крик: «Все вон, суки! Будем с вами каждый день заниматься уставом и разбором матерных ругательств на национальных языках! Все – вон! Я вас научу, как понимать славянские языки, суки!» Рёв был такой, что у казармы чуть не снесло крышу.

Именно в этот день я познакомился с Капитаном. Он был татарин. Это был худой человек среднего роста с правильным и резким лицом. Лицо его прочерчивали глубокие складки, традиционно считающиеся свидетельствами тяжёлой жизни. Это лицо напоминало лица некоторых императоров-солдат Рима времён упадка. Меня поражал европейский тип его лица. Он был командиром второй роты, и я часто стал заглядывать в канцелярию к боевому командиру. Капитан уже отслужил двадцать лет, и если бы не прискорбное пристрастие к спиртному, он бы точно стал генералом. Первое время он служил в Жаркой степи, потом у моря, после чего его перебросили в Нусековское болото, где мы, собственно говоря, и столкнулись. Мне было надо отбарабанить два года. А он, недавно получив квартиру в Городке, всего лишь хотел дотянуть последние пять лет службы. От него шёл дух настоящего военного. Когда он заходил в казарму, дневальный гаркал так, что приподнималась крыша. Он проходил по роте мелкими шажками, нервически засунув руки в карманы галифе. О нём ходили разные конгениальные слухи, в том числе история, которую я сейчас расскажу. Общеизвестно, что контингент, прибывающий в строительные части, санрепский язык знает довольно туго, или не знает вообще. Часть его действительно не знает, но часть солдат, зная его, понимает, какие преимущества несёт незнание языка и сразу же по прибытии в часть его прочно забывает. Прекрасно понимая теневые стороны солдатской психики, Капитан был прекрасным преподавателем и чудесным педагогом. Однажды у него появился солдат. Он не понимал команд, хлопал глазами, и чем больше проходило времени, тем хуже он воспринимал окружающее. Пронаблюдав за ним и поставив диагноз заболевания, Капитан вызвал его в канцелярию и спросил, не улучшилось ли его знание санрепского. Тот ответил: «Не понималь!» После этого Капитан стал избивать его ногами. Тот дико кричал: «Товарисч лейтнан! Я не понималь! Не понималь я!» Каждые три минуты капитан спрашивал его, не лучше ли он знает Санрепский язык? Спустя десять минут после начала избиения солдат

вдруг в совершенстве освоил великий язык санреп. «Я зналь, всё зналь! – плакал он, – всё зналь, товарысчь капита!» После этого он действительно перешёл на довольно приличный новореп, и отвечал на все вопросы без запинки. Я думаю, что будь у Капитана дальнейшее намерение продолжить обучение, выяснилось бы, что солдат знает ещё и несколько иностранных языков, включая мёртвый иврит и древнюю латынь. Это был удивительный пример быстрого и эффективного обучения с очень малыми затратами, рядом с которым методы Иллоны Давыдовой выглядят смехотворными, замшелыми анахронизмами. Он учил меня, великая душа: «Если будешь бить солдата, бей до тех пор, пока он не попросит прощения! Иначе – нельзя! И следов не должно быть никогда!» Пил он часто и много. Для солдат пьяный он был ужасен. Часто, напившись, спрашивал: «Скажи мне, Лихтенвальд, за что ты как меня уважаешь? Я ведь пустой и никчёмный человек! Не пойму!» У меня не было ответа на столь простой вопрос, точно также, как не было ответов на другие вопросы. Армейский мир был зазеркальем, где смешно было задавать какие-либо вопросы, и ещё смешнее искать какие-либо ответы. Он мне казался серьёзным человеком.

На утро военные строители построились без единой ухмылки. Пострадавшего не было, ибо он пребывал в санчасти, где по его словам лечился от внезапного поноса. Первое минутное импровизированное занятие по уставу, проведённое в ротной канцелярии, оказалось более действенным, чем многие часы бесплодных разговоров про родину и устав. Ухмылка бродила теперь по моему лицу. Я почувствовал вкус крови.

Служба началась.

Первое дежурство по части вполне могло бы окончиться плачевно для меня, если бы не голос божественного здравого смысла. Как только я заступил в наряд, из Службы начальника работ прибежал всклокоченный полковник и попросил командира части дать ему «подмогу» для разгона беспорядков. И командир части дал меня и моих солдат. Мы двинулись вслед за полковником. Пройдя узкую полосу леса, мы вышли на довольно большую поляну, в центре которой был разрыт чудовищный котлован. С одной стороны котлована металось человек шестьдесят калахов, на другой – приблизительно сотня уздеков. Все они кидали друг в друга гигантские камни и часто попадали. Поле было усеяно пострадавшими, которые взывали и истекали.

– Ну, иди! – толкнул меня в сторону бойни при котловане бравый полковник, уверенный, что я хорошо знаю субординацию.

– Куда, товсчь полковник? – спросил я.

– Туда! – указал полковник.

– Куда туда? – спросил я. – Товсчь полковник, а вы сами не хотите пойти туда! Вы уже старый, вам терять нечего! Покажите мне пример! Всё вы здесь энтузиастов ищете! Вперёд!

После этого я обратил взор на поле битвы, раскрыл пасть и стал орать, что есть мочи о том, что уже сюда едут вооружённые краснопогонники, и кто не сдастся, тому будет совсем плохо. Через пять минут толпа разъярённых бойцов разбежалась, мой боец побежал в штаб вызывать медслужбу для поверженных гладиаторов, а полковник и я принялись рассматривать поле сражения. Четверо нуждались в срочной и серьёзной медицинском помощи, убитых к счастью, не было.

Полкан разнимать никого, естественно, не стал.

Драки, иногда разраставшиеся до подлинных побоищ, были в городке самым обычным, рядовым делом. Ни одного дня не было без сломанного носа, выбитых челюстей, переломанных рук и ног. Недавно был случай, когда сорок ахмян напали на сто спящих уздеков, били их арматурой, а потом подожгли казарму. Меня потешала процедура опознания, проводившаяся в комендатуре: с одной стороны стояли поникшие уздеки с забинтованными головами, а с другой – куча гордых ахмян. Дело происходило в кромешной темноте, поэтому никого не опознали.

Через полгода, я, мальчик из интеллигентной семьи уже орудовал кулаками, как заправский боксёр, участвовал в драках с прапорщиками, лупил солдат руками и ногами, никого не щадил, то есть службу узнавал довольно хорошо. Меня стали побаиваться, а солдаты (Что особенно меня радовало) называли психом. Подпольное звание «Псих» приравнивалось к званию майора.

Под Новый Год я имел две совершенно восхитительные драки и вышел победителем над двумя самцами более высокой весовой категории. Третий случай собственно не был дракой. Когда я был дежурный по части, находился при исполнении, и уже провёл отбой, в часть ворвался невесть откуда взявшийся подполковник, пьяный в дым. Он, видимо заблудился, был зол и теперь искал, чем себя занять. Увидев меня, он затрусил ко мне и стал ко мне приставать. Еле на ногах стоит, гнида, а уставу учит – такое только у нас возможно: «Как стоишь? Да как стоишь?». Я сначала по-человечески просил его исчезнуть навеки, на что он не отреагировал, а потом я осмотрелся, вижу – никого кругом нет и без свидетелей вмазал ему что было силы в левое ухо. Резким профилактическим хуком. Он упал плашмя в палисадник через деревянные перильца и на карачках бросился сразу же за своей фуражкой. Я не стал ему мешать и ретировался. Я, честно говоря, ждал весь вечер последствий, но полковник, видно, грамотный оказался. Пьяному нельзя жаловаться на обидевшего его. Примитивный социальный дарвинизм доказывал свою вековую правоту. К седьмому месяцу службы я возвёл культ кулака и поклонялся ему всячески. И это было разумно.

Это была непредсказуемая и рискованная жизнь. Жизнь, в которой не было ни отдыха, ни жалости. И однажды я чуть было с ней не расстался. В то время мои отношения с господами солдатами были омерзительны. Им оставалась служить полгода, они никому не подчинялись, а мой фанатизм, направленный на водворение управляемости войсковым соединением им не нравился. Будучи дежурным по части, я ровно в шесть стал поднимать роту. Она не поднималась. Это был бойкот. Я стал пихать их. И вдруг случилось страшное. Мне на спину бросились несколько человек, и я мгновенно оказался на полу. Неудобная тяжёлая шинель мешала мне. Я знал, что если ещё несколько мгновений проведу на полу, я – труп. На меня наваливалось все больше тел, мелькали руки, они лупили меня в лицо. И странное дело, страшный взрыв гнева придал мне какие-то ужасающие силы. Я сбросил с себя ораву, а из всего последующего запомнил только свой страшный победный крик, арматурину в руке, и толпу, метущуюся передо мной между первым и вторым ярусом кроватей. Теперь я гнал их. Валились подушки. Рвались простыни. Падали швабры. Гремели вёдра. Потом выяснилось, что в ходе битвы при Фермопилах, были невинно покалеченные, в частности солдат, некстати вылезший из-под кровати, попал лицом прямо под мой сапог. Нос его покривился. Была ночь. Гнев мой был ужасен. Попреки уставу, в казарме не было даже дневального. Все мои военные строители выбежали из казармы и прятались, кто где. Я поймал себя на мысли, а вот если бы это всё было снято на плёнку, и этот первобытный барак, и туман в казарме, и эта битва, какой чудовищный, но прекрасный фильм получился бы. Потому что этого не смоделировать никакому режиссёру. Это были настоящие гладиаторские бои, не на жизнь, а на смерть.

В этот момент настигла меня и участь дознавателя. Сказать, что я стремился к этому, я не могу. В военных частях часто случались преступления, то кто-нибудь что-нибудь свиснет, то кокнут кого, и на начальных стадиях, предшествовавших открытию уголовного дела, проведением предварительного расследования занимались ротные офицеры. Эта деятельность никак не вознаграждалась, поэтому такого рода задания падали на оселков, готовых волочить армейский горб в любых условиях. Всяких там некадровых охвицеров. Я был таким оселком, если не ослом. Меня назначили дознавателем, и я должен был едва ли не каждый день спешить в Нусекву с двумя пересадками, дабы в Прокуратуре предстать пред светлые очи Капитана Пердушона. Это был молодой вихрастый рыжий тип с поросячьими глазками

и бабьим смехом. Он быстренько научил меня делать допросы и правильно заполнять протоколы. Сам он не любил заниматься рутинной работой и брезговал ею, стараясь переложить всё на своих бесплатных помощников. С виду он был похож на дядюшку Римуса, присосавшегося к смоляному чучелку.

Первым делом, в котором я участвовал, было дело старшего лейтенанта Парацетамолова. Этот не в меру свирепый командир роты уважением у своих военных строителей не пользовался, и в роте созрел план покушения на старшего лейтенанта. В те дни часто гасло электрическое освещение, и его рота, находившаяся в другой части, но в том же болоте, что и я, погружалась в абсолютную темноту. План покушения был прост, как правда. Когда Парацетамолов будет подходить к роте, в ней выключится свет и два солдата, стоя на стульях с разных сторон от входа нанесут ему по голове удар перевёрнутой табуреткой. Почти так и случилось. Когда он был на подходе к роте, погас свет, и он уже собирался войти, когда его опередил солдат. В тёмном предбаннике раздался грохот, крик, потом включился свет, и все увидели поверженное тело военного строителя и изрядно перетрухнувшего, но целого командира. Пердушон послал меня допрашивать солдат этой революционной роты. Потом отловили якобы организаторов покушения. и я срочно должен был лететь на родину провинившихся, на восток. В нагрузку мне было дано указание допросить родственников корейца Алексея Агая, бывшего дезертиром три дня.

В аэропорту я был свидетелем страшной сцены. Куча голосивших людей, мужчин и женщин провожала молоденького лётчика. Он был взвинчен и пьян. Он подошёл ко мне, попросил сигарету и сказал:

– Я из Адгана. Был в отпуске и сдуру ума матери рассказал, как нас лупят над ущельями. Из четырёх моих друзей я один остался! А теперь еду туда опять, к смерти! Наверно, не вернусь оттуда! Будь здоров!

– И ты тоже, брат! Будь!

Я попытался его успокоить, утешить, но не смог. Его лицо морщилось, и было всё – в мелких трещинах и морщинах. А ведь это был совсем молоденький парень. В мире нет справедливости, но есть судьба. И от неё никуда не уйдёшь!

В Самуркенд самолёт прилетел глубокой ночью, и я с трудом обнаружил военную гостиницу. В комнате на панцирных кроватях жило восемь человек.

Утром я вышел на солнечную улицу и спросил у человека в халате, где тут Серый Дом. Там я должен был получить ихние бланки для допросов. Он замахал руками:

– Нэльзя так говорить! Нэльзя!

– Что нельзя? – спросил я, но он уже испарился вместе со своим кувшином и волшебной лампой.

Город расстилался на огромные расстояния. Это была гигантская деревня, по наущению или в гордыне названная городом.

С вожделенными бланками я нашёл дом Агаев. Это было одноэтажное строение с внутренним двором, сплошь уставленным мешками с чесноком – вечный бизнес трудолюбивых корейцев. Это были очень хорошие и честные люди. Я составил протокол, спросил, как мне говорили о детстве Алексея, здоровье, был ли в психиатрической лечебнице?

– Что же нам делать? – спросил его отец, – Позор-то какой!

Я ему честно сказал, что я всего лишь собираю справки и что если ничего не предпринимать, ему дадут года три. Все родители ездят в прокуратуру, в Нусекву и дают там взятки. Не дашь – посадят!

Он замотал головой:

– Нет, нет, нет! Никогда! Мы честные люди! Пусть получит, что заслужил!

Я горестно попрощался с этой семьёй, брат Алексея подбросил меня к вокзалу и я повторил ему то же самое насчёт продажной Нусеквы и растленной прокуратуры.

Алексею Агаю дали три года на зоне.

На вокзале я залез в раздолбанный автобус и поехал в Кеттыкоргон.

Часа четыре автобус блуждал по выжженым полям и пыльным дорогам. Шофёр брал дополнительные деньги и за это оказывал дополнительные услуги – заезжал в какие-то дальние деревни с полями, забитыми гигантскими арбузами и дынями. Восток дело тонкое, но гадкое!

Кеттыкоргон был старый удручённый посёлок. Бедный и забытый богом. Люди здесь были одеты в какие-то обноски, многие ходили в сапогах, как в годы войны.

На улице перед мужиком в фартуке дымилась огромная кастрюля с пловом. Пахло пловом и железной дорогой.

На смежной улице перед столом с чашкой плова сидел жирный милиционер с невероятными ляжками. Увидев машину, он начинал чмокать и натягивал верёвку с флажками. Осведомлённые водители бежали к нему, на ходу вынимая деньги из карманов. От взяток непонятно за что не избавлялись ни мужчины, ни женщины, ни дети. Нравы здесь были далеко не европейские. Я тогда и думать не мог, что пройдёт время и вся эта гадость обрушится на мою родину и смоет её.

На станции сидели пыльные публичные девушки и лузгали семечки. Участь этих падших созданий на востоке невероятна.

В Кеттыкоргоне находился сумасшедший дом, и я провёл в нём львиную часть дня, разговаривая с главврачом и заполняя бумаги на своих несчастных клиентов. Территория этого учреждения была грандиозна, от корпуса к корпусу нужно было идти по каменным дорожкам минут десять. Медициной там и не пахло, но зелёный парк при лечебнице был прекрасен. Это был самый настоящий парк, с деревьями в обхват, с огромными клумбами, кустами жасмина, и самое главное – с огромными расстояниями.

Я не мог сделать все дела за один день и вынужден был по совету главврача поселиться в гостинице «Салем», единственной в городе.

Этот самый «Салем» представлял из себя караван-сарай с широким неосвещённым коридором внутри и огромными дверями бо бокам коридора. Света в гостинице не было, в коридоре было глаз коли, и я с трудом отыскал свою дверь и койку, где тут же разделся в темноте и стал засыпать. Но не суждено мне было заснуть. Около входа раздались дикие крики и звуки отчаянной борьбы. Я натянул галифе, всунул ноги в сапоги и выскочил из гостиницы. На порожках лежал избитый донельзя человек. Двое уже отъезжали на чёрной машине. Простые на таких не ездят. Он прошептал: «Я журналист. Вёз бумаги, разоблачающие… Помогите мне!»

Как я мог ему помочь?!

Он не успел договорить, потому что из-за угла выкатилась машина с полицейскими, которые, оттеснив меня, ударили его ещё несколько раз и, обвинив в дебоше, забросили в воронок. Машина уехала.

В смятенных чувствах я вернулся в номер. Передо мной прошла расправа, смысла которой я тогда не понимал, но понял позднее. В комнате негромко перешёптывались двое приезжих.

Весь следующий день и вечер я бегал по городу, стараясь забыть происшедшее минувшим вечером.

Глубокой ночью я выехал из городка на тепловозе.

Десять дней в солнечной банановo-тыквенной республике подходили к концу.

Билеты до Нусеквы в аэропорту по военному предписанию достать не удалось, мне кажется, всё это было пущено из-под полы.

Пришлось брать билет на поезд.

Ехали назад трое суток, кланяясь всем столбам, сначала через пустыню с барханами и редкими юртами, потом через зачумлённые посёлки. Один раз машинист остановил поезд и вылез около какой-то юрты. Он пошёл в юрту и около часа пил там чай. Это был не поезд, а вагончики из Диснейленда. Вместе со мной в номере ехал отставной генерал с женой, который каждые пять минут устраивал истерики и требовал к себе внимания и почёта от проводниц и официантов в вагоне-ресторане. И генерал, и его жена были необъятны. Утром их опухшие лица я с трудом идентифицировал, как человеческие. Они приставали ко мне с какими-то идиотскими распросами, переглядывались и улыбались, причмокивая.

Нусеква была такой же. Её въедливую пыль и уродство не проймёт ничто на свете. Выйдя из электрички, я пересел на автобус, и серая бетонная дорога замелькала у меня перед глазами.

Вернувшись в своё ужасающее общежитие, я заснул столь крепким сном, что проснулся только через сутки.

……

История с Недоношенным и Ходжой послужила фундаментом для моих весьма натянутых отношений с другими военными строителями. Она испортилась окончательно, когда, будучи дознавателем, я отказался от взятки в пять тысяч гренцыпулеров – чудовищной цифры по тем временам. Однажды, когда я одиноко шёл вдоль общежития, дабы вынести ведро с мусором, от тёмной торцовой стены отделилась фигура, и я узнал коренастого Увара Умдарбежбужбешврежькралиева. Он поздоровался и сказал, что хочет поговорить со мной. После чего он сказал, что дело, заведённое на Гостоева, несправедливое, он поднял руки на офицера случайно, и если оно будет раскручено, хороший, но чересчур горячий парень сядет в тюрьму ни за что ни про что. Вах-вах-вах, таварсчь лтнант!

– Он ударил офицера! – сказал я, – И извинений ни у кого просить по-моему не собирается!

– Да! – сморщившись, как лимон, подтвердил Умдарбежбужбешврежькралиев. – но он хороший человек!… Мы знаем, что вы тоже в глубине души хороший человек… Хоть и идеалист.

И он потупился и покраснел всей своей медной рожей.

– Вот ты какие слова знаешь, плут! – сказал я ему и насторожился, – И что тебе нужно от меня?

– Да как! Вы собирали справки на Гостоева, как дознаватель, если бы эти протоколы, справки и всё остальное сгорело бы или пропало, было бы очень хорошо. А у вас было бы в кармане пять тысяч имперских гренцыпуллеров!.. Это – новая машина!

В его руке веером разошлась пачка денег, вынутая из-за спины.

Пять тысяч гренцыпулеров в качестве взятки, вручаемые мне на помойке позади моей общаги – это было в высшей степени оригинально! Я был польщён, они наконец оценили меня! Как я его не убил, я не знаю. У меня к тому времени мозг воспламенялся сразу, а кулаки не надо было уже упрашивать, чтобы они пошли в ход.

Когда я уходил, он с отвращением сказал мне в спину: «Небожитель! У нас в горах таких называют «Идеалистами».

– Не твоё чурбанье дело! – сказал я и затопал ногами. Он побежал.

И с не меньшим омерзением подумал: «Какие слова знает, сука продажная! „Небожитель“… „Идеалист“. Образованный, сука!»

Я не взял эту взятку, но судя по тому, что Гостоева в суде оправдали и признали дураком с дальнейшей комиссацией, кто-то эту взятку взял. Скорее всего это были врачи из медкомиссии. Алчность этих слуг Бога Здоровья общеизвестна и в рекомендациях не нуждается. В моём государстве коррупция уже правила бал, а я, как наивный энтузиаст упрямо не хотел

этого замечать. То, что мне предлагали взятку в пять тысяч дубовых гренцыпуллеров, а я не взял, через день знали все в части.

Восточная ментальность не смогла переварить такого безумия, и меня стали бояться пуще огня. На востоке человек, не берущий взяток – или умалишённый, или небожитель-идеалист, хотя для них это одно и то же. Но это для них страшный человек, потому что этим он перечёркивает всю их хитрую философию.

На следующий день у командира части было совещание, и в мой адрес ничего не было сказано. Громы и молнии летели в адрес других – в части опять украли огнетушитель.

Строго к полудню все роты построились у своих казарм и строевым шагом проследовали в соседнюю часть, где готовилась пропагандистская экзекуция провинившихся военных строителей. К этой акции политические органы готовились загодя. Они придавали ей особое значение, как средству запугивания и воспитания.

Огромная квадратная площадь со стоявшей в центре наскоро сколоченной не то плахой, не то платформой, была уже запружена гомонившим личным составом. Пахло Достоевским. Около плахи суетились несколько человек с автоматами. Рядом стоял автобус с затенёнными окнами. Там сидели главные иезуиты. Под ударами солдатских копыт в воздух поднималась едкая пыль. Звучали песни. Всё очень напоминало какую-нибудь картину бессмертного Верещагина или на худой конец сухопутного Айвазовского.

Между тем представление началось. С короткой, но крайне непонятной и оттого эмоциональной речью выступил какой-то толстый хрен, возвестивший о цели собрания. Он рубил воздух кулаками и размахивал руками с приговорами. Хотя он путал склонения со спряжениями, смысл его инсинуаций был понятен почти всем.

«У нас, ёпть, есть не только добросовестных солдатов, ёпть, – возвестил он, – не только воины, нах, но и разного видов преступника, …, попирающие, бла, святые армейское законы, нах, и бросающая тень на обороноспособности нашей, ёпть, любимех родинов, нашей, в общем, отчизны. Это преступники, нах, и они сейчас публично так будет лишено воинских звания и отправлены в не столь отдалённых местов для, ёпть, заключения так! Пусть все остальное увидят тех и ужаснутся, нах, их судьбу! Вывести преступников и зачитывоваать, ёптьбланах……., приговоров!»

Двое краснопогонников вывели какого-то зачуханного военного строителя. Задроченный – вот самый комплиментарный эпитет, который ему можно было дать. Худая шея торчала из грязного ворота без подворотничка. Глаза у него слезились. В них застыло выражение затравленного животного. Зачитали приговор. Ему дали три года заключения в колонии. Краснопогонники аффектированными жестами сорвали у солдата тряпочки с плеч и увели со связанными руками в пазик. Дальше пошло, как по маслу. Осуждённые были мелкие, дохленькие и растерянные. Они не оказывали никакого сопротивления жестокой длани, повергшей их в грязь. Испортил все под занавес солдат – этнический немец. Когда зачитали приговор, он гордо поднял голову и сам с треском выдрал погоны с плеч, после чего со злобой растоптал сапогами. Лицо его стало красным от гнева и бессилия. Его тоже увели.

На этом просветительная и воспитательная акции закончились и подгоняемые прапорщиками, военные строители потянулись в свои части. Признаюсь честно, общая картина парада и разоблачения грешников произвела на меня тягостное впечатление. Мне почему-то вспомнился Достоевский и его разжалование. Правда, времена были другие, шпаг уже не было, хотя ломать пока было что. До сих пор передо мной стоит безликое солдатское каре и немец, брезгливо срывающий уже ненужные погоны.

На крыльце штаба я перезнакомился со всеми прапорщиками и даже, как оказалось впоследствии, стал объектом их экономических диверсий. Старшина Бордин, старшина Крошкин и старший прапорщик Малоев буквально затащили меня играть в «Преферанс». Три бутылки водки служили неплохим аккомпаниментом готовящемуся торжеству. Я до того

никогда в преферанс не играл и мизерная ставка в четыре копейки за вист, при оговоренных шести часах игры меня испугать не могла. Я судил по тому, что в «Дурака» за шесть часов можно при очень большом невезении проиграть рубля три, не больше. Подумаешь там, четыре копейки вист, какая чепуха! Подумаешь, «Преферанс»? Прорвёмся, какие наши годы!

Эти тоже пытались меня опустить, только в финансах!

Игра началась. Я держал карты забинтованной рукой и иногда морщился от боли. По мере того, как я стал прозревать, в какую передрягу влип, ужас всё сильнее овладевал мной. Ни зная никаких тонкостей, а иногда и правил, витиеватой игры, при трёх кровожадных партнёрах, объединённых общим желанием пустить кровь моему кошельку, я должен был проявить стойкость и держался испытанной тактики. Принципы «Дурака» я распространил на «Преферанс» и всегда заказывал на взятку меньше, чем мог взять наверняка. Как ни странно, это принесло свои результаты. Я выиграл сто восемьдесят гренцыпулеров. Это был подвиг. Я потерял уважение моих скрежещущих зубами партнёров, которые имели при этом весьма плачевный вид, но зато понял, с кем я имею дело в лице этих патриотичных прапорщиков. Мои партнёры имели ужасный вид: злоба так и сверкала в их глазах. Я дал себе слово больше никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах в преферанс больше на деньги не играть. Этой клятве я верен и по сию пору. Все другие клятвы с тех пор померкли или прекратили существование.

Нравы в военном городке отличались отменной патриархальностью. Кастелянши общежитий жили попеременно со всеми солдатами. Сотрудницы столовой были чрезвычайно любвеобильны также, отдавая предпочтение военным. Дух ожидания и реализации запретной любви так и реял над бараками, толкая даже очень стойкие организмы в лапы Бахуса и Морфея.

Только я успел устроиться, выпил водки с тощим комсоргом, с которым только что познакомился, как за дощатой стеной раздался грохот и дикие вопли. Я, честно говоря, сначала подумал, что начался солдатский бунт. Жизнь у солдат, думаю, понятно какая, вот они и взбунтовались. И идут нас убивать табуретками и вешалками. Оделся я, вышел на крыльцо. А там солдаты в темноте топают кривыми ногами и орут, что есть мочи. А прапор пьяный их наяривает и в тонус вводит. Оказалось – вечерняя прогулка. Ну, думаю, что за идиот перед сном заставил людей топать ногами и орать во всю глотку. Кретины какие! Нет, здесь не соскучишься, не дадут! Это не армия, а сумасшедший дом! Так оно и оказалось.

Тот, кто хоть раз был в стройбате, прекрасно знает, какого рода контингент поставляли военные комиссариаты в эти войска. Сюда шли все отбракованные, слегка и сильно сумасшедшие, заключённые тюрем, а также юные алкоголики и наркоманы, не проходившие в строевые дивизии ни под каким видом.

Распорядок в части был железный. Страшный подъём в шесть утра и получасовые отчаянные метания опухшего личного состава по кубрикам. Умывание, которое чаще заменялось сморканием. Подъём был особенно ужасен зимой. Щитовые казармы были ветхи и худы, в холодные Сан Репские ночи температура в них редко когда превышала пять градусов тепла. Само собой разумеется, кое-как отогревшиеся под матрасами, к утру военные строители не имели сил вылезти из-под одеял и матрасов, и оттягивали этот страшный момент, как только могли. Когда офицерский состав умудрялся приподнять солдат, с тощих одеял верхних ярусов кроватей летели жирные вши.

После завтрака, который проводился в полвосьмого, колонна прямо с развода отправлялась на объекты по бетонной дороге, причудливо петлявшей между сосен. Метров через триста строй распадался и превращался в процессию пленных нищих, которые одиноко или парами медленно брели к своей трудовой Голгофе.

Часть строителей занимались кладкой, часть сваркой, часть была монтажниками или бетонщиками. Присутствующий на сварке мог быть удивлён: обваривавшего арматуру в колодце солдата опускали в шахту на верёвке и давали инструкцию – теряя сознание от недостатка воздуха, он должен был дёрнуть за верёвку, после чего его поднимали. Никакие маски при аргоновой сварке предусмотрены не были. Не думаю, что такие опыты продлили жизнь солдат, вынужденных участвовать в таких развлечениях..

В час дня был обед. Он продолжался час, после чего военные строители снова строились и отбывали восвояси. После обеда я проверял их наличие на многочисленных объектах, закрывая глаза на отсутствовавших – всё равно отловить и пересчитать эту ораву на территории несколько десятков квадратных километров было совершенно нереально.

Состояние личного состава было плачевным. Многие болели болотными болезнями – нарывами на ногах, язвами, психические расстройства тоже были не редкостью. Были случаи побегов и самоубийств. Были и ещё более трагические случаи. Один солдат, дабы быть комиссованным, решил симулировать самоубийство. Он привязал верёвку, встал на табурет и наказал своему другу, как только он оттолкнёт табурет, снять его с верёвки. Сам он для придания всему видимости находился в метрах пяти. Когда потенциальный самоубийца оттолкнул табурет, дневальный бросился к нему, но споткнулся и упал. Пока он вставал с пола, прошло несколько секунд, и его друг был уже мёртв.

В нашей части тоже случалось нечто подобное. Люди болели и гибли.

Куданазаров был жёлт, стар и похож на 70-летнего старика, а не на 19-летнего солдата. Хотя он был из другой роты, а посему никакого отношения ко мне как бы не имел, он всё время жаловался мне на больную печень, и я несколько раз по согласованию с его ротным начальством сердобольно отвозил его по собственной инициативе в госпиталь. Там его обследовали и написали, что он здоров и к службе годен, как штык. Через два дня, 31 числа, под Новый Год, он умер.

Был декабрь, и леденящая чёрная ночь стояла над тихой частью. В ротах шла гульба. Такие же невыносимо яркие звёзды горели над окружёнными немцами в Сталинграде много лет назад. В тот день я был дежурным по части и должен был отдать первые распоряжения. Вечером привезли гроб. Куданазарова положили в домовину, установленную на две табуретки в клубе части. Клуб был неотапливаемый. Завклубом был Назарчук. Это был коренастый крепыш с побитым оспой лицом и хитроватыми манерами.

В пять утра, когда уже надо было готовить дневальных к подъёму ротного состава, я стал разыскивать Назарчука, но его нигде не было. Открыв амбарную дверь клуба, я вошёл внутрь и громко крикнул: «Назарчук!»

В гробу кто-то зашевелился, и крышка приподнялась. Назарчук использовал гроб в качестве спального мешка. Он выбросил из деревянного спальника холодное худое тело Куданазарова, которому тепло всё равно не было нужно. Тело лежало рядом с гробом, прикрытое тряпкой. Я вышел на воздух и стал смотреть на звёзды.

Выхожу один я на дорогу…
Средь холмов кремнистый путь блестит.
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу
И звезда с звездою говорит…

Лейтенант Зотов сопровождал тело на родину и вернулся с рассказами об ужасающей жизни горцев. Там не знали ни простыней, ни подушек. Там была страшная нищета, в этих селениях. Люди не знали ни врачей, ни законов.

А здесь, в военном городке гнили люди, отпавшие от столиц и мира.

Глава 10. Коронка, но не та!

В моей роте был солдат по фамилии Коронка. Воспоминания не сохранили его образа, я помню только, что он был высок и вежлив. Не выдержав «тягот военной службы», он стал изображать сильные головные боли и специально сидел у окна лазарета часами, не двигаясь, придав лицу мученическое выражение и тупо вглядываясь в одну точку. Его потуги имели последствия. Сжалившись над болящим, командир части отправил его в госпиталь на обследование. Там больной продолжил свои жалобы уже не дилетанту командиру, а профессиональному врачу. Недели три добродушный врач внимательно выслушивал жалобы Коронки на дикие головные боли, мигренные и иные. Через три недели, выслушав очередную порцию россказней, почёрпнутых из популярных книжечек, медик спросил страдальца:

– Слушай! Служить не хочешь?

– Не хочу! – просто ответил солдат.

– У тебя будет запись в билете, что ты дурак, ничего если так?

– Ничего! – ответил солдат. – Пусть будет запись, чёрт с ней, с записью! Мне лишь бы убежать отсюда!

– Хорошо! – смиренно сказал врач и пошёл оформлять бумаги.

Я знал ещё нескольких солдат, навсегда покинувших пост благодаря снисходительности медицинского персонала.

Прощаясь, Коронка подошёл ко мне и сказал: «Я должен был уйти! Только благодаря врачам! Просто потому, что подкоп через выгребную яму я отвергаю принципиально!»

Попрощавшись с ним, я двинулся к моему корейцу, который обещал приготовить собаку. Кухня корейца располагалась в сарае, примыкавшем к одной из казарм. Там он и священнодействовал. На дегустированиие присутствовало несколько солдат и один прапорщик Кощеев. Действительно собака оказалась очень вкусной. Когда корейцы едят своё излюбленное блюдо, это мало того, что сопровождается целым ритуалом, это – событие мирового масштаба. Когда повар подавал нам большое блюдо, даже зажаренная собака будто бы прониклась чувством важности происходящего. Если мне изменяет память, впереди подноса была печень, густо засыпанная кольцами лука, вымоченного в уксусе.

Эхом отозвалась дыра сарая. Заходили зелёные бутылки.

На этой кулинарной сессии меня попытался впервые взять за зебры комсорг прапорщик Бодроу, узнавший, что я умею прекрасно рисовать. А ему до зарезу нужны были богомазы, способные преобразить вид его обшарпанных Членинских комнат.

Бодроу помимо своей боевитой фамилии и привязанности к алкоголю, был ещё и настоящий комсомолец, каких ещё нужно поискать.

Но как он пытался залезть на меня, так и слез. Нет, я неправильно выразился и должен поправиться, чтобы быть понятым правильно. Он хотел использовать мои художественные таланты себе на благо, а я ему сказал: «Нет!» Вот и всё.

– Меня на пушку брать не надо, товарищ старший прапорщик! Я сам кого угодно возьму на пушку! А будешь приставать, заколдую – попадёшь на губу в Сидоровы Казармы! Там тебе генералы сраку порвут! – сказал я ему.

Он бросил есть собачью печёнку и грешным ртом погрозил, что не просто займётся мной, но и вызовет меня на заслушивание. По его мнению, заслушивание было не менее страшной вещью, чем иезуитский суд в Испании.

– На что? – удивлённо спросил я, – На что вызовешь!

– На заслушивание! – повторил он грозно.

Я засмеялся, как рождественский колокольчик и обеспечил себе врага по гроб жизни.

Он таки пытался меня вызвать на своё прослушивание, но к несчастью у него это не вышло. Черед два дня после неудавшейся попытки привести меня в повиновение он напился и попал, как я ему и пророчил, в Сидоровы Казармы, где его, гниду, научили-таки классическому строевому шагу.

В армии Сан Репы труд её солдат рассматривается начальниками, как законная добыча, трофей, которым обладает самый наглый. Где только не использовались бедные солдаты в грязных бушлатах! Их посылали в колхоз копать картошку, делать бани и дачи друзьям Начальника работ, солдат забирали космонавты с теми же целями, их выписывали делать уборку в санаториях, был случай, когда начальник брал солдата на рыбалку и посылал его орудовать с электроудочкой. Был дождь и солдат погиб. Его списали, как погибшего вследствие своей же неосторожности на стройке и никто не был наказан. А уж героические космонавты прямо не слезали с наших солдат.

Недавно я шёл в Сблызнове около строящегося храма Святого Софита и с удивлением увидел, что около него копошится полдюжины милых моему сердцу стройбатовцев в засаленных робах. Вот оно и сюда пришло – армейское рабство – поповские постройки тоже стали делать руками армейских рабов. А всё о законности болтают!

Глава 11. Армейские помещики

От великого до смешного – один шаг.

Иногда автору приходиться вмешиваться в эмоциональные экзерсисы Алекса Лихтенвальда, дабы исправить небольшие фактические ошибки, вкравшиеся в его воспоминания только лишь по причине удалённости его по времени от случившегося.

Алекс застал в части несколько командиров. Обычно командиры в частях долго не задерживались и переходили из части в часть, что являлось общим и незыблемым принципом. Алекс где-то слышал о более обширном принципе: в случае войны все командиры частей и вообще офицеры ввиду глубокой и неискоренимой ненависти к ним солдат, должны повсеместно заменяться. Алекс не поверил – кто будет в ходе войны заниматься таким хлопотливым делом? Было ли такое распоряжение, или нет, бог знает, да только командиры в Алексовой части, действительно, долго не задерживались, из чего незрелый ум мог бы заключить, что идёт война. Первым, кого застал на высоком командирском посту Лихтенвальд, был подполковник Моргопляс. Он остался в памяти военных строителей тем, что плясал лезгинку на утреннем разводе. С ним Алексу пришлось служить вместе всего несколько дней, потому что Моргопляс уже сидел на чемоданах, ожидая перевода. Алекс не увидел Моргопляса в зените своей концертной деятельности и славы, но коллеги много рассказывали о нравах и особенностях подполковника Моргопляса, от которых у наивного Алекса поднимались брови. Однажды крутой зимой, когда не то, что идти на работу, вылезти из холодной казармы страшно, он для приободрения замерзающего личного состава провёл акцию поощрения героев – там же на разводе вручал за героический труд яйца отличившимся. Громким петушьим голосом он кричал: «За выдающиеся успехи в деле возведения трансформаторной будки сержант Бермалеев награждается сваренным вкрутую яйцом! Сержант Бермалеев! Выйти из строя! За примерный труд на точке рядовой Хрян награждается сваренным вкрутую яйцом! Выйти из строя!» И вручал яйца. Такое действо, поощряемое вальяжными аплодисментами военных строителей, сразу оценивших забаву, продолжалось довольно долго.

Командир майор Бузуев, сменивший Моргопляса, хоть и носил остро славянскую фамилию, при ближайшем рассмотрении оказался обыкновенным татарином, и витиеватые восточные нравы, напоенные негой и непредсказуемостью, при нём расцвели пышным цветом. На своём представлении перед частью, он, уже наслушавшись чуждых наущений о непорядках, разъевших дисциплину, сразу стал топать маленькими наполеоновскими ножками в тщательно начищенных сапогах и пугать военных строителей поистине адовыми картинами своего будущего правления.

Бузуев, однако, слова не сдержал, так как оказался хитёр, и вёл политику подковёрную и вкрадчивую.

…….

Следующим в нашей иерархии по праву должен стоять майор Дранко.

Майор Дранко, начальник снабжения части, маленький, толстенький человечек, обладал классическим меланхолическим характером. Описывать его следует снизу. Сапоги не налазили на его почти женские икры, и были всегда приспущены дембельской гармошкой. Военные шальвары, о которые он беспрерывно вытирал руки во время полководческих инспекций столовой и офицерских кабинетов, были залоснены до потери натурального защитного цвета и блестели, как колготки Мадонны. Френч его был вообще неописуем по той же причине – огромному числу жирных пятен по всей поверхности. Пятна располагались очень живописно, но по большей части на животе. Рубашка под френчем имела точно такой же вид и в описании не нуждалась. Фуражка, более напоминающая первый блин,

испечённый дилетантом, занимала на его голове всегда какое-нибудь причудливое место и либо съезжала за ухо, либо каким-то чудом держалась на затылке. Ходил майор, переваливаясь, как пингвин, из себя не выходил никогда, и на его лице обычно было отрешённое выражение. Его африканские губы были припухлы и масляны, глазки, маленькие, но буравящие, были масляны же. Отрешённость от жизни и её бурь спасала нервы майора Дранко и сохраняла его здоровье от неминуемых для нормального человека, попавшего в армию, инфарктов и инсультов. Хладнокровие его было феноменально. Прошлой зимой его в течение пяти месяцев бомбардировали из штаба депешами, предупреждая о том, что вагон угля для котельных выслан, потом его стала бомбардировать станция, куда уголь был выгружен на неприспособленной площадке вблизи путей. Слёзно его просили забрать уголь. Клянчили. Умоляли. Мол, добро лежит под открытым небом, без охраны, как бы чего не вышло. Пропадёт добро. Но майор Дранко выжидал и ничего не предпринимал. Когда весной, при первых пернатых, военные строители были откомандированы на станцию, угля там уже не было, а на месте кучи оставалась горка чёрной пыли и жёлтая газета с огненным призывом к бдительности. Когда майор доложил об инциденте командиру войсковой части, тот долго рвал и метал, посылая громы и молнии на голову зама по снабжению, но Дранко держался стойко и обвинял во всём «Нечестных людей».

Хотя он и говорил абсолютную правду насчёт нечестности местного населения и его воровских поползновениях, он так и не смог объяснить, почему ему не пришло в голову заняться вывозкой чуть раньше, а не через пять месяцев. Вспоминая об этом сейчас, я уже не склонен считать такой подход глупым, как раньше, напротив, пере нами – умнейший и дальновиднейший подход: Уголь предназначался собственно говоря не самой части, а военному городку, что снимало с майора Дранко львиную долю ответственности за происходящее, и исчез он, я полагаю, совсем не без помощи ушлого майора. Окажись этот человек в конце концов валютным миллионерам, в этом не было бы ничего удивительного. Но о том, чего не знаем, говорить не будем. В общем, майор Дранко был чудесный человек, прекрасный военный и изумительный, судя по всему, семьянин.

Именно этот майор волею судьбы чуть было не послужил причиной моей безвременной кончины. Именно он приказал мне заменить заболевшего ангиной начпрода, и сопровождать машину в Бецк, где часть получала положенные ей продукты. Получив все причитающиеся бумаги, я сел рядом с водителем и в приподнятом настроении стал рассматривать импортный порнографический журнал.

Ехать нужно было часа два. Полёт над занесёнными снегом полями проходил нормально. Серые камни торчали из-под снега, холодный ветер трепал сухие зимние ветки. Вдали маячили тревожные заросли бамбука. Я стал засыпать, как вдруг меня бросило на окно и с силой ударило. Мы свалились в кювет. Водитель обрушился на меня. Молодой водитель, не знавший причуд здешней дороги не совладал с поворотом и вылетел по счастью в гигантский сугроб, где наше путешествие закончилось. Я вылез из машины. Болела грудь и рука. Проинструктировав шофёра, хромая, я двинулся по дороге к посёлку. Там я позвонил в часть, а сам, как античный герой своим ходом отправился в общежитие. Раздевшись, я огляделся. На руках были две ссадины, рука и грудь почти черны.

Это происшествие, едва не окончившееся плачевным исходом, ясно показало мне, насколько здесь нужно быть осторожным и предусмотрительным, дабы остаться в живых в чуждой и опасной среде.

Замполит Кораблёв был женственен и прихотлив в своих привязаностях. Он не любил свои прямые обязанности и коммунистические речи произносил без всякого удовольствия, а когда было возможно, не произносил вовсе. Как у любого военного у него было любимое хобби. Его хобби было исключительным. Якобы для водворения настоящего воинского порядка и борьбы с незаконными почтовыми отправлениями, он оставался в части в ночь

с пятницы на субботу. После проведения отбоя, он запирался в своём кабинете со всеми посылками, пришедшими к солдатам за неделю, и потрошил их. После его тщательного досмотра и инспекции я только один раз видел, чтобы он мог выйти из кабинета на своих двоих – его всегда выносили, так он был пьян. Он был остервенело пьян. Однажды, находясь в таком состоянии, он вышел к каре военных строителей и попытался в отсутствие командира части провести развод. Кончилось дело тем, что он качнулся, потом упал и потом уже не поднялся. Все прапорщики люто завидовали майору высоко моральному Кораблёву и его доморощенной таможне, которая давала столь высокие дивиденты в виде спирта, сала и коньяка. При этом у него хватало наглости читать потом лекции ограбленным им солдатам и учить их морали.

Начальник штаба майор Папов был обычным военным, хитроватым, себе на уме, но в отличие от многих других всё-таки брезговал такими методами и взяток не брал. Его звали Деревянным, и эта кличка очень шла к его ничего не выражающему лицу и чрезмерно прямой фигуре, которая, казалось не ходила по земле, а плыла в мертвенном воздухе.

Приблизительно в это время я был переведён в другую роту и вынужден был часто отправляться вслед за военными строителями, прикомандированными к разным частям и разбросанными вокруг Нусеквы на огромные расстояния. Таким пунктом был и Дагомызов…

……..

Теперь автор на время вынужден перехватить перо, выпавшее из рук Алекса и рассказать кое-что интересное. Надо было наведаться к солдатам, прикомандированным к разным частям, и начинать ознакомление Алекс решил с города Дагомызова. У этого плана было второе дно – покидая свою часть, можно было пожить в спокойной обстановке вдали от кретинов с большими погонами, отдохнуть, всё-таки общаться с солдатами много приятнее, чем с давно набившими оскомину толстолобиками, тем более с теми, кто тебя уже просто ненавидит. Честно сказать, у Алекса не было никакого приказа на посещение Дагомызова, но оставаться в части после скандала с письмом, никакого желания не было.

С тремя томительными пересадками Алекс добрался до Долбомызова. Где-то здесь располагалась часть, в которую и лежал его путь. Военные поселения трудно спутать с чем-либо иным, представшее перед ним скопище серых бараков за бетонной стеной могло быть только военным объектом. За гигантским бетонным забором с отчаяной решимостью топали люди и раздавались ужасающие патриотические крики. Сатанинское упорство в этих занятиях вызывало уважение. Там занималась шагистикой образцово-показательная военно-строительная часть. Тайны её мадридского двора не были видны глазу, но зато радовали ухо. Там развлекались лихие усатые прапорщики. Цинизм и искренняя забота об обороноспособности ненаглядной родины совмещались в них самым причудливым образом. Алекс вспомнил, как в роте, куда он попал в конце службы, лихой пьяный прапорщик стал расшивать ушитые ХБ опасной бритвой. Он полоснул по штанам воина и вместе со штанами разрезал мясо. Воин даже не мог крикнуть – его парализовало от боли. Воина еле спасли от потери крови и болевого шока, благо госпитать был рядом. За это прапорщика отчитали и заставили написать объяснительную. Ладно бы искоренял непослушного обидчика, так нет же, прапорщик боролся за верность уставу, за закон.

Побродив по части в поисках своих военных строителей Алекс наткнулся на желчного полковника, который попытался на него наброситься и отчитать за гнутую фуражку, но Алекс пресёк его намерение одним словом, правда сказанным с великой злостию: «Семь!». Полковник был также зол, потому что вчера в наряде один солдат застрелил себя в рот в десяти шагах от штаба, на виду у всех, и к полковнику в часть ехала высокая депутация из министерства обороны. После отпора, данного Лихтенвальдом, полковник сразу иссяк и занятий по уставу проводить больше не пытался. У склада с разобранными ракетами

наконец-то были найдены и вверенные части военные строители. Голос бравого Конотопова нельзя было спутать ни с чем, вот и сейчас он с пеной у рта изображал из себя бравого рокера и вращал вокруг головы несуществующей гитарой.

«А он схватил гитару и как даст ей по питону! Гитара – в щепки, питон – всмятку! Королевская семья обмочилась от страха! Публика вскочила и как была, тоже в мокрых штанах рванула к сцене. Оззи прыгнул вниз головой в оркестровую яму, залитую водой и как заорёт: „Неви металл! Хеви металл! Козлы! Боже! Как мне хорошо!“ Знаете, как он накачался ЛСД? О-о-о!»

Не видя тихо подошедшего лейтенанта, он дал волю своей неразделённой любви к нечеловеческой музыке и дрыгал всеми частями тела одновременно. Из широко развёрстого рта нёсся новояз, принимаемый его слушателями за образцовый инглиш. Слуха у него не было, музыкального образования – тоже! Но была великая, совершенно неразделённая любовь к искусству, к музыке, да не просто к музыке, а к музыке самоотверженной – звериному року конца семидесятых. Конотопов был продвинутым человеком, в части его уважала за смелость пред ликом тоталитарной системы, и все встреченные им солдаты заглядывали ему в рот и заискивающе как бы просили: «Хеви метал?» С видом пожившего на свете гуру он отвечал, солидно качая головой на проволочной шее: «Хеви метал! Хеви-хеви! Вери хеви!! А-тататататата! А-та-та-та-та-та-та!» Иногда он, как юродивый, начинал крутиться вокруг своей оси, хлопая себя руками по груди. Даже здесь в армии он умудрялся обвешиваться цепями и расписывать бренное, худое библейское тело фломастерными наколками, которые после каждой бани приходилось возобновлять. Вкупе со вшами такая роспись производила впечатление настоящего иконостаса. Темами таких икон-наколок были черепа с вываленными языками, чёрные стрелы в облаках, звери с огнём из разинутых пастей, остервенелые женщины в железных бикини или без оных. Всегда подле него толпились солдаты, а он им байки травил про музыку, и все свои речи для правдоподобия пересыпал замысловатыми терминами, что-нибудь вроде «Пицикатто» или на самый худой конец «Крещендо». С видом калика перехожего он орал: «А Фредди Меркури «Би-би-би», а Роберт Плант «Ба-ба-ба!» Страшным голосом произносил он магические слова «Лед Зепеллллллллинннн» и слушавшим уже не нужно было слушать нудные запилы английских мастеров. Его рассказы о кумирах рок-музыки, почерпнутые из разных, часто сомнительных источников были похожи на байки ранний христиан о своём распятом кумире, которые они травили в тёмных катакомбах по ночам, не надеясь никогда быть услышанными в приличном обществе. Он брал слушателей не знанием, а глубокой убеждённостью. Брал верой. Брал правдой. Брал взволнованностью. Брал четвёртым позвонком. Брал вторым дыханием. Третьим глазом. Непереводимые текстовки самых сатанинских музыкальных творений он дополнял изысканиями своей фантазии и часто приукрашал их. Для Конотопова дикие песни его американских друзей были не просто песнями, но гимнами величайшей в мире религии, полной любви и света. Впрочем, это была не самая несимпатичная религия, я бы даже сказал, гораздо более симпатичная. Чем какие-нибудь христианские общеизвестные бредни. Здесь, в армии, он, аристократ рок-музыки, почему-то занесённый в гнилые Нусековские леса, нёс свою героическую вахту, как Гаврош у флага, искренне и верно. Когда на пути Конотопова попадался кто-нибудь более осведомлённый и затевал спор о тонкостях игры Хендрикса, на губах Конотопова выступала жёлтая бешеная пена, он не мог мириться с другим – чужаком, пришедшим с намерением увести его любимую женщину – Музыку. Если у Конотопова не хватало доводов, он хватался за кулаки, а с этим делом, несмотря на его страшную худобу, у него было всё нормально – кулаки были у него даже на ногах. В любом случае обычно обидчик уходил посрамлённым. Фанатизм всегда сильнее и убедительнее разума. Было ясно, что если Нусекву ещё можно при определённых обстоятельствах сдать врагу, то Джимми Пейджа – никогда и никому. Короче, перед нами был современный Василий Тёр-

кин, только Тёркин из фильма про Фредди Крюгера, Тёркин другой, битой и тёртой, но уже явно не героической эпохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.